

В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

*Сборник статей по материалам
XXXIII международной научно-практической конференции*

№ 2 (33)
Февраль 2014 г.

Часть I

Издается с мая 2011 года

Новосибирск
2014

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

В59

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Грудева Елена Валерьевна — д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета.

Редакционная коллегия:

Бердникова Анна Геннадьевна — канд. филол. наук, доц. кафедры педагогики и психологии гуманитарного образования Новосибирского государственного педагогического университета;

Павловец Татьяна Владимировна — канд. филол. наук, рецензент НП «СибАК»;

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко;

Кривошей Ирина Михайловна — канд. искусствоведения, проф. кафедры камерно-концертмейстерского искусства Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова.

В 59 В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам XXXIII междунар. науч.-практ. конф. № 2 (33). Часть I. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 150 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Культурология	6
1.1. Теория и история культуры	6
ЕДИНСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ЛОГИЧЕСКОГО В ПРИРОДЕ МУЗЫКИ	6
Бахтизина Дильбяр Исмаиловна	
ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА	11
Кулагина Яна Михайловна	
Кубанев Николай Алексеевич	
УКРАИНСКАЯ НАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	16
Садовенко Светлана Николаевна	
КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА ОЛОНХО КАК ШЕДЕВРА	23
Стрекаловская Зоя Андреевна	
Секция 2. Языкознание	28
2.1. Русский язык Языки народов Российской Федерации	28
ЭКСПРЕССИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЭТИКЕ К. ДОДОНОВОЙ	28
Аверина Марина Анатольевна	
НОМИНАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА	32
Дедковская Дарья Михайловна	
ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИИ МОРАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ	41
Коваленко Екатерина Георгиевна	
О СПЕЦИФИКЕ ПОНИМАНИЯ ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ СТУДЕНТАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ	47
Лесных Елена Владимировна	
ЕЩЁ РАЗ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТА	52
Маняхин Алексей Владимирович	
ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ	59
Шарина Сардана Ивановна	

2.2. Германские языки	66
ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РОМАНЕ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА “THE LORD OF THE RINGS”	66
Глыбочко Наталья Владимировна Вычужанина Анна Юрьевна	
ФИНАНСОВЫЕ ГЛАГОЛЫ-КОНВЕРСИВЫ В СТРУКТУРЕ ТЕМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА	76
Колисниченко Татьяна Викторовна	
КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ В ДИСКУРСЕ СТОМАТОЛОГИИ	81
Костенко Виктория Геннадиевна Сологор Ирина Николаевна Знаменская Иванна Владиславовна	
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ	89
Кузнецова Наталия Эдуардовна	
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОВНЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	93
Кузнецова Наталия Эдуардовна	
МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ БРИТАНСКОГО АНГЛИЙСКОГО	97
Кузнецова Наталия Эдуардовна	
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В РАССКАЗАХ А. КОНАН ДОЙЛЯ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ	102
Петер Ирина Георгиевна Федорова Мария Сергеевна	
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ КАУЗАЛЬНОСТИ В ВИДЕОВЕРБАЛЬНЫХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ	109
Христофорова Наталья Игоревна	
2.3. Теория языка	118
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XI—XII ВЕКОВ	118
Баялиева Гульмира Жарылкасыновна	

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ГЕНДЕРНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЯХ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА Кареева Мария Сергеевна Кареева Ольга Петровна	122
ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ТРАНСПОРТНОЙ ТЕМАТИКИ) Короткая Ирина Эдуардовна	127
ПОЛИСЕМИЯ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ КАК РЕЗУЛЬТАТ КАТЕГОРИЗАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Урманова Лидия Эдуардовна	135
ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ В ФИЛОСОФСКОМ МЫШЛЕНИИ Хамдамян Али	142

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ЕДИНСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ЛОГИЧЕСКОГО В ПРИРОДЕ МУЗЫКИ

Бахтизина Дильбар Исмаиловна

*канд. филос. наук, доцент, Сибайский институт
(филиал) Башкирского государственного университета,
РФ, Республика Башкортостан, г. Сибай
E-mail: Dilbar.bach@mail.ru*

UNITY OF EMOTIONAL AND LOGICAL IN SUBSTANCE OF MUSIC

Dilbar Ismailovna Bakhtizina

*candidate of philosophy,
associate professor of Sibay institute of Bashkir State University,
Russia, Republic of Bashkortostan, Sibay*

АННОТАЦИЯ

Сущность музыки заключается в ее уникальной целостности, которая раскрывается через единство эмоционального и логического в ней. Соединяя в себе разнородные начала, музыка тем самым раскрывает противоречивость и многогранность духовной жизни человека, слепком которой она является.

ABSTRACT

Essence of music lies in the unique integrity, which is revealed through the emotional and logical unity in it. Music combines disparate beginning and reveals contradictions and complexity of man's spiritual life,

which it reflects. Music reflects the hidden side of human thinking. Internal contrast, specific for nature of music, allows it to become an impetus to creativity.

Ключевые слова: музыка; эмоциональное; логическое; мышление.

Keywords: music; emotional; logical; thinking.

Музыка представляет собой удивительное единство многих противоположных начал, таких, как иррациональное и рациональное, интеллектуальное и эмоциональное, сознательное и бессознательное. Объяснение данному феномену лежит в самой природе музыки, которая является одним из уникальных слепков человеческой сущности. Отражая человеческую природу, музыка отражает и те противоречия, которыми живет человек.

В качестве одного из видов искусства, музыка является областью духовной деятельности человека, в которой заложены те открытия, которые сделаны человеком в окружающем мире. Древние философы считали, что музыка является воплощением «умного», то есть высшего, идейного мира в мире земном. Замеченная еще древними мыслителями способность музыки быть своеобразным «слепком» вселенной нашла отражение в некоторых античных теориях, одной из самых интересных из которых была теория гармонии сфер Пифагора. Аристотель считал музыку важнейшим элементом бытия из-за ее способности отражать самое характерное в нем — движение. Ритм, пронизывающий музыку и определяющий ее интонационное наполнение, понимался древними как универсальное качество бытия. Особое положение музыки складывалось в силу того, что она, как искусство временное, наиболее полно выразила эту фундаментальную сторону бытийственности.

Издавна музыка трактовалась как проводник идеи, что определяло ее демиургическое значение в иерархии бытия. По мнению Платона, а позднее — неоплатоников, ее создание было делом мысли, одухотворенной чувством. В земном воплощении музыка предстает как чувственно прекрасное явление, красота мысли которой сокрыта и требует выявления. Восприятие музыки предполагает обратный процесс, при котором чувственно постигаемая красота способствует рождению мысли. Мысль человека, понимающего музыку, откликается на ту божественную идею, которая ее породила. Таким образом, музыка постигается и умом, и чувством, следовательно, при ее восприятии участвуют все духовные силы человека. Благодаря

этому музыка объединяет в себе интеллектуальное и чувственное начала.

Музыка действует не столько на сознание человека, сколько на его подсознание, приводя в движение скрытые механизмы его культурной памяти. Восприятие музыки представляет собой стихийный, во многом неосознанный, процесс, в котором заметную роль играет «интонационный запас» (М.К. Михайлов) слушателя, способствующий пониманию смыслов музыки. Осознание музыки, то есть чисто интеллектуальный процесс ее постижения, происходит позже, уже после того, как ее идея интуитивно постигается слушателем. Но в этом процессе участвует не только явное знание, осознанное и пропущенное человеком через его сознание, но и скрытое, идущее от тайников его подсознания. Понимание музыки, таким образом, позволяет человеку привести в движение могучие силы своего внутреннего мира, многие из которых остались бы без всякого движения, если бы не музыка.

Хотя появление музыки относится к глубокой древности, но, при этом, музыка как культура слышания и способности строить абстрактные формы, представляет собой довольно позднее явление в истории развития человечества. С. Лангер ссылается на У. Уоллеса, утверждавшего, что развитие музыки связано с появлением новой способности слышания [2, с. 225]. Действительно, восприятие музыки, как наиболее абстрактного и удаленного от эмпирического мира вида искусства, требует достаточно развитого мышления. И понимание музыки требует от человека многого, так как это процесс, охватывающий не только эмоциональную сферу внутренней жизни человека. Вслушивание в музыку сопровождается операциями сравнения, запоминания, выводов, обобщения, которые требуют напряженной работы мысли. Так как все эти процессы протекают на уровне подсознания, то активная мыслительная деятельность не замечается. Музыка позволяет обострить интерес к чему-либо, воспринять событие как значимое, как обращенное к нам. Ощущение сопричастности событию означает эмоциональное, чувственное сопереживание, в результате которого рождается понимание сущности бытия. Бытие, благодаря этому, приобретает в наших глазах не просто полноту, которой не было ранее, но рождает чувство сопричастности ему. Познание музыки — это путь к постижению скрытых сторон бытия.

Обладая большими суггестивными возможностями, музыка дает человеку шанс расширить свое знание в области собственного внутреннего мира. Она создает ситуацию обращенности к каждому

отдельному человеку. Ощущение того, что некто обращается к нам, рождает канал понимания, через который проходит информация особого характера — окрашенная эмоциональностью. Эта эмоциональная наполненность и делает ее исполненной глубокого смысла для слушателя, создающей эффект сопричастности художественному явлению, каким выступает музыкальное произведение.

Музыка раскрывает в себе особенности как сознательного, так и бессознательного. Хотя мышление традиционно причисляется исследователями к области сознательного, в нем имеется область, выходящая за его пределы. Основу любого мышления составляет не линейность, а объемность, пространственность, идущая от воплощения образа. Составляя некую целостность, образ несет в себе контрастность основного и второстепенного, то есть закладывает пространственную координату. Именно в образе «происходит формирование пространственных и временных импульсов при восприятии» [3, с. 7—8]. Концентрация вокруг главного, центрального момента придает необходимую целостность образу.

Образность как концентрация многого является источником творения. Целостность образа предполагает сосуществование разных, иногда очень контрастных элементов, которые находятся в нем в гармоничном единении. Творение предполагает способность сосредоточиваться на чем-то главном и охватывать пространство вокруг центральной идеи. Музыкальная интонация, концентрируя в себе большой объем информации, направляет внимание на разные аспекты образа музыки, в результате которого рождается ощущение его богатства, многогранности.

Мышление, имеющее отношение к художественному творчеству, безусловно, отличается от логического мышления, преобладающего в области науки. Сам процесс мышления, представляющий собой обработку получаемой извне информации, предполагает, во-первых, наличие ощущений, на основе которых вырастает восприятие, во-вторых, памяти, без которой невозможно получение и сохранение художественного опыта. Л.С. Выготский был прав, когда писал, что искусство «есть работа мысли, но совершенно особенного эмоционального мышления» [1, с. 52].

Без эмоциональной стороны невозможно восприятие и понимание музыки, так же, как и ее творение. Создание музыкального образа — это перевод переживания в область эмоций. Назвав музыку «логическим выражением чувств» [2, с. 195], С. Лангер подчеркнула роль волевого начала в работе творца. В музыке творец создает не сами эмоции как таковые; он моделирует ситуацию, которая

вызывает определенные чувства, то есть раскрывает «знание композитором человеческих чувств» [2, с. 198].

Эмоциональная жизнь, раскрываемая в рамках музыкального произведения, лишена беспорядочности эмпирического переживания. Благодаря искусству композитора и исполнителя в музыке эмоция обретает присущую только ей логику. В воплощении эмоциональности присутствует некая система, связанная с теми особенностями, которые отличают стиль данного композитора. Другими словами, выражение даже той стороны внутренней жизни человека, которая, казалось бы, не поддается логизации, в музыке имеет смысл, определяемый художественной задачей.

Эмоциональная картина музыки имеет своим истоком индивидуальное переживание. Но, благодаря силе искусства, оно становится ярче и выразительнее. Освобождаясь от всего случайного, оно приобретает эстетическую ценность, находящую воплощение в красоте. Это придает музыке универсальность, поднимающую индивидуальное переживание до уровня общезначимого явления.

Являясь искусством интонационным, в котором смыслы выявляются через выразительность интонирования, музыка тесно связана с характером проговаривания речи. Не следует забывать о том, что музыка, как альтернативная звуковая система в жизни человечества, развивалась параллельно с речью и впитала в себя речевую выразительность. Недаром любая национальная музыка отражает, в обобщенном виде, некоторые речевые особенности языка. Музыка и язык сумели вобрать в себя психические особенности, сопровождающие любые высказывания человека — вербальные или невербальные. Но, лишённая четкой понятийной основы, как это присутствует в вербальном языке, музыка, вместе с тем, несет в себе то начало, которое невозможно вместить в какие-либо логические рамки. Стихийная сила музыки, ее неопределенность и окончательная непознаваемость делает ее источником творческого начала. К музыке обращаются в поисках импульса, способного раскрыть бессознательные силы внутреннего мира человека.

Искусство дает человеку ответы на вопросы, которые не в состоянии дать другие формы духовной деятельности. Нередко эти вопросы являются самыми главными в жизни человека. Заставляя человека чувствовать и размышлять, искусство оправдывает человеческое существование и придает жизни высшую целесообразность.

Список литературы:

1. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Современное Слово, 1998. — 480 с.
2. Лангер С.Философия в новом ключе. М.: Республика, 2000. — 287 с.
3. Лук А.Н. Мышление и творчество. М.: Политиздат, 1976. — 144 с.

ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Кулагина Яна Михайловна

*студент историко-филологического факультета
Нижегородского Государственного Университета
им. Лобачевского, Арзамасский филиал,
РФ г. Арзамас
E-mail: yanisa.16@mail.ru*

Кубанев Николай Алексеевич

*д-р культурологии, профессор
Нижегородского Государственного Университета
им. Лобачевского Арзамасский филиал,
РФ, г. Арзамас
E-mail: nik-kubanev@yandex.ru*

FEATURES OF BRITISH NATIONAL CHARACTER

Yana Kulagina

*student of historical-philological faculty,
of Nizhniy Novgorod State University of Lobachevskiy, Arzamas branch,
Russia, Arzamas*

Nikolai Kubanev

*doctor of culturology, professor
of Nizhniy Novgorod State University of Lobachevskiy, Arzamas branch,
Russia, Arzamas*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена британскому национальному характеру. При помощи синтеза были проанализированы основные стереотипы о британцах, их традиции и обычаи с целью выявления ряда особенностей, присущих именно этому народу. На основе данного исследования можно прийти к выводам, что британцы очень сдержаны, чопорны и консервативны. Помимо этого, их отличительными чертами являются приверженность традициям, а также высокая значимость личного мнения.

ABSTRACT

This article is about British national character. With the help of analytic method the main stereotypes about British, their traditions and customs were analyzed in order to find out the peculiar features, which this nation has. On the basis of the research, it is possible to come to the conclusion that British people are self-restrained and ceremonious. Their features are traditionalism, conservatism and big importance of personal opinion.

Ключевые слова: национальный характер; межличностное взаимодействие; традиции; обычаи; стереотипы.

Keywords: national character; interpersonal interaction; traditions; customs; stereotypes.

Успешное существование человека в «чужой» для него культуре и успешное общение с носителями этой культуры возможны лишь тогда, когда он использует адекватные для этой культуры стратегии межличностного взаимодействия. В общении необходимо осознанно выбирать и применять способы выстраивания совместной деятельности с окружающими людьми, наиболее приемлемые для данной культуры в конкретных обстоятельствах. Для этого целесообразно изучить особенности национального характера данного народа. Ключевым источником информации могут послужить стереотипы о народе, а также его традиции и обычаи.

Попытаемся методом синтеза сформулировать возможные стереотипы о британцах. Существует стереотип, что британцы очень консервативны и нелегко соглашаются на какие-либо перемены, для них характерны строгость и чопорность.

Согласно А.В. Павловской [2], британцы очень сдержанны, они не любят проявлять своих чувств и эмоций. Также она подчеркивает, что этот народ глубоко чтит и соблюдает свои традиции, которые приравниваются по своей силе чуть ли не к закону.

Являясь политически свободным гражданином, каждый британец считает своей обязанностью строго подчиняться общественной дисциплине и укоренившимся обычаям. Этот факт демонстрирует ключевую особенность английского характера — приверженность традициям, стремление сохранить исторически-сложившийся образ жизни. Так, университеты со всей серьезностью относятся к поддержанию ритуалов, возникших, например, в XVI или XVII веках.

Про правый руль и левостороннее движение знают все. Но не всем известно про запрет на замену окон и дверей в старых домах, не смотря на прохладный климат страны. Также особый интерес вызывает английская сантехника, в особенности раздельные ванны с горячей и холодной водой.

Привычное словосочетание, которое стало одним из самых известных стереотипов о британцах — это словосочетание «чопорные англичане». Но скорее всего, здесь имеет место быть не чопорность, а щепетильность, которая заставляет англичан быть замкнутыми и необщительными, в особенности с малознакомыми людьми.

Одним из самых главных достоинств человеческого характера, по мнению англичан, является самообладание. Слова: «Умей держать себя в руках» — как ничто лучше выражают девиз этой нации. Не зависимо от жизненной ситуации, человек должен оставаться хладнокровным и невозмутимым, хотя бы внешне, а еще лучше — если и внутренне [3, с. 270].

В общении англичане очень консервативны. Их метеорологи продолжают каждый день объявлять температуру воздуха не только по Цельсию, но и по Фаренгейту, как и много лет тому назад. Они по-прежнему почитают королевскую власть и королевскую семью, хотя нередко делают их предметом насмешек [1, с. 107]. Англичане очень ценят свой дом, считают его крепостью, которая поможет укрыться от непрошенных посетителей и надоевших забот. Их национальная страсть — садоводство, их увлечение — домашние животные.

Англичане достаточно гибки, умеют сглаживать острые углы, охотно отвечают на инициативу противоположной стороны, считают, что наилучшее решение можно найти с учетом позиции своих партнеров.

Также необходимо отметить, что юмор играет очень важную роль в жизни Великобритании. Поэтому целесообразно, готовясь к встрече с англичанами, запастись шутками и смешными историями. Англичане используют юмор для самокритики; для прямой и незлобной критики в адрес начальства. Англичане пунктуальны. Их честному слову можно доверять.

Разговор в Англии принято начинать с обсуждения погоды, спортивных новостей, хобби и т. п. Важно подчеркнуть доброе отношение к британскому народу, его идеалам и ценностям. Целесообразно предварительно узнать о наклонностях и привычках собеседника. Следует иметь в виду, что в общении англичане сначала ведут себя довольно формально, но после первых 2—3 встреч начинают обращаться по имени, чувствуют себя раскованно: снимают пиджак, закатывают рукава и т. д. Обмен рукопожатиями принят только при первой встрече, потом достаточно устных приветствий.

И еще одна существенная особенность англичан: их умение терпеливо выслушивать собеседника, не перебивать его, не возражать партнеру не всегда означает согласие с ним, не говорит о том, что удалось его убедить. Поэтому с англичанами не следует бояться молчать. Наоборот, многословие, речь без остановок и пауз расценивается как грубое нарушение правил общения, навязывание своего мнения.

Р.Д. Льюис отмечает одну интересную деталь в поведении англичан: используя обаяние, неопределенность и сдержанность в высказываниях, юмор и благоразумие, они могут смеяться друг над другом, но оставаться долго довольно жесткими. Они всегда занимают оборонительную позицию, которую скрывают как можно дольше. Англичане, как правило, заинтересованы в долгосрочных взаимоотношениях [цит. по: 4, с. 328].

Любой акт межличностного взаимодействия подпадает под влияние факторов, способствующих или препятствующих достижению цели коммуникантов. Однако если у носителей одной культуры нормы коммуникативного ожидания более или менее однородны, то у представителей разных культур они принципиально различны. Поэтому и стратегии успеха для той или иной интеракции в разном культурном пространстве не могут быть идентичными или универсальными. Факторы риска, препятствующие достижению цели или же затрудняющие его, также не могут быть описаны как универсальные. Более того, факторы риска не противопоставлены прямо «факторам успеха» и не являются неизбежным следствием несоблюдения условий успешности для того или иного вида коммуникативного взаимодействия.

Основываясь на текстах интервью, проведенного с британцами и русскими Л.В. Цуриковой можно обозначить тот факт, что в отличие от русских, англоязычные авторы подчеркивают значимость для них личного мнения о том или ином предмете обсуждения. Личная точка зрения акцентируется неоднократно и по-разному. Вероятно, авторам важно донести до читателя ту мысль, что он, читатель, имеет дело

с личной позицией человека, а не с анонимным рассуждением [5, с. 45].

Носители английского языка и воспринявшие их культуру иностранцы, пишущие по-английски, постоянно подчеркивают субъективность своих наблюдений, даже там, где речь идет о констатации фактов, не говоря уже об их оценках. В тексте всегда открыто и эксплицитно присутствует «я» автора, выраженное в многочисленных «Я считаю», «Мне кажется», «Я полагаю». Все пишущие по-английски говорят только о своем личном опыте и о своем личном восприятии описываемых фактов, всячески подчеркивая этот личный компонент повествования. Никто из них не дистанцируется от объекта своих размышлений — может быть, поэтому никто не избрал для себя жанр научной статьи как самый приемлемый для такого сложного анализа, хотя практически все отмечали в личной коммуникации, насколько трудно им было писать об этих проблемах.

Такой личностный подход к повествованию делает его очень живым, остроумным, часто ироничным и самоироничным, а также эмоциональным, но эта какая-то другая, не русская эмоциональность: чувства, которые авторы эксплицируют в тексте, в том случае если они вообще называют их, сводятся в основном к одному — удивлению, выраженному в разной степени. Возникает впечатление, что за всеми этими фразами (I was surprised, I was much surprised, I was very much surprised, I was puzzled) стоит широкая гамма чувств и эмоций — просто выражаются они по-другому, и для их понимания требуется соответствующая культурная база, что можно, бесспорно, считать еще одной темой для специального исследования.

Список литературы:

1. Павлова Л.Г. Основы делового общения: учебное пособие / Л.Г. Павлова; под ред. Л.А. Введенской. Изд. 2-е. Ростов н/Д.: Феникс, 2009.
2. Павловская А.В. Особенности национального характера, или За что англичане любят очереди // Вокруг света. — 2003. — № 6. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://double-decker.ru/english-character> (дата обращения 10.06.2003).
3. Сухарев В.А., Сухарев М.В. Психология народов и наций. Д.: Сталкер, 1997. — 400 с.
4. Трофимов В.К. Деловая этика Ижевск : ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2012. — 352 с.
5. Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации Воронеж: ВГУ, 2002. — 257 с.

**УКРАИНСКАЯ НАРОДНАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Садовенко Светлана Николаевна

канд. пед. наук, доцент, заместитель директора по научно-технической работе Украинского центра культурных исследований

*Министерства культуры Украины,
Украина, г. Киев*

E-mail: svetlanasadovenko@ukr.net

**UKRAINIAN FOLK ART CULTURE
IN MODERN SOCIOCULTURAL SPACE**

Svetlana Sadovenko

*Ph.D., Associate Professor, Deputy Director for scientific and technical
work Ukrainian Centre for Cultural Research,
Ministry of Culture of Ukraine,
Ukraine, Kiev*

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются культурологические аспекты концептуализации содержания понятия «украинская народная художественная культура», определяется ее роль в современном социокультурном пространстве. Социальная и духовная сущность функционирования украинской народной художественной культуры в контексте научного знания о культуре в целом рассматривается сквозь призму жизнедеятельности социума, которая происходит в определенной среде взаимосвязанных компонентов.

ABSTRACT

The article describes the cultural aspects of the conceptualizing the concept of the “Ukrainian folk art culture”, the role of the latter in modern social and cultural space is determined. Social and spiritual essence of the functioning of the Ukrainian folk art culture in the context of scientific knowledge about the culture as a whole is viewed through the prism of the life of society, which occurs in a particular environment of interconnected components.

Ключевые слова: украинская народная художественная культура; культурное наследие; культурно-художественное развитие; нация; национальная культура; культура; генезис; социокультурная среда; хронотоп.

Keywords: Ukrainian folk art; cultural heritage; cultural and artistic development; nation; national culture; the culture; genesis; social and cultural environment; chronotop.

Сегодня значение национальных культур все более актуализируется. Набирая признаки реализованного объекта, они, учитывая специфику, адаптируют лучшие мировые формы культурного развития и вносят немалый вклад в становление общечеловеческой культуры.

Еще в конце XIX — начале XX в. Д. Антонович и И. Крипьякевич, разделяя концепцию М. Грушевского, касательно консолидирующей роли государственного языка как единственного ведущего фактора сохранения, утверждения и выживания национального сообщества, выступали против замкнутости украинской национальной культуры (материальной и духовной), признавая существование именно общечеловеческой мировой культуры.

Как стержень духовного и материального существования нации народная художественная культура не может существовать в замкнутом пространстве, без творческого общения с другими культурами. Тем более что географически Украина является, по выражению В. Шейко, «своеобразным плацдармом для пересечения культур Востока и Запада, Европы и Азии» [4, с. 40]. Этот процесс пересечения и синтеза восточных и западных культурных традиций продолжается с давних времен. Так, с середины XVII в. Слободская Украина была «крепким мультикультурным котлом, в котором «плавилась» представители многих народностей — греки, татары, калмыки, молдаване («волохи»), евреи, караимы, немцы, поляки, цыгане ...» [2, с. 44]. Украинская национальная художественная культура выработала общие черты, становление которых и в дальнейшем сопровождается аккумулярованием интенций к поиску взаимопонимания (если в этом возникает необходимость), нахождением различий между ментальными и физическими феноменами многообразных национальных культур, которые вносили и в дальнейшем вносят свое, только им присущее, в общее культурное развитие нации [3, с. 7].

Достижения украинской народной художественной культуры, для которой ведущими являются приоритеты добра, сохранения и взаимообогащения национальных форм, в настоящее время есть

достоянием всего мира. Поэтому необходимо постоянно заботиться о том, чтобы украинская народная художественная культура, как сложный, многосоставной феномен, и далее оценивалась как национальный вклад в международный культурный процесс. В связи с этим, требования к концептуализации украинской народной художественной культуры, широкого раскрытия спектра ее функций, особенно в современной ситуации, когда украинская культура стремится занять достойное место в мировом сообществе, растут.

Итак, *цель* публикации состоит в том, чтобы на основе рассмотрения культуры, как динамически развивающегося, трансформирующегося на протяжении культурно-исторического развития феномена, раскрыть культурологические аспекты концептуализации содержания понятия «украинская народная художественная культура», определить ее структуру и роль в современном социокультурном пространстве.

На современном этапе народная художественная культура, как часть целостного пространства культуры, взяла на себя роль «генетического кода национальной культуры» (по Н. Ануфриевой), его исторической и культурной памяти, живого источника познания и самопознания. «Взаимосвязь, взаимодействие художественных и научно-образовательных элементов народной художественной культуры придают познавательным процессам широкий, гибкий, творческий характер, углубляют целостно-личностное отношение к культурным артефактам, способствуют формированию важнейших качеств личности: мировоззренческих и ценностно-нравственных основ, эстетического вкуса, потребностей и интересов, идеалов и целей в жизни и профессиональной деятельности» [1, с. 7].

Научно-теоретический аспект актуальности представленных студий связан с приоритетными тенденциями к эстетизации культурологического знания как способа ценностной рефлексии проблем искусства, особенно, в эпоху «визуального поворота», когда художественный образ становится формулой восприятия и осознания мира бытия. Синтез понятия художественного с концептом хронотопа, разработанный в рамках преимущественно теории литературы, дает нам органичный симбиоз классической (современной) установки на вербальную и неклассической (постмодерной) установки на визуальную, как формулу целостности современной культурологии.

Наибольшие сложности вызывает субстанциональное и структурное определение народной художественной культуры. По сути, народная художественная культура — понятие шире, нежели искусство, поскольку обозначает соответствующее семантическое

поле функционирования культурных форм, выражающих дух художественного как мировоззренческую интенцию народного творчества. Отсюда — повышенное внимание к раскрытию архетипических фигур смыслового топоса в хронотопах украинского фольклора. Структурно народная художественная культура может быть представлена как целостный синтетический смысловой феномен, включающий в себя не только фольклор, но и объективации фольклорных форм в культурных артефактах фольклористики, включая художественную самодеятельность. (Именно отсюда идет ее изначальная роль «генетического кода национальной культуры»).

Согласно первичной типологии народная художественная культура делится на архаическую и современную (городскую). С первым («сельским») типом плотно связывается понятие аутентичности. Оно определяет не только истинный смысл культурного артефакта, но и столь же правдивую его трансформацию в историческом пространстве. Аутентичная народно-художественная культура — это одна из сфер культуры, которая, будучи сформированной на протяжении веков, сочетает в себе художественно-осмысленные явления и творения самых разных направлений: от сакрально-ритуальных до прагматически-бытовых. Именно в этом культурном космосе во всей полноте проявляется дух нации, ее уникальность.

Известно, что к характерным признакам народной художественной культуры относятся анонимность, традиционность, органическое единство традиций и инноваций, преемственность, структурность. Именно структурную иерархию внутри народной художественной культуры можно проанализировать с точки зрения принципов отношения структурных элементов, выявления особенностей бытия той или иной системы произведений искусства как «механизма» и как «организма». В художественной культуре в целом представлены разноуровневые «механизмы» ее функционирования: производство и потребление произведений искусства, семиотический механизм, механизмы синергии системы произведений искусства. Начало «организма» художественной культуры раскрывается в самой структуре бытия произведения искусства, а также в нелинейном способе развития системы произведений искусства.

Диалектика «механизма» и «организма» в художественной культуре проявляется в том, что функционирование «механизма» художественной культуры обеспечивает ее внутреннюю целостность, то есть делает его «организмом». В свою очередь, органическая целостность художественной культуры имеет четкую «механическую»

структуру и невозможна без нее. Особенности типов взаимосвязи структурных элементов художественной культуры, заключенные в диалектику «механического» и «органического» предполагают их взаимную рефлексивность как главный признак самоорганизации системы произведений искусства. Синергетический подход к анализу художественного обнаруживает в его поле моменты кризиса системы (точки бифуркации), ответами на которую становятся многочисленные новейшие формы фольклора и фольклористики, которые, варьируя новыми смыслами, сохраняют адекватность исторически лабильным этнокультурным ценностям и сравнительно устойчивым, относительно времени, архетипическим структурам. Структуралистское единство истории и структуры (К. Леви-Стросс) дает синхронический и диахронический срезы системы координат фольклорного семантического топоса.

В парадигме структурного анализа народная художественная культура предстает системой относительно автономных институтов (изолятов), каждый из которых играет свою функцию в социокультурной практике. Украинская народная художественная культура является своего рода подсистемой системы более высокого уровня сложности. Она имеет не только свою специфику, но и несет общие особенности универсальных культурных институтов, их ценности, ролевые распределения, социальный состав, правила и паттерны поведения, ритуальные формы осуществления поведенческих актов.

Структурно народная художественная культура как подсистема художественной культуры включает в себя: художественный мир; художественную жизнь; художественную реальность; художественное творчество; художественную деятельность; художественное производство, которые осуществляют определенные функции и играют обусловленные роли.

Художественный мир — освоение человеком своего жизненного мира в художественных и эстетических ценностях.

Художественная жизнь — определенная составляющая жизненного мира человека, через которую происходит производство, освоение, усвоение, трансляция художественной культуры общества и одновременное конструирование собственного художественного образа.

Художественная реальность — художественный мир, художественная жизнь общества и человека во времени.

Художественное творчество — деятельность субъекта по созданию художественного произведения, выражает его духовность.

Художественная деятельность — творческая активность субъекта, связанная с производством и распространением ценностей искусства.

Художественное производство — это привлечение искусства в систему институциональных отношений создания — потребления художественных ценностей.

В свете субъектно-объектных связей структурой народной художественной культуры, в том числе украинской, являются: аутентичный фольклор, художественная самодеятельность, фольклористика, неофольклор. Структурная сущность народной художественной культуры, таким образом, раскрыта как сложный и противоречивый процесс бытия системы произведений искусства, объединенных общей аксиосферой, вырастающих из единого смыслового поля, которое, в свою очередь, впадает в архетипические структуры мифа.

Координатной «сеткой» смыслового поля украинской народной художественной культуры является мифологический хронотоп как единство пространственно-временных реалий циклического времени (архетип Золотого века) и радиального пространства (архетип круга). В основе авторского толкования классического бахтиновского понятия «хронотопа» лежат феноменологические представления о пространстве и времени как о релятивно-индивидуальных понятиях «преемственности» (параметр пространства) и «продолжительности» (или «темпоральности»), то есть субъективные антропологические характеристики жизненного мира (*Lebenswelt*) личности, которые существуют и интерпретируются как смыслы и сознания, укоренившиеся в архетипических структурах.

Пространство и время, как культурные смыслы, входят в мир теории ценностей, поэтому аксиологическая нейтральная феноменологическая установка в интерпретации хронотопа как элемента потока смыслообразования должна быть совмещена с присущей для славянской философии культуры ценностной рефлексией. Следовательно, хронотоп становится одной из координат этнической и индивидуальной картины мира личности, ее культурной идентичности, а его функция в художественном произведении заключается в выражении личностной позиции, индивидуального авторского смысла.

Хронотоп как стержень данной системы исполняет роль установления связи между картинами мира прошлого и настоящего, а также традиционной и инновационной мировоззренческими моделями. Кроме того, хронотоп как структура пространства-времени

имеет два проявления: внешнее (реальный регионально-исторический контекст бытия народной художественной культуры) и внутреннее (идеальный мысленный образ Топося и Хроноса внутри семантического поля украинской народной художественной культуры). Отсюда — особая, присущая хронотопу внутренняя диалогичность, которая превращает его в объемную голографическую модель пересечения в конкретной точке плюральных дискурсов различных традиций и ценностей. Любой хронотоп — это формула диалога не одного, не двух, а множественных хронотопов многочисленных культур.

Итак, комплексное полифоническое кросспарадигмальное осмысление украинской народной художественной культуры на основе синтеза методологических традиций структурного анализа показало, что ключевым концептом данного исследования является понятие хронотопа, который образует внеисторические базовые модели для формирования смыслового поля (семиосферы) украинской культуры, концентрацией которого является мир ценностей — аксиосфера.

В свою очередь, аксиосфера становится историческим основанием для формирования картины мира, координатной сеткой которой выступает хронотоп. Последний, следовательно, является одновременно и отправной точкой, и конечным результатом функционирования аксиосферы культуры как системы с четко организованной структурой. Опираясь на категорию хронотопа, мы предлагаем новое культурологическое видение системы и роли украинской народной художественной культуры.

Список литературы:

1. Ануфриева Н.И. Феномен народной художественной культуры в профессиональной подготовке современного музыканта (диссер. ...докт. пед. наук, 13.00.02). М., 2012. — 512 с.
2. Красиков М.М. Русская культура Слобожанщины: Что имеем? Что храним? // Харків — столиця російської культури в Україні: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Харків: Видавництво «АТОС», 2008. — 168 с.
3. Парахонський Б.О. Методологічні аспекти культурології // Національний університет «Києво-Могилянська академія». Магістеріум. Вип. 5. Культурологія. К: СтилоС, 2000. — С. 4—11.
4. Шейко В.М. Трансформація діалогу культур у цивілізаційно-глобалізаційному світі // Діалог культур: дослідження, практики, виклики: 36. матеріалів наук.-теорет. конф., Київ, 3—5 жовтня 2011 р. К.: НАКККіМ, 2012. — 208 с.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА ОЛОНХО КАК ШЕДЕВРА

Стрекаловская Зоя Андреевна

старший преподаватель

Арктического государственного института искусств и культуры,

РФ, г. Якутск

E-mail: beta.85@mail.ru

CULTURAL VALUES HEROIC EPOS OLONKHO AS A MASTERPIECE

Zoya Strekalovskaya

lecturer of the Arctic State Institute of Arts and Culture,

Russia, Yakutsk

АННОТАЦИЯ

В статье выявляются основные ценностные характеристики якутского героического эпоса олонхо как шедевра устного и нематериального культурного наследия человечества, получившего данный статус в ЮНЕСКО (25 декабря 2005 года). Сегодня научное изучение, возрождение и популяризация памятников нематериального культурного наследия становится одним из приоритетных направлений культурологии в международном аспекте.

ABSTRACT

The paper identifies the main value characteristics Yakut heroic epos olonkho as Masterpiece of the Oral and Intangible Heritage of Humanity by UNESCO (25 December 2005). Today, the scientific study of the revival and promotion of intangible cultural heritage sites is becoming one of the priorities in the international aspect of Cultural Studies.

Ключевые слова: ценность; эпос; олонхо; феномен; традиция.

Keywords: value; epic; olonkho; phenomenon; tradition.

Развитие современного общества подвержено интенсивному воздействию модернизации и глобализации, которые объективно воздействуют на исторически сложившиеся устои и традиции. В последние годы в нашей стране особую остроту приобрела

сохранения культурных ценностей любого народа. В связи с этим изучение и возрождение нематериального культурного наследия становится одним из актуальных направлений культурологии.

Героический эпос олонхо как архаический и синкретичный жанр якутского фольклора является уникальным, ценностным явлением и представляет собой феномен устной сказительской традиции народа саха.

Существует множество определений концепта «ценность», приведем из них наиболее общее. Культуролог Б.И. Кононенко раскрывает смысл толкования культурных ценностей. Под термином «культурные ценности» включает нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, произведения культуры и искусства любого народа, создавшего их [1. с. 219].

Исходя из этого, по отношению к героическому эпосу олонхо как многомерному явлению, со следующими ценностными элементами, включающие историю, язык, народные знания и умения, обычаи и традиции, обряды и ритуалы, систему многообразных образов, идеалы и быт, философию и мировоззрение, а также ранние религиозные представления (культы, магия, шаманство) якутского народа.

Ценностные культурные признаки олонхо как шедевра могут быть представлены в следующих главных аспектах: происхождение народа, его мировоззрение, религиозные представления, искусство исполнения, социально-бытовая, лингвистическая, устно-поэтическая и музыкальная характеристика олонхо как жанра. В данной статье мы остановимся лишь на некоторых ценностных характеристиках эпоса олонхо как шедевра.

Как известно, эпос олонхо возникло в глубокой древности и относится к наиболее архаическим эпическим памятникам тюрко-монгольских народов. Мифология олонхо свидетельствует о его глубокой архаике, когда эпическое творчество было непосредственно связано с мифотворчеством. Поэтому олонхо изобилует разнообразными мифологическими персонажами, обитающими по трем эпическим мирам, такими, как: образы божеств-айыы Верхнего мира, духов-иччи Среднего мира, злых чудовищ-абаасы Нижнего мира, животных и птиц, приобретающих различные облики в трех мирах. Это дало возможность некоторым эпосоведам определить первоначально якутский эпос даже как богатырскую сказку. Однако, впоследствии эпос был признан как героический и, по определению Е.М. Мелетинского как архаический эпос олонхо сохраняет в своей поэтике сказочно-мифологический фон [2, с. 52].

Якутский эпос полноценно может воздействовать на слушателя только в том случае, если сказитель (олонхосут) ярко и синхронно воплощает в своем исполнении древние образы и сюжеты. Эпический речитатив как особая манера исполнительства присущ только живому исполнению, создавая перед слушателями яркую, красочную живописную картину героической эпохи древнего мира. Таким образом, олонхосут выступает не только как актер, в совершенстве владеющий искусством перевоплощения, не только как искусный певец, создающий при помощи голоса живые образы, но прежде всего как мастер словесного искусства, обладающий свободной поэтической импровизацией. Якутские олонхосуты с детства в совершенстве владели всеми нюансами поэтического языка родного народа, развивая и аккумулируя его богатство именно в олонхо. До революции существовал «язык олонхо», на котором разговаривали целые улусы и наслеги, где существовало живое бытование олонхо, где были сказительские школы.

Участник Сибиряковской экспедиции политический ссыльный С.В. Ястремский, собравший большое количество текстов олонхо в центральных улусах дореволюционной Якутии, с восторгом писал: «Здесь в олонхо... мы вступаем в очаровательный мир, полный поэзии, полный могучих красок... Поразительно могуче, страстно, полно поэзии бывает олонхо» [3, с. 25].

Прежде всего, мастерство сказителя-импровизатора состоит в реализации эпического знания в момент исполнения. Под эпическим знанием понимается комплекс знаний олонхосутом различных сюжетов, мотивов, корпуса эпических формул и типических мест, системы художественно-изобразительных средств, т.е. особого эпического архаического языка олонхо. Такие олонхосуты могли выступать перед аудиторией с большим успехом, варьируя каждый раз свой эпический текст, однако строго придерживаясь канонов устного сказительства.

Олонхосуты — талантливые и яркие личности, выполнявшие определенную общественную и культурную функции. По социальному положению большинство якутских сказителей были выходцами из трудовой среды. В прошлом прибытие олонхосута в гости воспринималось любителями и знатоками олонхо как большое праздничное событие, к которому готовились заранее, и ожидали с неподдельным нетерпением.

Исполнение олонхо характеризуется определенными, только ему присущими, признаками. Основу его составляет поэтическая импровизация, включающая в себя основные, веками отточенные

эпические формулы. Опираясь на них, олонхосут варьирует словесный текст эпического полотна. Обычно единицей измерения служило исполнение олонхо «в течение одной ночи», «в течение нескольких суток» и т. д. Якутский эпос представляет собой монументальную поющуюся поэму, если учесть большой объем олонхо от 20 000 до 50 000 поэтических строк, где большую часть объема олонхо занимают песни-монологи без инструментального сопровождения. Как отмечал якутский эпосовед И.В. Пухов, талантливым олонхосутом был тот, кто при исполнении олонхо выдерживал гармоничное сочетание речитативной и песенной частей олонхо.

Песни-монологи в олонхо играют большую роль, постоянно чередуясь со словесным поэтическим рядом. Олонхо включает в себя все богатство традиционной музыкальной культуры народа саха. Они занимают практически половину всего поэтического текста. Каждый персонаж имеет свой особый напев, характер которого меняется, смотря по обстоятельствам развития сюжета олонхо. Как отмечают исследователи-музыковеды, песенные разделы олонхо включают два основных типа якутского этнического пения: «дьиэрэтии ырыа» (протяжная песня) и «дэгэрэн ырыа» (народная песня, исполняемая в быстром ритме). В манере «дьиэрэтии ырыа» исполняются песни положительных персонажей, а в стиле пения «дэгэрэн ырыа» поют кроме положительных персонажей, также многочисленные слуги, животные, птицы, мифологические персонажи. Отрицательные персонажи в олонхо в основном поют в стиле шаманского песнопения «кутуруу», одного из разновидностей горлового пения. Основу якутского эпического пения составляет стиль пения «дьиэрэтии ырыа», представляющий собой уникальный феномен горлового пения «кылысах», дошедший до наших дней.

Следовательно, олонхосут является не только сказителем и мастером поэтической импровизации, но и прекрасным певцом, владеющим всеми стилями якутского народного пения. Он должен обладать от природы хорошими голосовыми данными, иметь сильный и звучный голос, уметь исполнять „кылысах“ (особое горловое пение якутов) и т. д. В этом плане эпическое исполнительство может восприниматься как уникальное своеобразие творчества человека в виде особой культурной ценности.

Героический эпос олонхо, являясь нематериальным культурным наследием, формирует общественные идеи, ценности и нормы поведения, поэтому приобщение будущего поколения к олонхо может рассматриваться как средство нравственно-мировоззренческого и философско-эстетического воспитания детей и молодежи.

Таким образом, ценностная характеристика олонхо как шедевра многообразна и представляет собой устный и неповторимый эпический памятник народной жизни и древней истории народа саха.

Список литературы:

1. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии М.: АСТ, 2003. — 512 с.
2. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 2004. — 464 с.
3. Ястремский С.В. Образцы народной литературы якутов. Л.: Академия наук СССР, 1929. — 226 с.

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЭКСПРЕССИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЭТИКЕ К. ДОДОНОВОЙ

Аверина Марина Анатольевна

*канд. филол. наук, зав. кафедрой лингвистики,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет), филиал в г. Озёрске,
РФ, г. Озёрск
E-mail: marina651@mail.ru*

EXPRESSIVE-SYNTACTIC CONSTRUCTIONS POETICS K. DODONOVA

Averina Marina

*candidate of Philological Science, the head of the department of linguistics
of Federal State Budget Educational Establishment of Higher Professional
Education "South-Ural State University"
(National Research University), branch in Ozersk,
Russia, Ozersk*

АННОТАЦИЯ

В данной статье на примере лирики уральской поэтессы К. Додоновой рассматривается функционирование экспрессивных синтаксических конструкций в поэтическом тексте. Автор приходит к выводу, что синтаксические фигуры речи распространяют

экспрессию на весь поэтический микротекст и отражают авторский замысел.

ABSTRACT

In this paper, on the example of the lyrics Ural poet K. Dodonova considers the functioning of expressive syntax in the poetic text. The author concludes that the syntactic expression of figures of speech extend to the whole poetic micro text and reflect the author's intent.

Ключевые слова: синтаксис; экспрессивно-синтаксические конструкции; умолчание; риторическое восклицание; повтор; эллипсис.

Keywords: syntax, expressive syntax; default rhetorical exclamation; repeat; ellipsis.

Одной из проблем современной русской филологии является изучение своеобразия поэтического языка уральских поэтов [1, 5]. В центре нашего внимания поэтическое наследие уральской поэтессы, чьё творчество пока не стало предметом научного интереса литературоведов. Однако стихи Клавдии Додоновой оказалась в центре наших лингвистических исследований.

К.К. Додонова родилась в 1929 году в городе Копейске Челябинской области. В 1952 году она закончила Московский народный университет им Н.К. Крупской, режиссерского отделения. Работала руководителем художественной самодеятельности во Дворцах культуры Челябинска и Озёрска. К.К. Додонова была членом литературного объединения «Сугомак» и «Синегорье». Статьи, рассказы, очерки и стихи публиковались в центральной, областной и местной печати. Обращение к языку названного поэта считаем актуальным и необходимым.

Объектом нашего исследования являются фигуры экспрессивного синтаксиса. В философии XX века заслуга привлечения внимания исследователей к важности экспрессивного элемента в синтаксисе принадлежит Шарлю Балли [2]. Он показал, что синтаксические средства способны придавать речи особый эффективный заряд.

Цель нашего исследования — выявить экспрессивные синтаксические конструкции в сборнике стихотворений К. Додоновой «Урал — наш край родной».

Методом сплошной выборки нами выявлено 1319 языковых единиц экспрессивного синтаксиса.

Основную роль в лирике К.К. Додоновой играет умолчание, стоящее в конце стихотворной строки. Умолчание — это оборот речи,

закрывающийся в том, что автор не до конца выражает свою мысль, предоставляя читателю (или слушателю) самому догадаться, что именно осталось невысказанным. Умолчание раскрывает широкий простор для подтекста: на месте паузы можно предложить различные комментарии [4].

По данным нашей картотеки, фигура умолчания насчитывает 468 языковых единиц, 35,4 % от собранного материала. Формальный признак данного приёма — многоточие. С помощью умолчания автор показывает резкую смену событий, их неожиданность.

Вот и всё... Мы снова помирились,

Но дороги... разные у нас!

«Встреча с юностью»

Важную роль в поэзии К. Додоновой играют риторические восклицания, предложение, в котором выражение основного содержания мысли сопровождается выражением чувств говорящего [2]. Они усиливают напряжённость и выразительность речи, привлекают внимание читателя к тому или иному предмету, явлению, активизируют его восприятие, являясь средством диалогизации монологической речи. Чаще всего К. Додоновой используются риторические восклицания-утверждения.

Нет! Звёздный час наступит для меня!

«Звёздный час»

Риторическое восклицание в стихотворениях К. Додоновой может выражать мольбу, просьбу.

Помоги сделать мне

Шаг навстречу весне!

«Наступает весна»

Самым распространённым типом риторических вопросов являются конструкции, адресованные читателю.

А если жизнь внезапно оборвётся?

«Под дождём»

Другим распространённым типом риторических вопросов являются вопросы, адресованные неопределённому лицу или явлению.

Как же быть, скажи, мне теперь?

«Как же быть?»

Ещё один популярный в лирике Додоновой тип риторических вопросов — вопросы, адресованные собеседнику или группе собеседников.

Родничок мой светлый,

Что ж ты испытал?

«Встреча с родничком»

Основным средством выражения чувств говорящего в вопросительных предложениях является вопросительное наречие и вопросительное местоимение.

Немаловажную роль в лирике Додоновой играет повтор (11,9 %), его разновидность анафора (47,5 %), т. к. он поддерживает ритм стихотворения, усиливает смысловую нагрузку ключевых слов поэтического текста. Активная роль в моделировании повтора отводится союзам и местоимениям. Повтор в анализируемых текстах стихотворений К. Додоновой выполняет экспрессивно-грамматическую и композиционно — изобразительную функции.

Твои глаза — напомним море,

Твои слова шепнет волна...

«Перед разлукой»

В данном примере повтор местоимения *твой* усиливает авторские утверждения.

Эллипсис в поэзии Клавдии Константиновны придает высказыванию динамичность, создаёт интонацию живой речи.

Во мне две женщины в одной.

Живут соперницами в ссоре.

Одна — как лед, в другой — огонь!

Уж много лет друг с другом спорят.

Одной — чуть-чуть бы измениться.

Другой — чуть-чуть бы полюбить!

Не хочет эта покориться,

А та — не в силах ОТСТУПИТЬ!

«Во мне две женщины»

Не повторяя слово «женщина», Додонова концентрирует внимание читателя на характеристике лирических героинь.

Обращения в поэзии К. Додоновой низкочастотны. Основными лексико-семантическими группами обращения являются названия лиц по их взаимоотношениям (41,4 %) и названия предметов неживой природы (34 %).

Не грусти, *подружка*,

Что ушла любовь...

«Ушла любовь»

Таким образом, К. Додонова следует традициям русской литературы. При помощи экспрессивных конструкций она влияет на эмоциональную сферу читателя, достигая экономной формы передачи информации. Синтаксические фигуры речи в лирике К. Додоновой распространяют экспрессию на весь поэтический

микротекст, что является отражением авторского замысла, нашедшего своё воплощение в жизнеутверждающем характере поэзии.

Список литературы:

1. Аверина М.А. Лингвокраеведение Южного Урала на уроках русского языка в средней школе / М.А. Аверина // Инновации в науке. — 2013. — № 24. — С. 104—108.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1969.
3. Додонова К.К. Урал — мой край родной (стихи, легенды, проза) / К.К. Додонова. Озерск: ПО «Маяк», 2000. — 262 с.
4. Курьянович А.В. «Фигура умолчания» в системе функциональной стилистики: к вопросу определения стилистического статуса эпистолярия / А.В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета — 2010. — № 6. — С. 84—88.
5. Соловьёва Т.В. Конструкции экспрессивного синтаксиса в поэзии К. Скворцова /Т.В. Соловьёва // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 6. — С. 72—77.

НОМИНАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА

Дедковская Дарья Михайловна

канд. филол. наук, доцент

кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Научно-исследовательского

Иркутского государственного технического университета,

РФ, г. Иркутск

E-mail: darya_dedkovskaya@mail.ru

NOMINATIVE CONSTRUCTION AS A WAY TO ORGANIZE OF FUNCTIONAL-COMMUNICATIVE SPACE OF THE TEXT

Darya Dedkovskaya

*candidate of philological sciences, associate professor
of Irkutsk State Technical University,
Russia, Irkutsk*

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является попытка определения функций номинативных синтаксических построений в тексте. Анализ текста показывает, что номинативные блоки могут организовывать не только структуру единицы текста, сложного синтаксического целого, но и функционально-коммуникативное пространство целого текста.

ABSTRACT

The aim of this article is the attempt of definition of functions of nominative syntax construction through text analysis. Nominative unit may organize not only surface of text unit complex syntax integer but also functional-communicative space of the text.

Ключевые слова: номинативные конструкции; номинативные блоки; сложное синтаксическое целое; функционально-коммуникативное пространство текста.

Keywords: nominative construction; nominative unit; complex syntax integer; functional-communicative space of the text

Возможности экспрессивных синтаксических конструкций в газетном тексте изучались на протяжении второй половины XX века достаточно активно. Не ослабевает к ним интерес и в настоящее время.

Среди подобных конструкций, несомненно, привлекают внимание так называемые «номинативные блоки». Данные синтаксические построения называются исследователями по-разному. В.П. Проничев по отношению к ним использует следующие определения: «ряд именных односоставных высказываний», «цепочка именных односоставных высказываний», «номинативные высказывания» [8]. Г.Н. Акимова называет их «цепочками номинативных высказываний» [1].

Мы считаем, что наряду с этими определениями, можно использовать и термин «номинативный блок», поскольку данные конструкции обладают смысловой спаянностью компонентов

на основе семантической насыщенности, структурной организации и общности функции в тексте.

Возможность соединения номинативных высказываний в целые ряды, блоки и особенности их употребления дают основание ученым считать их «формирующей текстовой единицей». В.П. Проничев пишет, что номинативный ряд представляет собой «...особого рода бессоюзное сложное предложение открытой структуры или, при наличии пограничных интонационных сигналов, даже сложное синтаксическое целое...» [8, с. 42—43]. В качестве примеров исследователем приводится множество текстов из газет, публицистических произведений, где большие фрагменты текста состоят из номинативных блоков. Безусловно, в некоторых случаях такие построения целесообразно определить как сложное синтаксическое целое, организованное особым образом, что позволяет согласиться с мнением В.П. Проничева о том, что подобные построения могут представлять собой формирующую текстовую единицу. Однако современная газетная речь демонстрирует нам все больше текстов, которые трудно трактовать столь однозначно.

В качестве подобного предлагаем рассмотреть текст, опубликованный в «Литературной газете».

Утро

Подъем. Холодный душ (мысленно). Кофе. Перекур.

Кофе. Перекур. Просмотр гороскопа по телевизору. Двойной кофе. Перекур. Вход в компьютер. Просмотр вчерашнего. Бурная показная радость. Уныние. Отправка вчерашнего в мусорную корзину.

Первый завтрак. Перекур. Кофе. Второй завтрак. Кофе.

Перекур.

Прием электронной почты. Ответы абонентам, вопросы и реплики: «Как спалось? С кем? А кто он (она)? И как — он (она)? А сколько? А я когда-то мог больше (мысленно)! А за сколько? За столько?! Растут расценки, но всех денег не заработаешь и не истратишь! Не увлекайся! Предохраняйся! Да ну — его (её)! Он (она) тебя просто использует! Телефончик не дашь?»

Перекур. Кофе. Второй завтрак-2. Легкое творчество. Перекур.

День

Творчество. Ожидание музыки. Перекур. Ланч. Кофе. Перекур.

Второй ланч. Преферанс с компьютером. Обед.

Ожидание музыки. Творчество. Звонок музе — ну, где ты там?! Кофе. Отмена встреч. Назначение встреч. Кофе. Перекур. Кофе с коньяком. Водка, селедка. Перекур. Интерактивный флирт

с подругой. Кофе. Виртуальный секс с незнакомкой. Кофе. Третий ланч. Перекур. Кофе. Полдник.

Творчество. Ожидание музыки. Грубый диалог с музыкой (мысленно). Кофе. Перекур. Тихий час. Второй полдник. Телефон. Кофе. Перекур. Третий ланч.

Вечер

Перекур. ТВ. Ужин. Телефон. Ожидание. Второй ужин. Перекур. Просмотр прогноза погоды на завтра. Горячий душ (мысленно). Перекур на сон грядущий. Подготовка ко сну. Приход музыки. Творчество.

Ночь

Творчество, перекур, кофе, творчество. Холодный душ, кофе, перекур, творчество. Радостная усталость. Сон. Просмотр текущих снов: кулинария, порно, эротика, мелодрамы, кошмары, фантастика... (А. Костюшин *День творца Литературная газета* № 52 2005).

Когда мы предпринимаем попытку анализа любого текста немаловажным фактором является его жанр, понимание которого в газетном тексте отличается от сущности жанра в художественной или научной литературе. А.А. Тертычный пишет, что жанр в газете отличается «набором сущностных характеристик, позволяющих относить текст к тому или иному жанру... своеобразием предмета журналистики и способа отображения автором действительности, порождающих этот набор» [9, с. 4]. В соответствии с этими признаками выделяются три большие группы жанров: информационные, аналитические, художественно-публицистические. Следуя классификации исследователя, мы относим представленный текст к художественно-публицистическим, к жанру фельетона.

Текст в структурно-смысловом плане разделен на четыре части, озаглавленные «Утро», «День», «Вечер», «Ночь».

Структура текста основывается на номинативных высказываниях. Более того комический эффект, свойственный фельетону как жанру, создается благодаря во многом использованию именно этих синтаксических построений.

Какова роль в тексте номинативных блоков? Составляют ли они сложное синтаксическое целое?

Сложное синтаксическое целое как единица текста отличается смысловой и функциональной завершенностью, синтаксической организованностью, коммуникативной целостностью, интонационной оформленностью. Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин определяют эту единицу текста как «средство тематического

развертывания текста, средство его тематической делимитизации и интеграции» [2, с. 47]. Одним из отличительных черт сложного синтаксического целого является тема-рематическое единство. М.Я. Дымарский отмечает: «Тема-рематическая перспектива ССЦ рассматривается как ведущий принцип структурной организации ССЦ» [4, с. 150].

Приведем часть текста, которую можно было бы представить как сложное синтаксическое целое.

День

Творчество. Ожидание музыки. Перекур. Ланч. Кофе. Перекур. Второй ланч. Преферанс с компьютером. Обед.

Ожидание музыки. Творчество. Звонок музе — ну, где ты там?! Кофе. Отмена встреч. Назначение встреч. Кофе. Перекур. Кофе с коньяком. Водка, селедка. Перекур. Интерактивный флирт с подружкой. Кофе. Виртуальный секс с незнакомкой. Кофе. Третий ланч. Перекур. Кофе. Полдник.

Творчество. Ожидание музыки. Грубый диалог с музой (мысленно). Кофе. Перекур. Тихий час. Второй полдник. Телефон. Кофе. Перекур. Третий ланч.

Темой является подзаголовок этой части текста *День*. Ремой вся последующая часть текстового фрагмента. Номинативные блоки называют этапы творческого процесса, поэтому в тексте использованы номинативные предложения с семантикой действия/движения, предикативный центр которых составляют отглагольные имена существительные (*перекур, просмотр, отправка, ожидание, назначение, подготовка, приход*). Это позволяет определить следующий тип текста — динамика действия, для которой характерна акциональная рематическая доминанта. Даже слова с предметным содержанием (*кофе, водка, селедка, телефон*) содержат процессуальное значение. Ср.: *выпить кофе, выпить водки, есть селедку, разговаривать по телефону*. Этому способствует сам текст, его акциональность как особенность типовой характеристики. В данном случае, как видим, не только форма слова участвует в конструировании текста, но и сам текст способен влиять на смысловую и грамматическую структуру слова.

Если бы представленный фрагмент был частью объемного текста, то его можно было определить как сложное синтаксическое целое. Подобные примеры из публицистических и газетных текстов приводит В.П. Проничев. Но перед нами текст, который полностью состоит из таких построений, что позволяет говорить об их более сложном характере и специфической текстовой функции. Данные построения

создают не только грамматическую структуру текста, но и несут определенную смысловую и стилистическую нагрузку для функционально-коммуникативного пространства.

Функционально-коммуникативное пространство основано на взаимосвязи функций языковых единиц, которые позволяют тексту и его фрагментам реализовывать определенный авторский замысел, способствовать восприятию текста адресатом речи.

Функционально-коммуникативное пространство текста «День творца» основано на иронии, функции которой в газетном тексте достаточно разнообразны.

«В настоящее время исследователи пришли к выводу, что необходимо разграничить два понятия: ирония — как стилистический прием и ирония как результат — иронический смысл, созданный рядом разноуровневых средств языка, взаимодействие которых обеспечивает содержательное единство текста» [7, с. 73]. Второй тип иронии называется в литературе текстообразующим, ассоциативным, концептуальным. В представленном тексте ирония является текстообразующей, поскольку она становится для адресанта сообщения не просто стилистическим приемом, а своеобразным способом коммуникации автора и читателя.

Ирония относится к имплицитному пласту текста и предполагает небуквальное восприятие написанного. Н.И. Клушина отмечает, что ирония в современной публицистической речи пронизывает весь текст и формирует его двуплановость... Она как бы узаконивает двойственность, параллельность смыслов, а значит, и двуплановость восприятия [5].

Безусловно, рассматриваемый нами текст содержит в себе эту двуплановость. Созданию иронии помогает ряд стилистических приемов: употребление номинативных блоков, нанизывание вопросительных и восклицательных предложений в прямой речи, повторы.

Основным приемом организации функционально-коммуникативного пространства текста, на наш взгляд, является использование номинативных блоков. Они выступают средством коммуникации автора и читателя. Для иллюстрации данного утверждения попробуем трансформировать фрагмент текста, используя предложения с глагольными предикативными центрами.

Занимаюсь творчеством. Ожидая музу. Перекуриваю. Принимаю ланч. Пью кофе. Перекуриваю. Снова принимаю ланч. Играю в преферанс с компьютером. Обедаю.

Ожидаю музыку. Занимаюсь творчеством. Звоню музы — ну, где ты там?! Пью кофе. Перекуриваю. Пью кофе с коньяком. Пью водку, закусываю селедкой. Перекуриваю...

В тексте с использованием глаголов внимание и автора, и читателя сосредоточивается не только на действии, а в большей степени на лице, которое его выполняет, это создает образ героя фельетона как активного, деятельного человека. Напротив, употребление номинативных конструкций дает возможность говорить только о самом действии без его отношения к деятелю. Это можно назвать акциональной бытийностью. Несмотря на то, что представлена ситуация в динамике, у нее за счет использования номинативных, а не глагольных построений создается оттенок статичности. Это позволяет передать процесс мук творчества и создать образ героя как личности, в некоторой степени пассивной, нерешительной, многие действия которой представляются бесполезными, противоречащими основной его цели — творчеству, ведь в названии текста герой назван творцом.

Слово «творец» в словаре С.И. Ожегова в значении «тот, кто творчески создает что-нибудь» [6, с. 686] имеет помету *высок*. Однако в данном контексте оно приобретает иронический смысл, который становится ясен только лишь после прочтения всего текста, когда читатель понимает, что большинство повторяемых действий героя, таких как, *кофе, ланч, перекур*, не связаны с процессом творчества.

Некоторые компоненты повторяются в разных частях текста, несмотря на то, что в них описывается различное время суток. Например. *Ожидание музыки. Творчество. Звоню музы — ну, где ты там?! Кофе. Отмена встреч. Назначение встреч. Кофе. Перекур. Кофе с коньяком. Водка, селедка. Перекур. Интерактивный флирт с подружкой. Кофе. Виртуальный секс с незнакомкой. Кофе. Третий ланч. Перекур. Кофе. Полдник.* Слова *кофе, перекур* вызывают ассоциацию, связанную с отдыхом. *Перекур* имеет значение «короткий отдых, перерыв в работе» [6, с. 435]. Однако оно употреблено в окружении слов, называющих процессы, среди которых лишь немногие имеют непосредственное отношение к творческому труду.

Повторы в тексте создают не просто кольцевую композицию, а спиралевидную, поскольку повторяющиеся элементы соединяются с новыми: *Кофе. Двойной кофе. Кофе с коньяком. Первый завтрак. Второй завтрак. Второй завтрак-2. Ланч. Второй ланч. Третий ланч. Ужин. Второй ужин.*

Неоднократно в тексте использован и компонент *мысленно*, для которого использована синтаксическая конструкция вставки. *Холодный душ (мысленно). Грубый диалог с музой (мысленно). Горячий душ (мысленно)*. Одна из основных функций вставки в тексте — создание второго плана высказывания. Именно эти повторы во вставке на протяжении всего текста скрепляют определенным образом текстовые фрагменты, создают его композицию, работая на выражение определенного авторского замысла.

Указанная вставка наряду с номинативной синтаксической конструкцией помогает подчеркнуть в герое пассивное начало. Ср.: *Я мысленно принимаю холодный душ. Холодный душ (мысленно)*.

Творческий процесс, сопровождаемый радостной усталостью, происходит лишь ночью: *Ночь. Творчество, перекур, кофе, творчество. Холодный душ, кофе, перекур, творчество. Радостная усталость. Сон*. Именно в этой части текста слово *творчество* наиболее повторяется часто, что свидетельствует об интенсивности процесса, в то время как в заглавии текста обозначен другой временной промежуток — день. Текст называется «День творца». Таким образом, значение слов заголовка и смысл всего последующего текста вступают в антонимические отношения, что тоже способствует созданию иронического пространства в тексте, реализации коммуникативного намерения адресанта.

На фоне номинативных построений в тексте есть фрагменты другой грамматической природы. Это вставки с наречными словами (о которых сказано выше) и прямая речь.

Авторская речь выражена отглагольными существительными *ответы, вопросы, реплики*, что показывает речь героя не как целостный процесс (ср.: *беседа, разговор*), а как короткие, обрывочные фразы. Это подтверждают и восклицания героя, представленные нанизыванием вопросительных и восклицательных предложений: *«Как спалось? С кем? А кто он (она)? И как — он (она)? А сколько? А я когда-то мог больше (мысленно)! А за сколько? За столько?! Растут расценки, но всех денег не заработаешь и не истратишь! Не увлекайся! Предохраняйся! Да ну — его (её)! Он (она) тебя просто использует! Телефончик не дашь?»*

День творца представлен как череда обрывочных, порой не связанных между собой, повторяющихся действий и реплик. Достичь именно этого эффекта восприятия помогают перечисленные приемы.

Все текстовое пространство основано на лаконичных высказываниях, среди которых основную долю занимают номинативные,

соединенные в одно целое не столько грамматикой, сколько лексической и смысловой связью, коммуникативными характеристиками текста и авторским замыслом.

В представленном тексте номинативные блоки являются не столько сложным синтаксическим целым, сколько способом организации иронического функционально-коммуникативного пространства текста, что, безусловно, расширяет функциональные, стилистические и текстовые возможности данных построений в языке современной газеты.

Список литературы:

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка М.: Высш. шк., 1990. — 168 с.
2. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 534 с.
3. Дедковская Д.М. Экспансия именительного падежа как проявление аналитизма имен в функционально-коммуникативном пространстве текста: Автореф. дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2012. — 24 с.
4. Дымарский М.Я. Проблема текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.) М.: Эдиториал УРСС, 2006. — 296 с.
5. Клушина Н.И. Основные особенности публицистического подстиля на современном этапе// Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования/ Отв. ред.: Володина М.Н.: Учеб. пособие М.: Изд-во МГУ, 2003. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm>.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Ок. 57 000 слов/ Под ред. чл.- корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стретип. М.: Рус. яз., 1985. — 797 с.
7. Петрова О.Г. Ирония как способ создания образов персонажей в идиостилиях Ч. Диккенса и У.М. Теккерея// Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение — 2006. — № 34 (172). — Вып. 36. — С. 73—77.
8. Проничев В.П. Функционирование именных односоставных конструкций в тексте в рамках сложносочиненного предложения // Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц. Межвузовский сборник научных трудов. Ленинград, 1990. — С. 34—39.
9. Тертычный А.А. Жанры периодической печати [Текст]: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. — 321 с.
10. Шапацева М.Х. Сложное синтаксическое целое как единица языка и речи [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: vestnik.adygnet.ru>2011.2shkhatpatseva2011 (дата обращения 09. 10. 2011).

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИИ МОРАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

Коваленко Екатерина Георгиевна
канд. филол. наук, доцент
Кубанского государственного университета,
РФ, г. Краснодар
E-mail: kovalenkoeg@mail.ru

LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFICITY OF PHRASEOLOGY THE MORAL SPHERE OF THE INDIVIDUAL

Ekaterina Kovalenko
candidate of philological sciences, associate professor
of Kuban State University,
Russia, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

В статье описываются особенности современных лингвокультурологических исследований, исследуются основные интерпретативные группы фразеологических единиц моральной сферы человека. При этом фразеологизмы автор рассматривает как знаки «языка» русской культуры и с помощью лингвокультурологического анализа из образного основания фразеологизмов с базовой метафорой извлекает культурно и прагматически значимую информацию.

ABSTRACT

This article describes the features of modern lingvoculturological researches, explores the major interpretative group of phraseological units moral sphere of the human. The idioms of the author regards as the marks of the language of Russian culture and with the help of lingvocultural analysis of shaped the Foundation of the phraseological units with the basic metaphor extracts cultural and pragmatically meaningful information.

Ключевые слова: фразеология моральной сферы личности; источники культурной интерпретации; лингвокультурологический анализ фразеологизмов.

Keywords: phraseology moral sphere of the individual; linguocultural analysis of phraseological units; sources of the cultural interpretation of.

В рамках антропоцентрической парадигмы научного знания в настоящее время укрепляет свои позиции относительно новое направление — лингвокультурология, которая базируется на понимании фразеологических (в том числе и паремических) единиц как знаков «языка» культуры, как самостоятельных духовных ценностей, т. е. «ценностей концептосферы культуры, исторически воплотившихся в билатеральном единстве языковой оболочки и межпоколенно сохраняющих в ней культурную память о материальной, социальной и духовной культуре русского народа» [2, с. 91].

Лингвокультурологический подход к описанию фразеологических единиц (далее ФЕ) позволяет эксплицировать: 1) культурную семантику (культурно-значимые смыслы, культурную коннотацию, культурные установки и т. п.) ФЕ разных типов (В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, Д.Ч. Малишевская, Н.Н. Семенов), 2) национально-культурную специфику ФЕ (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.Г. Гак, О.А. Дмитриева), 3) особенности функционирования ФЕ в роли культурных знаков в дискурсах разнотипных языков и в ареале разных типов культур (В.П. Белянин, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Э.М. Береговская). Концептуальный подход к фразеологическим явлениям приводит к разработке и моделированию различных лингвокультурных концептов (Д.С. Лихачев, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Ю.С. Степанов, Г.В. Токарев). Выявлению иерархии смыслов и ценностей в картине мира субъекта как представителя лингвокультурной общности способствует концептуальный анализ ФЕ.

Основной задачей лингвокультурологии применительно к фразеологическому материалу становится экспликация тех культурно-значимых элементов значения ФЕ, тех приращенных смыслов, которые, соотносясь с их концептуальным содержанием, обеспечивают способность ФЕ выступать средством презентации символика «языка» культуры.

В.Н. Телия формулирует два постулата, в соответствии с которыми осуществляется лингвокультурологический анализ некоторых фрагментов обыденного менталитета русского народа, отраженных в зеркале фразеологии:

1. носители языка осознанно владеют знанием прецедентных текстов, которые служат источниками культурно-национальной интерпретации ФЕ;

2. соотнесенность ФЕ с «языком» культуры может быть выявлена только на достаточно представленных массивах идеографических полей (типа «свойства лица», «чувства», «интеллектуальные способности и состояния человека», «поведение» и т. п.) [3, с. 239].

Антропокваликативные ФЕ, таким образом, становятся основным интерпретативным материалом для лингвокультурологического анализа. Целью нашего исследования является рассмотрение основных интерпретативных групп ФЕ моральной сферы человека.

Одним из первичных источников культурной интерпретации ФЕ являются ритуальные формы русской культуры: поверья, мифы, заклинания и т. п. Так, возникновение ФЕ **перемывать косточки** — «сплетничать, злословить» — связано с обрядом так называемого вторичного захоронения, существовавшего у некоторых славянских народов. Древние заговоры, магические присловья и пережиточные суеверия находят отражение в следующих ФЕ: **выносить сор из избы** (сор положено сжигать в печи для оберега), **как с гуся вода** (отводится беда, тоска, болезнь с человека), **черная кошка пробежала** между кем-либо (плохая примета — к ссоре, беде), **зубы заговаривать** (определенным заговором «снималась» зубная боль), **родиться в сорочке** (тот, кто родился в околоплодном пузыре, будет счастлив в жизни). Мифологема упыря ложится в основу ФЕ **пить кровь** чью; культурно значимый смысл ФЕ **испортить кровь и испепелить взглядом** несет информацию о ритуальных, магических действиях лиц, наводящих на людей порчу.

Важным источником культурно значимой интерпретации ФЕ является отраженная в русском менталитете система образов-эталонов, закрепленных в устойчивых сравнениях (УС) типа **надоесть как горькая редька, врать как сивый мерин, ломаться как тульский пряник** и т. п. Общеизвестно, что выбор образов-эталонов зависит от обиходно-культурного опыта членов определенного языкового коллектива, а потому представления о носителях тех или иных личностных качеств в разных языках часто не совпадают). Важной ментальной установкой для русских является внимание к своему внутреннему миру, а не к своей внешности.

Проведенный нами анализ эталонизированных компонентов УС положительной и отрицательной оценки качества позволил эксплицировать три мотивационных признака, дифференциальных для данных УС [1, с. 157—158].

1. В русской ментальности **пресмыкающиеся** не становятся эталонами положительных моральных качеств личности: **коварная как змея (или как змей), извиваться змеей / ужом** (для сравнения:

в языковом узусе народов Востока змея — символ мудрости, прозорливости и воли). Это обусловлено не только тем, что пресмыкающиеся обладают непривлекательной внешностью и являются ядовитыми, но и тем, что слова-носители образов аккумулируют в себе отрицательные культурные и эмоционально-оценочные коннотации (ср.: змей-искуситель с древа познания добра и зла, Змей Горыныч, змея подколодная, змеюка, гадюка и т. п.). Примечательно, что пейоративность семантики слов-эталонов УС усиливается как за счет библейских и сказочных ассоциаций, так и за счет причисления змеи к объектам нижней ориентации, т. е. к «низу» пространственно-гравитационной оси: пресмыкающиеся — это твари ползающие. Весьма красноречив в этом отношении прецедентный текст из М. Горького: «Рожденный ползать летать не может», где уже заданы ценностные установки: верх (сокол) — «хорошо», низ (уж) — «плохо».

2. *Представители растительного мира* не становятся мерилom релевантных духовно-нравственных качеств русского человека в силу актуализированных в их семантике имплицитивных сем — «пассивность качества», «близость, привязанность к земле». Отрицательно-оценочный потенциал определяет развитие семантики и слова-эталона *лен* (**мягкий как лен** — «о безвольном человеке») и слов-эталонов *пень, полено, бревно* (**бесчувственный или бестолковый, глупый как пень (или как полено, как бревно)**). В содержательном плане последних лексем реализуется сема «мертвая, безжизненная часть дерева». В других языках представители растительного мира могут развивать положительные коннотации: в английской ментальности эталоном невозмутимости, выдержанности выступает огурец (**as cool as a cucumber**), во французской ментальности символом невинности, непорочности и чистоты становится лилия (**pur comme un lis**).

3. Непродуктивными для эталонизации позитивных свойств личности становятся УС с мотивационным признаком, называющим *человека по профессии и социальному статусу*, в которых развиваются отрицательно-оценочные коннотативные семы. В языковом сознании русских людей сапожник, режe извозчик — воплощение грубости, пьянства, недобросовестного отношения к труду (**ругаться как <ломовой> извозчик (или как сапожник), напиться как сапожник, делать что-либо как сапожник**); барин, барыня, король — эталоны праздности, лени, беспечности, комфортной жизни (**сидеть, лежать как барин / барыня, жить как барин / барыня или как король**).

Этнокультурная специфика УС сферы моральных качеств личности выражается не только в наличии в их составе особых культурных маркеров (безэквивалентной предметной лексики, ономастики, топонимов), но и в частотности их языковой репрезентации, в специфической комбинаторике (**уставиться как солдат на вошь, сиять как блин на масленицу (или как медный грош / самовар), чувствовать себя как у тещи на блинах, уставиться, смотреть как баран на новые ворота**).

К внутриязыковым ресурсам культурной интерпретации относится отраженная в образном основании метафорических ФЕ «наивная картина мира» этноса. Лингвокультурологический анализ способствует извлечению культурно и прагматически значимой информации из образного основания ФЕ с «базовой метафорой», служащей «посредником между языковой и культурной компетенцией носителей языка» [3, с. 253].

На фоне семантического поля «Моральные качества личности» выделяется целая группа пейоративных ФЕ, в которых эксплицируется базовая метафора **«угодничать ⇐ выполнять движения и принимать позы, унижающие человеческое достоинство»: рассыпаться мелким бесом, ползать на брюхе, гнуть спину, ходить на цыпочках, ходить на задних лапках, лизать пятки, плясать под дудку**. Названные ФЕ дифференцируются не только по их семантико-синтаксической модели, но и по отличительному для каждой из них образному основанию. Проявление высшей степени угодливости наблюдается во ФЕ *ползать на брюхе* перед кем и *лизать пятки* кому, так как зафиксированные в метафоре образные ситуации указывают на унижающие человеческое достоинство ненормативные позы и движения агента. В остальных ФЕ отображено перемещение агента в пространстве в непосредственной близости от контрагента, который может управлять ситуацией (*плясать под дудку* чью). Коннотативное содержание приведенных ФЕ поддерживается стереотипной для русского самосознания установкой: недостойно русского человека заниматься угодничеством, заискиванием, льстить, даже если он и получает от этого какую-либо выгоду. — *Глядите, ребята, этого молокососа Яков Васильевич равняет с нами. — Он у мастера пятки лижет, собака!* (Г. Нечаев. Шпагин). Базовую метафору данных ФЕ можно интерпретировать как нарушение второй заповеди Божией: **«Не сотвори себе кумира и всякого подобия..., да не поклониши им, не послужиши им»**. Не случайно пословицы, отражающие тему угодничества, обычно воспринимаются в эмотивном модусе осуждения и пренебрежения: **«И богу и черту заодно угодить**

хочет», «*Одному богу молиться, а другому кланяться*». Следовательно, русским менталитетом любое проявление угодничества, самоуничижения, лести не одобряется.

Остановимся на рассмотрении еще одного свойства человека — неупорядоченности, которое также воспринимается коллективным сознанием русских со знаком «минус». В образных основаниях ФЕ **подложить свинью, подставить подножку, рыть яму** кому можно зафиксировать базовую метафору «*вредить* \Leftarrow *лишать кого-либо устойчивости, спокойствия*». Во ФЕ *подложить свинью* и *подставить подножку* содержатся слова-компоненты с эталонным и символическим прочтением. *Свинья* для русской ментальности является образцом грязи, поэтому ФЕ с этим компонентом интерпретируется как «сделать кому-либо грязное дело». — *За спиной сказал, тайком наябедничал — вот благодарность за все заботы. Люди уже говорят: «Свинью подложил»* (В. Тендряков. Тугой узел). Символом устойчивости или передвижения является *нога*, *подставить подножку* — значит, лишить человека опоры, устойчивости или свободы передвижения, что в высшей степени неупорядочно, предосудительно. — *И самое страшное, если вы отвернетесь или постараетесь подставить ножку при этих первых, наверняка беспомощных шагах, какие я сейчас пытаюсь сделать* (В. Тендряков. За бегущим днем). Во ФЕ *рыть яму* кому (ср. пословицу, содержащую нравоучение, «*Не рой яму другому, сам в нее попадешь*») слово *яма* имманентно содержит отрицательную коннотацию, что придает негативный коннотативный фон всей ФЕ. Приведенные ФЕ можно рассматривать как стереотипы «*коварного поведения*».

Итак, ФЕ, характеризующие моральные качества личности, являясь отражением ментальных структур в живом народном языке, занимают важное место в «символарии» духовной культуры русских.

Список литературы:

1. Коваленко Е.Г. Фразеологизм как средство характеристики моральных качеств личности: Дис. ...канд. филол. наук. Краснодар, 2002. — 223 с.
2. Телия В.Н. О лингвокультурологических аспектах исследования семантики фраземных знаков // Фразеология-2000. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. — С. 90—93.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

О СПЕЦИФИКЕ ПОНИМАНИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ СТУДЕНТАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Лесных Елена Владимировна

*доцент, канд. филол. наук, Липецкий институт кооперации
(филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права,
РФ, г. Липецк*

E-mail: le_yuriy@mail.ru

ABOUT THE SPECIFICS OF UNDERSTANDING OF THE SPIRITUAL-MORAL VOCABULARY THE STUDENTS OF ECONOMIC PROFILE

Lesnich Elena

*associate Professor, candidate of philological Sciences, Lipetsk cooperation
Institute (branch) of Belgorod cooperative University, Economics and law,
Russia, Lipetsk*

АННОТАЦИЯ

Цель нашего исследования — выявить степени понимания духовно-нравственной лексики в речи студентов экономического профиля, характеризующие этические представления изучаемой социальной группы. Для описания семантических инноваций в понимании духовно-нравственной лексики в работе используется метод компонентного анализа. Данное исследование свидетельствует не только о довольно низкой информационной компетентности респондентов в интересующей нас сфере, но и о недостаточной сформированности осознания студентами традиционных национально-культурных смыслов морально-религиозной лексики.

ABSTRACT

The aim of our study was to identify the degree of understanding of the spiritual-moral vocabulary in a speech to students of economic profile, characterizing the ethical ideas of the target social group. To describe the semantic innovations in the understanding of the spiritual-moral vocabulary is used method of component analysis. This study demonstrates not only about a fairly low information competence

of respondents in the sphere, but about the lack of awareness of students of traditional ethno-cultural meanings moral-religious terminology.

Ключевые слова: морально-религиозная лексика; этический аспект.

Keywords: moral-religious vocabulary; ethical aspect.

Этические аспекты в семантике слова стали предметом внимания лингвистической науки сравнительно недавно, причем в центре чаще всего оказывается этикетная сторона речевого поведения. О речевом этикете писали А.А. Акиншина, В.Е. Гольдин, Н.А. Купина, Т.В. Матвеева, В.В. Колесов, Н.И. Формановская и другие лингвисты. Однако этический аспект «представлен в языке сохранением этической нагрузки высокой лексикой и запретом на употребление слов низкой лексики. С точки зрения этической значимости лексика делится на три группы (с высокой этической нагрузкой, этически нейтральную и антиэтическую), составляющие этическую шкалу» [1; с. 7].

Очевидно, что под «влиянием различных факторов некоторые слова могут приобретать дополнительные или утрачивать определенные этические компоненты. Наиболее активно подобные изменения протекают в периоды социальных потрясений. Одним из таких переломных периодов в истории общества являются последние десятилетия XX — начала XXI века» [2; с. 16]. Эти десятилетия отмечены интенсивным изменением и развитием русского языка. Как отмечают многие лингвисты, существенные перемещения лексических массивов, стилистические сдвиги, разнообразные семантические преобразования могут быть признаны весьма активными явлениями в современном языкотворчестве даже на фоне всеохватывающего обращения к нелитературным формам языка или на фоне бурных процессов словообразования.

В современной публицистике и художественной литературе наблюдается довольно частотное употребление слов морально-религиозной тематики. Мы провели анкетирование на выявление особенностей понимания смысла морально-религиозных терминов среди студентов экономического профиля. Следует отметить, что выбор информантов для проведения нашего опроса не был случайным. В основе такого выбора лежало соображение о важности исследования степени понимания слов морально-религиозной тематики именно молодыми людьми, получающими экономическое высшее образование. От степени сформированности нравственной устойчивости студентов в процессе подготовки к предпринима-

тельской деятельности, а также нравственных качеств будущих работников экономической сферы и осознания ими психолого-этических аспектов деловых отношений в коммерческой деятельности зависит не только материальная, но и духовная жизнь нашего общества. Процесс формирования нравственно-ценностной мотивации в процессе усвоения студентами экономических знаний тесно связан с процессом осознания ими традиционных культурных смыслов, заложенных в духовно-нравственной лексике.

Исследование проводилось нами на базе Липецкого кооперативного института (филиала) Белгородского университета кооперации, экономики и права. В нем принимало участие 112 студентов первого и второго курсов очной формы обучения по направлениям подготовки «Экономика и управление на предприятии» и «Менеджмент». Студентам предлагалось дать толкование 50 лексем морально-религиозной тематики. Непременным условием для всех принимавших участие в опросе было обязательное изложение информации по каждому включенному в список термину. При незнании значения слова или возникновении каких-либо трудностей при его толковании предлагалось перечислить слова, ассоциирующиеся у респондента с данным понятием.

Что касается толкования непосредственно религиозной терминологии, то 85 % опрошиваемых столкнулись со значительными трудностями. Наиболее сложной для интерпретации оказалась подгруппа «название церковных служб и таинств». Значительные затруднения вызвало толкование терминов, являющихся названиями церковных должностей: *иерей*, *протоиерей*, *свяtitель* и др.

Толкование основных понятий христианской религии (*Евангелие*, *Спаситель*, *православие*, *заповеди* и др.) также довольно часто являлось неверным или же неточным. В среднем, относительно правильные определения предложенных терминов данной группы удалось сформулировать примерно половине участников опроса. При этом одни слова оказались более доступными для толкования (с толкованием слова *грех* справились 79 % опрошенных, *заповеди* — 76 %, *Бог* — 71 %), другие — менее доступными (*православие* — 22 %, *Евангелие* — 28 %).

Толкование собственно морально-нравственной терминологии также вызывало затруднения у многих студентов, принимавших участие в опросе. Так, сложным для истолкования (один из немногих случаев, когда у 9 % опрошиваемых отсутствовали даже какие-либо ассоциации по отношению к заданному термину) оказалось слово *добродетель* — «Положительное нравственное качество человека;

высокая нравственность, моральная чистота». У большей части респондентов (56 %) данное слово осознавалось не в значении качества, а в значении лица: «человек, помогающий окружающим», «человек, делающий добро», «добрый человек», «спаситель», «помощник батюшки», «человек, занимающийся благотворительностью» (вероятно, произошло смешение понятий *добродетель* и *благодетель*).

Интересно студенческое восприятие таких человеческих качеств, как *смирение*, *кротость*, *гордыня*.

Слово *смирение* у большинства опрошенных (82 %) трактуется как «спокойствие, умиротворение», «покорность воле Божьей (обстоятельствам)», «послушание», «согласие с жизнью», «спокойствие», «принятие всех событий без эмоций». Данные трактовки не содержат каких-либо оценок, являются нейтральными. Однако из ответов 12 % опрошенных студентов вырисовывается негативное восприятие данного качества: «покорность судьбе, связанная со слабостью характера», «слабость, безвольность», «отсутствие жизненной энергии», «игнорирование жизни» и т. п.

Также неоднозначно истолкование слова *кротость*. Если у одних респондентов это «скромность», «уступчивость», «послушность», «бесконечная доброта», «постоянная забота о ближних» (79 %), то у других — это «робость», «неуверенность», «застенчивость», «безответность», «неактивность» и даже «забитость» (21 %).

И даже при общем негативном отношении к такому качеству, как *гордыня*, которое трактовалось как «приписывание себе несуществующих достоинств», «явное завышение значимости своей личности», «наличие необоснованно высокого мнения о себе», «самый мерзкий грех перед Богом», «чванливость», «эгоизм», «высокомерие», «неуступчивость», «неприступность», «нечестивое чувство», «возвышение своей личности над другими» и т. п., часть респондентов (7 %) нашли в этом понятии нечто положительное. По их мнению, *гордыня* — это «качество человека, не позволяющее втапывать себя в грязь», «проявление сильного характера», «отторжение, неприятие каких-либо унижительных обстоятельств».

Среди сложных слов с первой частью *благо* — наиболее сложными для интерпретации оказались слова *благопристойный* — «соблюдающий принятые в обществе правила поведения, обычаи; приличный» и *благочестивый* — «отличающийся благочестием; религиозный, набожный. // Выражающий религиозность, набожность».

Большая часть респондентов (64 %), вероятно, опираясь на внутреннюю форму этого слова, пришла к выводу о том,

что *благопристойный* — это «особый, достойный человек, живущий на благо других людей», «соблюдающий заповеди», «чистый, неиспорченный человек» и т. п.

Аналогичной ошибке среди значительного числа респондентов (73 %) подверглось трактование слова *благочестивый*: «тот, кто дорожит честью», «честный и благородный», «достойный, порядочный», «честный, с чистой душой», «человек с благими помыслами», «обладающий честью», «человек, живущий по совести», «сохранивший свою честь» и т. п.

Современный этап российской действительности характеризуется переосмыслением нравственных понятий, поиском новых этических ориентиров, что находит отражение в специфике понимания высокой лексики, в частности, духовно-нравственного характера. Нами зафиксирована такая особенность употребления указанной лексики в языке современных студентов-экономистов, как искажение, неоправданное сужение и некоторая «стертость» этического смысла.

Список литературы:

1. Дмитриева Н.М. Этический аспект культуры русской речи: Лингво-культурологический анализ словаря студентов-аграриев: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. — 188 с.
2. Лесных Е.В. Архаизация лексики русского языка XX века: Дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2002. — 244 с.

ЕЩЁ РАЗ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТА

Маняхин Алексей Владимирович

*канд. филол. наук, учитель русского языка и литературы
муниципальное автономное образовательное учреждение средняя
общеобразовательная школа № 11,
РФ, г. Тамбов
E-mail: manyahinav@mail.ru*

SOME MORE ABOUT THE LINGUISTIC ANALYSIS OF THE TEXT

Manyachin Alexsey Vladimirovich

*candidate of philological Sciences, teacher of Russian language and
literature municipal Autonomous institution secondary school № 11,
Russia, Tambov*

АННОТАЦИЯ

В статье затрагиваются вопросы лингвистического анализа художественного текста. Автор рассматривает данный вид работы с точки зрения извлечения из текста актуальной для читателя информации и осуществляет проверку одного из алгоритмов анализа.

ABSTRACT

The article is devoted to the questions of the linguistic analysis of the literary text. The author considers the work in terms of the important information retrieval for the reader and checks one of algorithm analysis.

Ключевые слова: лингвистического анализа художественного текста; извлечение информации; художественная картина мира.

Keywords: the linguistic analysis of the literary text; the retrieving information; the artistic picture of the world.

Проблема лингвистического анализа художественного текста имеет давнюю историю. Ещё в 1923 году Л.В. Щерба писал о необходимости учить «читать, понимать и ценить с художественной точки зрения русских писателей вообще и русских поэтов в частности» [6, с. 26]. В работе «Опыты лингвистического толкования стихотворений» Щерба в общих чертах сформулировал цели

лингвистического анализа текста: «Показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [6, с. 97]. Здесь же он указывает и путь анализа художественного текста: объяснение идеи через семантику лексики (сюда же включается и грамматическое форм употребленных слов).

В наши дни, по мнению Л.А. Новикова, главной целью анализа художественного текста является обучение умению «ценить и эстетически воспринимать произведения художественной литературы» [2, с. 35]. Такой анализ подчинён единому методологическому принципу и выстраивается в определённой последовательности: а) чтение художественного текста; б) комментарий к тексту, содержащий пояснения семантических, грамматических и фонетических особенностей данного текста; в) культурно-исторический комментарий (общественная и историческая обстановка и т. п.). Далее следует собственно анализ текста: а) идейно-эстетическое содержание произведения; б) жанрово-композиционная структура текста; в) разбор изобразительных средств, которые раскрывают идею текста.

Анализ художественного текста строится на движении в направлении «идея — композиция (образы) — язык».

Приведённые выше точки зрения крупных русских учёных ясно указывают на обучающую цель лингвистического анализа текста.

Однако посмотрим на проблему анализа художественного текста с точки зрения читателя далёкого от академической науки. Для него, на наш взгляд, интересна информация, которая актуальна для него в данный момент или станет таковой впоследствии. Поэтому необходим алгоритм, который поможет извлечь из текста как можно больше полезной для читателя информации.

Другой важный момент: текст после опубликования начинает жить своей собственной жизнью. Он обогащается новой информацией, ведь содержание и смысл текста рассматриваются и оцениваются последующими поколениями с позиций современных им знаний. Следовательно, раз текст живёт и развивается, то следует извлекать из него ту информацию, которую он накопил за время своего существования, а вернее тот опыт, который данный текст вобрал в себя на протяжении своей жизни. Поэтому наша задача — проникнуть в содержание художественного текста и извлечь из него новые знания.

Таким образом, целью лингвистического анализа художественного текста на современном этапе является **ИЗВЛЕЧЕНИЕ АКТУАЛЬНОЙ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ ИНФОРМАЦИИ**. Тем более, что анализ позволяет «прояснить» интуитивные, не вполне

определенные знания об объектах, и получить о них новую, существенно важную информацию [1, с. 121]. Путь такого анализа текста — объяснение идеи через семантику лексики, включая сюда и грамматическое значение форм употребленных слов.

При анализе текста важную роль играют словари, т. к. они раскрывают истинные значения слов.

Итогом работы должно стать описание художественной картины мира, воплощённой в тексте. Художественная картина мира при этом понимается как вторичная картина мира, возникающая в сознании читателя при восприятии им художественного произведения [4, с. 8].

На наш взгляд, одним из самых удачных вариантов лингвистического анализа художественного текста является алгоритм, предложенный в монографии Е.В. Скворецкой [5]:

1. Анализ заглавия: выяснить словарное значение как предположительно раскрывающее важнейшую тему. Указать, используется ли заглавное слово в тексте стихотворения. Сравнить, какова субъективно-оценочная модальность заглавия.

2. Извлечение содержательно-фактуальной информации: факты, события, лица, место действия, время протекания действия.

3. Извлечение содержательно-концептуальной информации. Ответить на вопрос: В каком ракурсе автор изображает действительность? Ответ на данный вопрос следует искать в интерпретации пункта 2.

4. На основании пунктов 2 и 3 можно дать интерпретацию текста, т. е. раскрыть содержательно-подтекстовую информацию.

Чтобы проверить пригодность данного алгоритма для реализации указанной цели, проанализируем текст песни рок-группы «Алиса» «Небо славян». Данный текст взят с официального сайта рок-группы [7]. Орфография и пунктуация автора текста. Значения слов даются по Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и М.Ю. Шведовой [3].

Стоит отметить, что, на наш взгляд, целесообразно осуществлять извлечение и толкование информации в тесном переплетении, не разделяя процесс извлечения содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной информации и их интерпретацию.

Звездапад, да рокот зарниц.

Грозы седлают коней,

Но над землей тихо льется покой

Монастырей.

А поверх седых облаков

Синь соколиная высь.

Здесь, под покровом небес
Мы родились.

След оленя лижет мороз,
Гонит добычу весь день,
Но стужу держит в узде
Дым деревень.
Намела сугробов пурга
Дочь белозубой зимы.
Здесь, в окоеме снегов
Выросли мы.

Нас точит семя орды,
Нас гнет ярмо басурман,
Но в наших венах кипит
Небо славян.
И от Чудских берегов
До ледяной Колымы.
Все это наша земля!
Все это мы!

За бугром куют топоры,
Буйные головы сечь,
Но инородцам кольчугой звенит
Русская речь.
И от перелеска до звезд
Высится Белая рать.
Здесь, на родной стороне
Нам помирать.

Текст песни рок-группы «Алиса» называется «Небо славян». *Небо* — это всё видимое над Землёй пространство или обитель бога. *Славяне* — одна из крупнейших в Европе групп родственных по языку и культуре народов. Значит, небо славян — всё видимое над Землёй пространство или обитель бога, принадлежащее славянам. Значение принадлежности подчеркивается формой родительного падежа. Следует иметь в виду, что словосочетание *небо славян* повторяется в припеве.

Анализ целесообразно осуществлять построфно, потому что так перед нами возникают законченные эпизоды, складывающиеся в единую картину художественного текста.

Речь в тексте ведётся от первого лица с использованием личного местоимения *мы*, которое может обозначать весь славянский русский народ.

В первой строфе перед нами озвученная картина неба. Мы видим звёздный дождь (падение метеоритов), сопровождающийся однообразным раскатистым звуком (возможно, громом, сопровождающим сполохи зарниц) и отблеском далёких молний; бурное ненастье с дождём, громом и молниями: *Звездопад, да рокот зарниц. / Грозы седлают коней, ...* При этом грозы суть всадники. Налицо олицетворение, уподобление природы человеку.

Но бурям противостоит Земля, покрытая монастырями, дающими земле состояние тишины, отдыха, бездеятельности, отсутствия беспокойства: *Но над землей тихо льется покой / Монастырей.* Противопоставление подчёркнуто союзом *но*, имеющим значение противопоставления, ограничения.

Союз *а*, соединяющий следующее предложение с первыми, выражает сопоставление бурных явлений природы, тихой жизни религиозных общин и пространства, находящегося высоко над землёй, там, где господствует сокол: *А поверх седых облаков / Синь соколиная высь.* Сокол в отечественной традиции положительно маркированный элемент, поэтому и *соколиная высь* имеет положительную коннотацию, которую усиливают формы высокого стиля *синь*, *высь*. Кроме этого данные формы создают ощущение превосходства небесного над земным и природным, подчёркивают, возможно, приоритет божественного (вспомним, что небо — обитель бога).

Заключительные строки строфы указывают на связь с божественной стихией рождённого на этой земле народа: *Здесь, под покровом небес / Мы родились.* Слова *под покровом небес* актуализируют устаревшее значение «под покровительством божества». Сопричастность небесам подчёркнута и местоименным наречием *здесь*, имеющим значение «в этом месте».

Во второй строфе мы спускаемся с небес на землю, где погружаемся в зимнюю природу, в морозы и снега, взрастившие наш народ.

Природа живая: мороз, стужа *след оленя лижет, гонит добычу*, уподобляясь буйному скакуну (этого скакуна *держит в узде Дым деревень*). Появляется фольклорный персонаж *пурга*, которую называют *дочь белозубой зимы*. Природа очеловечена, она организатор всей нашей жизни.

И наш народ возвращён в центре этого живого природного мира, на пространстве, которое можно окинуть взглядом: *Здесь, в окоме*

снегов / Выросли мы. Сопряженность родной земле подчеркнута и местоименным наречием *здесь*, имеющим значение «в этом месте».

Строфа, служащая припевом, говорит о противопоставлении нашего мира и мира нам враждебного. Этим враждебным миром являются *орда* и *басурманы*. Характерно, что и орда, и басурманы — это наши восточные соседи, которые даже сейчас отрицательно влияют на нашу жизнь (на настоящее время указывает форма настоящего времени несовершенного вида глаголов *точит, гнет*): семя орды, источник бандитизма, мучает, изнуряет, лишает сил — *Нас точит семя орды*; иго иноземцев, иноверцев-мусульман унижает: *Нас гнет ярмо басурман*. Но ни враждебное семя, ни ярмо иноземцев не могут остудить голубую, т.е. благородную, в данном случае божественную, кровь нашу: *Но в наших венах кипит / Небо славян*, т. е. голубая кровь.

Следующие четыре строки припева очерчивают границы нашего поднебесного пространства и ясно и недвусмысленно обозначают его принадлежность, подчёркивая единство, тождественность нашего народа и нашей родной земли:

И от Чудских берегов

До ледяной Колымы.

Все это наша земля!

Все это мы!

Четвёртая строфа продолжает тему противостояния с враждебным окружением. Почему окружением? Потому, что *за бугром*, значит, на Западе, а *инородцы* — восточные соседи.

Западные соседи готовятся к войне против нас, своенравных, непокорных, шумных людей: *За бугром куют топоры, / Буйные головы сечь,...* Но сила родного языка наводит страх на врагов, как воинские кольчуги: *Но инородцам кольчугой звенит / Русская речь*. Следует обратить внимание на то, что Русь всегда защищается, потому и русская речь звенит кольчугой, воинским доспехом, предназначенным для защиты, а не для нападения.

Союз *и* указывает на связь Белой рати с защитой Родины. Это войско высоко стоит, от родного леска до неба: *И от перелеска до звезд / Выситя Белая рать*.

Последние два стиха завершают цикл человеческой жизни, начатый в предыдущих строфах:

Здесь, под покровом небес / Мы родились.

Здесь, в окоме снегов / Выросли мы.

Здесь, на родной стороне / Нам помирать.

Итак, перед нами картина русской славянской жизни. Эта жизнь охватывает всё земное и небесное пространство, она связана и с природой, и с Божественной высью, потому что божественная кровь, Небо славян. Это Небо, находя выражение в языке, помогает оборонять от врагов и иноверцев нашу огромную Родину. Судьба славянина — начать жить, возмужать и перестать жить на родной земле.

В заключении стоит сказать, что методом проб необходимо выработать универсальный алгоритм, позволяющий извлекать актуальную для читателя информацию с большой долей достоверности.

Список литературы:

1. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учебное пособие / Л.А. Новиков. М.: Высш. школа, 1982. — 272 с.
2. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. Изд. 2-е, исправленное. М.: Едиториал УРСС, 2003. — 304 с.
3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. — 874 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Изд-е третье, доп. и испр. Воронеж, «Истоки», 2003. — 60 с.
5. Скворецкая Е.В. Языковая организация текста (Учебные материалы) / Е.В. Скворецкая. Новосибирск, 2002. — 268 с.
6. Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку/ Л.В. Щерба. М.: Учпедгиз, 1957. — 188 с.
7. Кинчев К. Небо славян // Алиса: сайт. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.alisa.net/disk1/d03_lyrics.htm#nebo.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Шарина Сардана Ивановна

канд. филол. наук, ИГИПМНС СО РАН,

РФ, г. Якутск

E-mail: sarshar@mail.ru

PERSONAL PRONOUNS IN EVEN LANGUAGE

Sardana Sharina

*candidate of Sciences, Institute of humanitarian researches
and Problems of the minorities peoples
of the North of the Siberian Branch Russian Academy of Sciences,
Russia, Yakutsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается семантика и функции личных местоимений эвенского языка. Основной функциональной характеристикой эвенских личных местоимений является собственно указание. Наряду с этим личные местоимения могут выполнять и роль субститутов. Их употребление диктуется закономерностями, связанными с ситуацией речи и различными комбинациями, которые определяют построение дейктических и анафорических структур. Функционирование личных местоимений в эвенских диалектах и говорах имеет определенные особенности.

ABSTRACT

The article discusses the semantics and functions of personal pronouns of Even language. The main functional characteristic of Even personal pronouns is proper designation. Along with these personal pronouns can perform the role of substitutes. Their use is dictated by the laws relating to the situation of speech and different combinations that define the construction of deictic and anaphoric structures. Operation of personal pronouns in the dialects of Even language has certain peculiarities.

Ключевые слова: эвенский язык; личные местоимения; функции; склонение.

Keywords: Even language; personal pronouns; function; decline.

Личные местоимения выступают наиболее выразительной частью лексики, подтверждающей генетическое родство языков тунгусо-маньчжурской группы своей почти исключительной фонетической регулярностью. Личные местоимения эвенского языка соотносимы с классическими индивидуализирующими обозначениями — именами собственными. Однако единичная референция, присущая им, отражает сущность категории лица, базирующейся на отношениях пересечения/непересечения лиц-участников обозначаемой ситуации и лиц-участников ситуации речи (говорящий и слушающий). Сфера говорящего в данном случае актуализируется личным местоимением *би* `я`. Основной функцией местоимения 1-го л. ед. ч. является указание на личность говорящего как участника ситуации речи (конкретный персональный дейксис), и это определяет его преимущественное употребление в диалогической речи и повествованиях определенного порядка: *Аринка гөнни: «Би дебэмэлрэм, учиктикий илли-си»*. `Черт говорит: «Я хочу есть, слезай с верхового оленя». `Гэлэ, би-дэ яручисандаку, нөкивур бөлрэ минду, би-дэ ач атикана бисэм. `Ну-ка, я тоже попробую, лук ваш дайте мне, я тоже не имею жены`.

Отличительная особенность данного местоимения в том, что в эвенском языке (как и в других тунгусо-маньчжурских языках) отмечается наличие супплетивной формы в косвенных падежах (*мин*), например: *Эди минэч иинкэр, хи бэй бисэнри, ями миндук дюллэ дебэмэлдинри хи?* `Не смейся надо мной, ты же мужчина, как можешь раньше меня проголодаться ты?` В данной грамматической позиции местоимение 1-го л. ед. ч. актуализирует неанафорический дейксис — указание на говорящего.

Персоналии 1-го л. мн. ч. представлены двумя формами: исключаящая *бу* `мы (без вас)` и включающая *мут* `мы (с вами)`. Они имеют семантику некой обобщенности лиц, включающей лично говорящего и неопределенное количество лиц, участвующих или не участвующих в речевом акте.

В лингвистической литературе дискутируется вопрос о корреляции инклюзив/эксклюзив данными местоимениями. Эвенское *бу* может обозначать `я+ты` — в сущности, двойственное число 1-го лица при множественности слушающих (инклюзив) и `я+он/они`, которое исключает слушающего (эксклюзив). Данное местоимение употребляется говорящим при обозначении группы лиц, включающей говорящего, но исключаящей слушающего, при обращении к лицу или лицам, например: *Тек ху холаки хөрлирэ, бу эду дагрит эмбэдэун*. `Сейчас вы идите вверх по течению реки, а мы (без вас)

на время останемся здесь`. *Нянин хаманни итунни итучадин мут элэ чакатан.* `По воле шамана небес мы тут собрались`. В приведенных конструкциях противопоставление ясно реализуется и в личных местоимениях, и в глагольных формах.

Форма 1-го л. мн. ч. включительной формы иногда может иметь значение действия, указанного к адресату действия, типа: *Харак-е, он мут бисэн-э?* `Дружок, как мы живем?` — в смысле «как ты поживаешь?».

В восточном ареале проживания эвенов (Камчатка, Чукотка, Магаданская область, Хабаровский край) во всех говорах восточного наречия эвенского языка всеми исследователями указанных говоров отмечается употребление местоимения *бу* `мы (без вас)` [4, с. 63; 5, с. 121; 6, с. 127; 8, с. 129]. В говорах эвенов Якутии, за исключением языка эвенов Березовки, относящегося к восточному наречию, отмечается употребление только одного местоимения 1-го лица мн. ч. *мут* [2, с. 37; 3, с. 68].

Местоимение *хи* `ты` обозначает участника ситуации речи, к которому адресуется сообщение, имеет указание на собственно лицо слушающего (определенно-личный дейксис): *Аманни улгимин асаткантай:* «*Нитки хи мерэмсэнри?*» `Отец спрашивает у дочери: «За кого ты хочешь пойти замуж?»`. *Би толкундарив хи аич биддивус.* `Я видела сон, ты хорошо будешь жить`. При склонении данное местоимение принимает форму *хин*: *Эрэк хинду хиги хунгин анин.* `Это тебе хозяин тайги дарит`. *Мину гургэвчиринюн бакчинри, дю долан иврэкэс-нюн, хину айдим — гэни бисни (мо).* `Меня найдешь, когда поработаешь, а я тебя спасу, если меня занесешь в дом — говорящий есть (дрова)`.

Кроме основной функции указания на собственно-личный дейксис местоимение 2-го л. ед. ч. по семантическому признаку неуказания на участника ситуации речи иногда может быть трактовано и как неанафористический дейксис: *Хи хөлүрэкэс, нонан бодуччин, хи негракас, нонан бодалды — гэпти бисни (хинян).* `Ты за ней побежишь, она за собой тебя поведет, ты впереди пойдешь, она за тобой — так говорят (тень)`. Персоналия 2-го л. мн. ч., представленная формой *ху* `вы`, имеет семантику собственно-личного и иногда неанафористического дейксиса.

Образование множественного числа некоторых личных местоимений не укладывается в рамки привычного суффиксального образования. Так, множество лиц-участников речи определяется нехарактерным для эвенского языка способом выражения множественности — супплетивизмом (ср.: *би-бу* `я-мы`, *хи-ху* `ты-вы`). В своем

роде данные местоимения указывают на персональные и неповторимые понятия, и показатели формально грамматического множественного числа, обозначающего совокупность предметов одного порядка, здесь как бы неуместны.

Приведенными местоимениями 1-го и 2-го л. ед. ч. исчерпывается сторона участников речи. В.А. Роббек противопоставляет данные персональные категории по следующему рангу: «Три лица образуют иерархию, включающую два типа оппозиций по признаку «личности» и «субъектности». Признак «личность» противопоставляет первое и второе лицо третьему. Первое и второе лицо всегда соотносятся с одушевленными и очеловеченными объектами. Третье лицо может указывать на любой объект. Признак «субъектность» противопоставляет первое лицо (говорящий) второму (слушающий)» [7, с. 120].

Местоимение третьего лица единственного числа *нонан* 'он, она' обозначает лицо, не участвующее в речевом акте, о котором сообщается. Данное местоимение в эвенском языке по типу персонального дейксиса в основном употребляется как анафористический дейксис — указание на ранее названное или указанное лицо. Местоимение *нонан* по содержанию значительно отличается от предыдущих тем, что оно может указывать не только на конкретное лицо, но и обладает более широкой «заместительной» функцией, охватывая различного рода предметы и обобщенные понятия. В фольклоре отмечается употребление данного местоимения относительно одушевленных предметов, явлений или очеловеченных животных: *Но́нман хоч аяватникан-тит дэпки коетнэ туркучэпти, як бисни? (нэлтэн)* 'Оно очень любимое, но смотреть прямо на него невозможно, что это? (солнце)'. *Ибдири бэй — нонан мэлумэчилэн, кувунни-да бинни, нонан бэйди мэнти, ясалан-да эгден (хагданкин)*. 'Неизвестный человек — искусный прыгун, у него скобель-кувун есть, сам он серый, глаза у него большие (белка-летяга)'.

Однако эвенское местоимение *нонан* не может быть полным заместителем имени — заменять любое существительное в любых формах, как, например, русское *он (она, оно)*. В этом отношении диапазон значений данного местоимения несколько уже, чем у указательного местоимения *тарак* 'тот'.

Местоимение мн.ч. 3-го лица образуется при помощи суффикса собственно множественности *-р* и показателя притяжания 3-го л. мн. ч. *-тан*: *но́нартан* 'они'. По типу персонального дейксиса данное местоимение имеет более широкий круг функций. Оно охватывает

собственно личный, предметный, неанафорический, анафорический и обобщенно-личный дейсис.

Личные местоимения в эвенском языке имеют полную парадигму склонения (табл. 1). Однако в некоторых говорах (догдо-чебоголахском, аллаиховском, томпонском, саккырырском) отмечено отсутствие форм направительно-местного и направительно-продольного падежей.

Таблица 1.

Склонение личных местоимений

Единственное число				
Падеж	1 л.	2 л.	3 л.	
Именительный	би	хи	ноган	
Винительный	мину	хину	ногман	
Дательный	минду	хинду	ногандун	
Направительный	минтэки	хинтэки	ногантакин	
Местный	миндулэ	хиндулэ	ногандулан	
Продольный	миндули	хиндули	ногандулин	
Направительно-местный	минэклэ	хинэклэ	ногаклян	
Направительно-продольный	минэкли	хинэкли	ногаклин	
Отложительный	миндук	хиндук	ногандукун	
Исходный	мингич	хингич	ногангидин	
Творительный	минэч	хинэч	ногандин	
Совместный	миннюн	хиннюн	ногнюнни	
Множественное число				
Падеж	1 л. искл.	1 л. вкл.	2 л.	3 л.
Именительн.	бу	мут	ху	ногартан
Винительный	муну	муту	хуну	ногарбутан
Дательный	мунду	мутту	хунду	ногардутан
Направит.	мунтэки	муттэки	хунтэки	ногартакитан
Местный	мундулэ	муттулэ	хундулэ	ногардулатан
Продольный	мундули	муттули	хундули	ногардулитан
Напр.-местн.	мунэклэ	мутэклэ	хунэклэ	ногараклатан
Напр.-прод.	мунэкли	мутэкли	хунэкли	ногараклитан
Отложит.	мундук	муттук	хундук	ногардукутан
Исходный	мунгич	муткич	хунгич	ногаргидитан
Творительный	мунэч	мутэч	хунэч	ногардитан
Совместный	муннюн	мутнюн	хуннюн	ногарнюнтан

Личные местоимения могут оформляться различными суффиксами субъективной оценки: уменьшительными *-кан/-кэн, -какан/-кэкэн, -якан/-екэн*; пренебрежительным *чакан/-чэкэн*;

увеличительным суффиксом *-ндя*; ограничительным *-ткан/-ткэн*. Например: *Би-ткэн хинтэки нюндуку бокми-бокандьинди, эми-этэнди*. 'Если только я укажу тебе дорогу, догонишь, нет — так нет'. *Абага иненчэ*: «*Эхэ-эхэ-эхэ нончукандин яддин нэлэнни*». 'Медведь засмеялся: «*Эхэ-эхэ-эхэ, их-то ничтожных что бояться*»'. Личные местоимения могут принимать уподобительную форму с показателем *-гачин/-гичин*: *Эрэк кунга нонгаргичин* 'Этот ребенок на них похож'.

Относительно диалектных особенностей личных местоимений следует отметить, что в говорах эвенов Якутии (в языке эвенов Аллаихи, Нижней Колымы, Верхней Колымы, Кобяя, Саккырыра, Усть-Янья, Томпо и Момы) личные местоимения могут употребляться в роли притяжательных местоимений. Например: *Эне, алаке, Бугундя-упэ би амандуву өмэм орми бөн, айке, эмдэкэн чалмив дебди*. 'Мама, ура, Земля-бабушка моему отцу одного оленя дала, как хорошо, когда придет (он), оленьи кишки будем есть'. *Тарич горкам дёмкуттиди*: «*Таралдук аһаткардук өмөм һи экһэһ гаракат он бимчи?*» - *гөникэн улгимичэ*. 'Потом, долго подумав: «Если одну из тех девушек твоей сестрой сделать, как будет?» — говоря, вопрошал'.

По своим синтаксическим функциям личные местоимения сопоставимы с именами существительными, т. е. выступают в предложении преимущественно в роли подлежащего, сказуемого и дополнения: *Төр эмнэ, би хөнтэли хотарандули нэндим*. 'Земля широкая, я по другой дороге пойду'. *Нонанюнни аканни нян матакан эмэргэритэн*. 'Вместе с ним его брат и зять возвратились'. *Хин гяс — нонган*. 'Твой друг — он'.

При рассмотрении синтаксических особенностей личных местоимений обращает на себя внимание употребление их в речи с различными частицами (типа *би-дэ, нонгартан-дамар* и т. п.). Подобные примеры семантически восходят к роли определенных конкретно взятых частиц.

Употребление личных местоимений в эвенском языке диктуется закономерностями, связанными с ситуацией речи и различными комбинациями, которые определяют построение дейктических и анафорических структур.

Список литературы:

1. Бурькин А.А. Малые жанры эвенского фольклора. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. — 276 с.
2. Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995. — 144 с.
3. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. — 208 с.

4. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. — 243 с.
5. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Часть I. М.; Л.: Наука, 1960. — 263 с.
6. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989. — 205 с.
7. Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола. СПб.: Наука, 1992. — 167 с.
8. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л.: Наука, 1947. — 270 с.

2.2. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РОМАНЕ ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА “THE LORD OF THE RINGS”

Глыбочко Наталья Владимировна

*студент V курса, Тобольская государственная
социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева,
РФ, г. Тобольск
E-mail: racorpt@mail.ru*

Вычужанина Анна Юрьевна

*канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и МПАЯ,
Тобольская государственная социально-педагогическая
академия им. Д.И. Менделеева,
РФ, г. Тобольск
E-mail: doulskaya@yandex.ru*

THE DISTINCTIVE FEATURES OF THE LINGUISTIC COLOR PICTURE OF THE WORLD IN THE NOVEL “THE LORD OF THE RINGS” BY J.R.R. TOLKIEN

Glybochko Natalia

*senior student of the Tobolsk State Social
and Pedagogical Academy named after D.I. Mendeleev,
Russia, Tobolsk*

Vychuzhanina Anna

*candidate of Philology Sciences, Associate Professor of the Tobolsk State
Social and Pedagogical Academy named after D.I. Mendeleev,
Russia, Tobolsk*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию лингвоцветовой картины мира Дж.Р.Р. Толкина с учетом ее когнитивных и лингвокульту-

рологических особенностей путём структурирования и анализа содержания лексико-семантического поля «Цветобозначение» в романе “The Lord of the Rings”.

ABSTRACT

The article is devoted to the research of J.R.R. Tolkien’s linguistic color picture of the world in view of its cognitive and lingvo-culturological features by structurization and the analysis of the content of a lexico-semantic field “Colour name” in the novel “The Lord of the Rings”.

Ключевые слова: лингвоцветовая картина мира; идиолект; цветообозначение, семантическое поле «Цветобозначение».

Keywords: linguistic colour picture of the world; idiolect; colour name; semantic field “Colour name”.

В современном языкознании всё чаще происходит обращение к феномену цвета в контексте лингвокультурологической и когнитивной парадигм. Благодаря первичности чувственно-образной формы освоения мира и способности цвета модулировать физическое и психоэмоциональное состояние человека, цвет является константой культуры, древнейшей семиотической системой и важной частью концептуальной картины мира. Выступая элементом мифологических классификаций, ритуала и культа, он аккумулирует в себе значительную информацию, становится для человека не просто объективной характеристикой мира, но категорией морально-нравственной и эстетической, выражающей оценки, нормы и установки, насыщенной экспрессивно-оценочными коннотациями, предстаёт в качестве одной из ключевых категорий культуры [2, с. 3].

Цвет является значимым компонентом художественного пространства, поэтому анализ цветосемантики, цветописи и синтеза чувств помогает проникнуть в философско-мировоззренческую концепцию автора [6, с. 186].

Целью данного исследования является выявление и анализ состава и структуры цветовой лексики в романе Дж.Р.Р. Толкина “The Lord of the Rings”.

Актуальность темы определяется тем, что данная работа даёт возможность более глубокого осмысления идиолекта Дж.Р.Р. Толкина, позволяет расширить существующее представление о его мировоззрении, что важно для исследования личности и творчества писателя в целом.

Центральным понятием концепции человека, выражающим специфику его существования является *картина мира*. Картина мира

есть целостный образ мира, который является результатом всей активности человека. *Концептуальная картина мира* понимается как система представлений, знаний человека об окружающем мире. *Языковая картина мира* выражает концептуальную картину мира средствами языка, т. е. вербализует ее. *Цветовая картина мира* (ЦКМ) является значимым компонентом языковой картины мира и представляет собой одну из самых популярных лексических групп; это представление о мире в цвете, выработанное человеком на основе его теоретического осмысления.

Лингвоцветовая картина мира (ЛЦКМ) реализуется в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях и других вербальных средствах, она органично входит в лексическую систему языковой картины мира [1].

Таким образом, красочная ЦКМ Дж.Р.Р. Толкина, вербализованная средствами его поэтического языка, есть *лингвоцветовая картина мира писателя*. Единицей ЛЦКМ является *семантическое поле «Цветообозначение»*.

Взятый нами за основу полевой подход при анализе цветонесущей лексики даёт возможность отнести все лексемы со значением цвета к *ядру* и *периферии* семантического поля «Цветообозначение» в романе Дж.Р.Р. Толкина.

Все цветообозначения сгруппированы в *лексико-семантические группы* в соответствии с объединяющей их единой семьей цвета.

Картина мира в художественном тексте создаётся языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, в отборе используемых языковых средств. Воссоздавая мир на основе художественного текста, мы извлекаем информацию о нем из области, наделенной особенностями языка писателя, то есть его *идиолекта/идиостиля* — совокупности языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка [8].

В своем исследовании мы попытаемся установить особенности лингвоцветовой картины мира в романе Дж.Р.Р. Толкина “The Lord of the Rings”. Для этого нами была проведена сплошная выборка лексики со значением цвета из первого тома трёхтомного издания романа “The Lord of the Rings” [8] общим объёмом 5341 словоупотреблений, из которых было отобрано 864 цветообозначений *ядра* и 4477 цветообозначений *периферии*.

К *ядерной* зоне семантического поля «Цветобозначение» мы отнесли лексемы, объединенные в *лексико-семантические группы* (ЛСГ) и представляющие своей доминантой лексему, обладающую следующими признаками: наличие первичности цветообозначения при существовании переносных значений, возможность образования от данных колорем различных сложных, производных слов, частотность их употребления.

В состав каждой ЛСГ входят лексемы, являющиеся словообразовательными модификациями доминанты, а также цветообозначения, близкие по тону и насыщенности (например, ЛСГ цвета white включает: white-hot, milky, snow-white, white-washed, chalky и т. д.).

На *периферии* семантического поля «Цветобозначение» располагаются лексемы, в значение которых входит сема цвета, или же она выражается имплицитно, при этом у читателя возникают определенные цветовые ассоциации. Следует отметить, что в данном произведении она имеет значительную наполненность и составляет 84 % от всей лексики, относящейся к семантическому полю «Цветобозначение» (см. диаграмму 1).

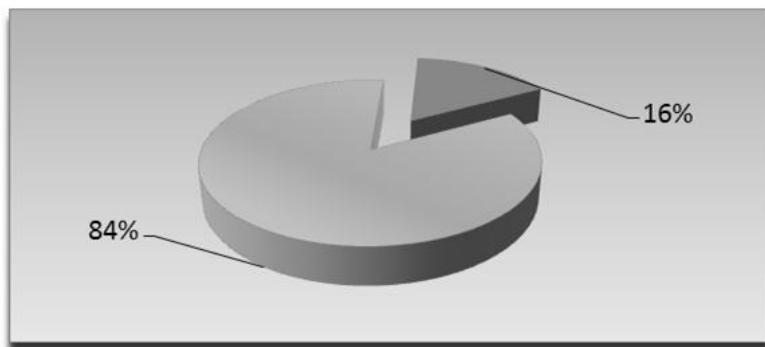

Диаграмма 1. Процентное соотношение лексем, составляющих ядро и периферию семантического поля «Цветобозначение» в романе Дж.Р.Р. Толкина «The Lord of the Rings»

В нашем исследовании мы сгруппировали лексику, составляющую *периферию* семантического поля «Цветобозначение» в 12 ЛСГ: «Указание на цветность»; «Огонь, пламя, горение»; «Природные объекты и явления»; «Природные камни, материалы, драгоценности»; «Изделия»; «Гидрографические классы»; «Топографические классы»; «Растительный мир (флора)»; «Животный мир

(фауна)»; «Продукты питания»; «Артефакты», а также авторское образование «Огненные потехи».

В состав *ядра* семантического поля «Цветообозначение», как было сказано выше, вошли 864 наименования, которые образовали 10 лексико-семантических групп, представленных: *black, white, grey, green, golden, silver, red, blue, yellow* и *brown*.

В ходе исследования было установлено, что в ЛЦКМ писателя самые наполненные ЛСГ цветов — *black* (18%), *white* (17%) и *grey* (16%), несущие эмоциональную, оценочную нагрузку, являющиеся символами и вызывающие у читателя определенные ассоциации. К среднечастотной лексике мы отнесли: *green* (12%), *golden* (12%) и *silver* (10%). Наименее частотными оказались ЛСГ: *red* (7%), *blue* (4%), *yellow* (2%) и *brown* (2%) (см. диаграмму 2).

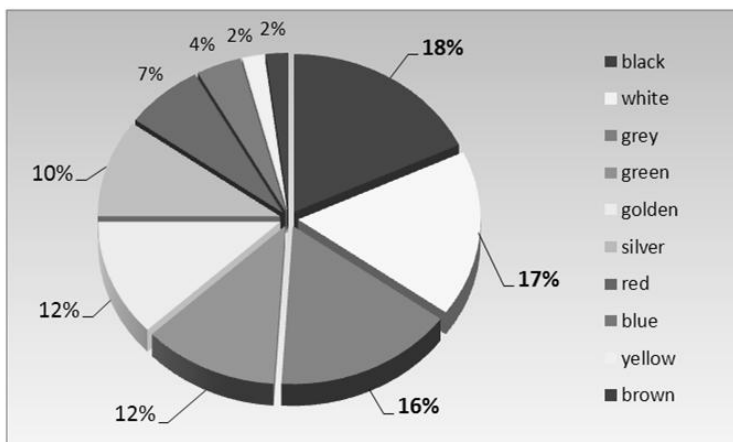

Диаграмма 2. Лингвоцветовая картина мира в романе Дж.Р.Р. Толкина “The Lord of the Rings”

Роман Дж.Р.Р. Толкина является своеобразным произведением. Цветовая картина мира имеет свои яркие индивидуальные особенности, что обусловлено неповторимостью цветовидения и мировоззрения писателя, а также особенностями художественного замысла и жанра самого произведения.

Приведем пример поэтического описания цветущего сада, наблюдаемого из раскрытого окна:

“Inside Bag End, Bilbo and Gandalf were sitting at the open window of a small room looking out west on to the garden. The late afternoon was

bright and peaceful. The *flowers glowed red* and *golden: snap-dragons* and *sun-flowers*, and *nasturtiums* trailing all over the *turf* walls and peeping in at the round windows.

“How *bright* your garden looks!» said Gandalf” [9, p. 33].

Лексемы *bright*, *afternoon*, *garden* помогают создать определённую атмосферу ясного, тихого вечера в мирной Хоббитании. Употребление глагола *glowed* создаёт выразительный, эмоционально запоминающийся образ, помогающий представить цветы, заглядывающие в окна, не просто как *red* и *golden*, а с яркими, пронизанными, подсвеченными лучами солнца оттенками. И далее идёт перечисление самих цветов: *snap-dragons*, *sun-flowers*, *nasturtiums*, несущих свою дифференциальную сему цвета. Использование лексем, находящихся на периферии поля «Цветообозначение» является особенностью романа Дж.Р.Р. Толкина, они имплицитно участвуют в цветообозначении, несут эмоционально-символическую нагрузку, создавая тем самым общий фон произведения, активно участвуют в реализации авторского замысла. Также в данном примере можно наблюдать приём повтора (в последующей фразе ещё раз упоминаются лексемы *bright* и *garden*, как бы акцентируя внимание читателя на этом эпизоде).

В качестве примера приведём наше исследование группы самых наполненных ЛСГ: *black*, *white* и *grey*.

Одной из наиболее частотных колорем, используемых автором является *black*. Лексико-семантической группе *black* отводится примерно 18 % в ЛЦКМ писателя. Данный цвет, прежде всего, традиционно ассоциируется со страхом, смертью, тоской и т. д., ему свойственны в основном отрицательные коннотации.

В идиолекте Дж.Р.Р. Толкина с чёрным цветом связываются тёмные силы — это Зло, мрак, угроза (the Black Land, the Black Gate of Mordor, the Black Breath, the Black Pit, the black abyss, a black cloud и т. д.). В чёрное одеты самые зловещие персонажи — жуткие и опасные, появление которых предвещает смерть. Так, *Black Riders* упоминаются в исследованном нами материале 28 раз, *black figure* — 7, *black horses* — 13. Причём для их описания автор употребляет само это цветообозначение в одном предложении по несколько раз или использует его синонимы. Например:

“*Black* figures riding on *black* horses...” [9, p. 134]; “... into the gloom, *a black* shadow moved under the trees...” [9, p. 230]; “...all *black* he was himself, too...” [9, p. 122] или “So *black* were they that they seemed like *black* holes in the deep shade behind them” [9, p. 225].

Здесь, с целью интенсификации цвета, а через неё и усиления эмоционального фона, автор использует приём нагнетания лексики,

употребляя *too, so*, сравнение *like black holes* и существительные, находящиеся на периферии *gloom, shadow, shade*, имеющие дифференциальную сему «серый» и относящиеся к группе «Указание на цветность».

Цветообозначение *black* играет важную роль в создании текстового семантического поля, способствуют воссозданию картины, которая быстро распознается читателем, вызывая у него эмоции страха и опасности.

Поскольку чёрный цвет трагичен сам по себе и символизирует безнадежность, безрадостность, мрачность, жестокость, зло, то его переносные значения помогают отражать мировоззрение, нравственные категории персонажей. Например:

“But after ages alone in the *dark* Gollum’s heart was *black*” [9, p. 16].

Интересно использование *black* при описании картины ночного неба как символа вечности, непостижимости, какой-то тайны — в этих случаях Дж.Р.Р. Толкин почти всегда указывает на присутствие звёзд:

“It was a fine *night*, and the *black* sky was dotted with *stars*” [9, p. 46] или “Above him was a *black* *starry* sky” [9, p. 254].

При этом употребление лексем *stars, starry* снимает отрицательную коннотацию чёрного цвета.

Второе по значимости цветообозначение в романе — *white* и его оттенки (17 %). Оно также имеет неоднозначную оценку — с одной стороны устойчиво ассоциируется с чистотой, светом, святостью, невинностью, символизирует положительные начала. С другой — это символ холода, смерти, потустороннего мира, страха, ужаса. Вспомним белые лица Чёрных Всадников (*their white faces*) или описание лиц и обрядного облачения хоббитов в могиле Умертвий: “They were on their backs, and their faces looked *deathly pale*; and they were clad in *white*” [9, p. 183]. Или возьмём описание зловещего тумана, который поглотил их, прежде чем хоббиты оказались в этой ловушке: “...*fog* was thick, cold and *white*” [9, p. 180]. Вот как описывает Бродяжник привратника Горри после разговора с Чёрными Всадниками: “He was *white* and shaking when they left him” [9, p. 227].

Но всё же намного чаще писатель использует этот цвет как символ возвышенности: “...high *white* peaks glimmering among the clouds” [9, p. 244] и принадлежности к Светлым силам (*the White Council, the White Tower, the White Tree*).

Приведём пример поэтического описания почитаемой эльфами «Зажигательницы Звёзд» — Элберет: “*Snow-white! Snow-white!* O Lady

clear!” [9, p. 104]. Или как символ высшей мудрости и чистоты – белые мантии Владык Лоризна: “They were clad wholly in white...” [9, p. 461].

Писатель противопоставляет Белых Всадников — Чёрным: “...amid the water white riders upon white horses with frothing manes” [9, p. 280].

В наивысшем эмоционально-оценочном значении («светозарный — носитель собственного света» [3, с. 354]) он использует словосочетание white light при описании эльфийского витязя, подлинная сущность которого стала видна раненому Фродо в битве у Переправы: “...a shining figure of white light...” [9, p. 273].

Поскольку «белый цвет сам по себе имеет наивысшую яркость» [4] автор использует его при описании кульминационного момента в эпизоде сражения на мосту в Мории, где противопоставляет white fire, whiter flame Гэндальфа — Барлогу (Багровому Ужасу из Глубин).

Считается, что ахроматические цветообозначения образуют антонимическую пару *белый-черный*, которая в рамках художественных текстов вырастает до глобальной оппозиции *добро-зло*.

Последняя колорема из группы наиболее частотных — *grey* и его оттенки (16 %). Серый цвет, который получается в результате смешивания белого и черного, носит нейтральный характер и имеет как положительную, так и отрицательную оценку, является символом неизвестности, неопределенности.

Серые тона автор использует при описании пейзажа: “...grassy knoll, now grey under the pale starry night...” [9, p. 159]; “...a cold grey light lay on the land” [9, p. 241]; “...a kitchen-garden grey with dew...” [9, p. 167]; деревьев “...of the great grey willow...” [9, p. 153]; облаков (grey cloud); очертаний (grey-green lines); листьев (grey and yellow leaves); камней (grey stone).

Как символ бесцветности (объекты зрительно сливаются), маскировки, серый — любимый цвет плащей эльфов: “They were clad in shadowy-grey, and could not be seen among the tree-steams...” [9, p. 446] или “He could dimly see the grey forms of two elves...” [9, p. 448]. Также это цвет их верёвочной лестницы (a grey rope), лодок, подаренных Хранителям (grey boats).

Grey вызывает ассоциации с древностью, мистикой, тайной и красотой в поэтическом описании цвета глаз Элронда — владыки Раздоло и его дочери Арвен: “...his eyes were grey as a clear evening, and in them was a light like the light of stars...” [9, p. 295]; “...and the light of stars was in her bright eyes, grey as cloudless night...” [9, p. 295]. Прочувствовать это нам позволяет наложение световой лексики: *clear*

evening, the light of stars, bright, cloudless night, находящейся на периферии, несущей в себе дифференциальную семантику цвета и определённую символическую нагрузку.

Интересно представлен символизм *grey* в отношении волшебника Гэндальфа, где эта колорема используется в описании его плаща (a long *grey* cloak) и в имени — Gandalf the *Grey*. Думается, что этим Дж.Р.Р. Толкин указывает на особую важность серого цвета его одеяния, который характеризует объект обладания. За счёт своей незаметности *grey* даёт возможность Гэндальфу быть свободным, мобильным, не афишировать свои действия — свою социальную функцию, заключённую в психологической семантике этого цветообозначения — соединение противоположностей, здравомыслие, реализм, информированность [5]. Этот цвет «...снимает в себе противоречия любых возможных проявлений крайности и уравнивает их» [7].

И всё же в большинстве случаев серый цвет у автора несёт отрицательную коннотацию. И это не просто что-то неопределённое, тревожное, какое-то предчувствие беды: “...but a *grey* land now vanishing quickly into shadow...” [9, p. 249] или “...expecting at any time to see black shapes stalking in the *grey* night, dimly lit by the cloud-veiled moon...” [9, p. 261]. Где, наряду с самим цветообозначением *grey*, писатель очень широко использует пласт лексики, находящейся на периферии и относящийся к группам «Природные объекты и явления» и «Указание на цветность» и другие. Так, прилагательное *misty* используется 21 раз, существительные *dark* — 170, *shadow* — 84, *darkness* — 32, а также их разнообразные комбинации: *grey mist*, *grey shadow* и т. д., усиливая тем самым их эмоциональное воздействие.

Как цвет праха *grey* иногда ассоциируется со смертью, трауром и душой. Вот как описывает Дж.Р.Р. Толкин Чёрных Всадников (Назгулов), утративших свой телесный облик в физическом мире глазами Фродо, надевшего Кольцо, после чего ему стал видимым потусторонний призрачный мир:

“In their *white* faces *burned* keen and *merciless* eyes; under their mantles were long *grey* robes; upon their *grey* hairs were *helms* of *silver*; in their haggard hands were *swords* of *steel*” [9, p. 255].

Таким образом, можно сделать вывод: ЛЦКМ писателя решена больше в ахроматических тонах — превосходство черного, белого и серого очевидно (их объём по отношению к хроматическим цветам равен примерно 51 % к 49 %). Они обладают выраженной смысловой амбивалентностью оценочной зоны.

Из хроматических цветов достаточно чувствительна роль зелёного, золотого и серебряного тонов.

Цветовые обозначения несут символическую, оценочную, эмоциональную нагрузку и вызывают определенные ассоциации, причём интерпретация цветовой символики в идиолекте Дж.Р.Р. Толкина совпадает с её общеязыковыми символическими значениями.

В целом, семантические группы цвета невелики по объёму, их отношение к периферии поля равно примерно 16 % к 84 %. ЦКМ писателя характеризуется предпочтением лексики, сема цвета в которой является дифференциальной, характеризующей аспект «внешний вид» или это имплицитная сема цвета, привносящая различные оттенки и цветовые образы. Часто именно световая лексика дополняет и усиливает цветовую. Цветовой фон повествования «приглушённый, скрытый в глубинах слова, только иногда он покажется как внешняя грань чего-то, на самом деле куда более значительного» [3, с. 357].

Список литературы:

1. Андреева К.А., Тимофеева А. Лингвоцветовая картина мира и диалог культур. — 2006. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No11/text07.htm> (дата обращения 08.02.2014).
2. Гатаулина Л.Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира: на материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков: Дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2005. — 259 с.
3. Колесов В.В. Свет и цвет в «Слове о полку Игореве» / В.В. Колесов // Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. — С. 344—358.
4. Кутковой В.С. Смысловые особенности цвета в иконе «Святая Троица» преподобного Андрея Рублева. — 2010. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/43579.htm> (дата обращения 09.02.2014).
5. Нелюбов М.В. Психология цвета. Авторский курс лекций. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.center-nlp.ru/library/s55/nlp/cvet.html> (дата обращения 18.11.2013).
6. Новиков Ф.Н. Роль цветообозначений в конструировании художественного текста // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. — № 2. — Том I. — С. 186—189. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2011_2g/41.pdf (дата обращения 10.02.2014).
7. Серов Н.В. Цвет культуры. Психология, культурология, физиология. Речь.: СПб., 2004. — 672 с.

8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. — 696 с.
9. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings, Part One: The Fellowship of the Ring. London: HarperCollins Publishers, 2007. — 531 p.

ФИНАНСОВЫЕ ГЛАГОЛЫ-КОНВЕРСИВЫ В СТРУКТУРЕ ТЕМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Колисниченко Татьяна Викторовна

*преподаватель Буковинского государственного
финансово-экономического университета,*

Украина, г. Черновцы

E-mail: tanach@i.ua

FINANCIAL CONVERSE VERBS IN THE STRUCTURE OF THE SUBJECT MARKED LITERAL DISCOURSE

Kolisnichenko Tatyana

*teacher of Bukovina State University of Finance and Economics,
Ukraine, Chernovtsy*

АННОТАЦИЯ

Цель работы — анализ функциональной семантики финансовых глаголов-конверсивов в структуре тематически маркированного художественного дискурса английского языка для определения дискурсивной функции конверсивов. Проанализировано лексико-грамматическую и семантическую сочетаемость вербализаторов концептосферы “Financial Transaction” в литературном дискурсе для определения особенностей их функционирования.

ABSTRACT

The article focuses on the analysis of the functional semantics of the converse verbs in the structure of the English subject marked literal discourse to determine their discourse functions. Lexical-grammar and semantic combinability of the verbalizers of the conceptual system “Financial

Transaction” in the literal discourse to determine their functional peculiarities are studied.

Ключевые слова: функциональная семантика; глаголы-конверсивы; лексико-грамматическая сочетаемость; семантическая сочетаемость.

Keywords: functional semantics; converse verbs; lexical-grammar combinability; semantic combinability.

Актуальность исследования заключается в рассмотрении функциональной семантики глаголов-конверсивов в структуре тематически маркированного художественного дискурса (ТМХД) и изучении дискурсивной функции глаголов-конверсивов путем формирования глагольно-конверсивных пар и их функциональной нагрузки в дискурсе. Объектом исследования выступают взаимозависимые глаголы-конверсивы концептосферы “Financial Transaction” в структуре ТМХД английского языка. Предметом исследования выступают лингвокогнитивные, лексико-семантические и функционально-семантические отношения глаголов-конверсивов в структуре тематически маркированного художественного дискурса.

На основе компонентного и количественного анализов определено, что концептосфера “Financial Transaction” в англоязычной картине мира вербализирована следующими парами глаголов-конверсивов: *to borrow — to loan; to credit — to debit; to finance — to receive; to give — to take; to invest — to divest; to obtain — to lose; to pay — to earn; to sell — to buy; to spend — to get; to supply — to demand*. Для рассмотрения функциональной семантики глаголов-конверсивов в структуре дискурса рассмотрены лексико-грамматическая и семантическая сочетаемость финансовых глаголов-конверсивов в структуре тематически маркированного художественного дискурса.

Анализ лексико-грамматической сочетаемости глаголов-конверсивов в структуре ТМХД (как на основе лексикографических источников, так и на основе текстового материала) определил, что финансовые глаголы-конверсивы могут сочетаться в правосторонней и левосторонней позициях с именными группами, прилагательными, наречиями, инфинитивами и предлогами. Именная группа (NG) рассматривается как синтаксическая конструкция, в состав которой входит главное существительное и его модификаторы. Именные группы в структуре ТМХД могут иметь следующие структуры: Adj+N, Pr+N, Pr+Adj+N, N¹+Pr+N², N+Adv. В структуре ТМХД зарегистрированы следующие морфолого-синтаксические

модели: **NG+VERB+NG**, **NG+VERB**, **NG+VERB+Adv**, **NG+VERB+Pr**, **NG+VERB+V_{inf}**, где NG — существительное или местоимение в функции подлежащего, NG¹, NG² — существительное или местоимение в функции дополнения, VERB — исследуемый глагол-конверсив, Adj — прилагательное, Pr — предлог, Adv — наречие, V_{inf} — инфинитив). Рассмотрим лексико-грамматическую сочетаемость финансовых глаголов-конверсивов подробнее на примерах:

NG+VERB+NG (употребление данной модели в ТМХД составляет 76,9 % от всех проанализированных глаголов-конверсивов):

1.1. *So when **I give them to you**, I want the first million* [3].

1.2. ***You can take the records** I have now and obtain indictments for maybe half* [3].

NG+VERB (употребление данной модели в ТМХД составляет 9,1 % от всех проанализированных глаголов-конверсивов):

1.3. *We haven't a **moment to lose*** [2].

1.4. *When those duties cease to be required and rendered, and **the stipend ceases to be paid**, there is an end of all relations between us* [1].

NG+VERB+Adv (употребление данной модели в ТМХД составляет 5,5 % от всех проанализированных глаголов-конверсивов):

1.5. *Although this is but a dry reply to the Major's purple enthusiasm, **the Major receives it graciously**...* [1].

1.6. *He could take this cash, ..., **on which he could borrow again*** [2].

NG+VERB+Pr (употребление данной модели в ТМХД составляет 5,3 % от всех проанализированных глаголов-конверсивов):

1.7. ***The Firm demands loyalty to*** [3].

1.8. ***"It'll pay off"**. Did you hear what my bonus was last year* [3]?"

NG+VERB+V_{inf} (употребление данной модели в ТМХД составляет 3,2 % от всех проанализированных глаголов-конверсивов):

1.9. ***He sold to "realize"** his profit, or if his margins were exhausted he was "wiped out"* [2].

1.10. *To get out, **they've got to borrow**, rent or steal a car* [3].

Приведенные выше примеры демонстрируют, что глаголы-конверсивы реализуют в ТМХД как свои доминантные, так и периферийные компоненты значения. В процессе анализа лексико-грамматической сочетаемости финансовых глаголов-конверсивов в структуре ТМХД определено что:

- в большинстве случаев глаголы-конверсивы сочетаются в ТМХД с существительными группами (76,9 % — 3 367 словоупотреблений) от общего количества проанализированных глаголов-конверсивов в ТМХД;

- 9,1 % составляет нулевая сочетаемость (398 словоупотреблений);
- сочетаемость конверсивов с наречиями в правосторонней позиции в ТМХД составляет 5,5 % (242 словоупотреблений);
- глаголы-конверсивы в 5,3 % (231 словоупотреблений) сочетаются с предлогами в правосторонней позиции;
- низкую частоту употребления составляет сочетаемость конверсивов с инфинитивами в правосторонней позиции (3,2 % — 139 словоупотреблений).

Семантическая сочетаемость глаголов-конверсивов в ТМХД представлена следующими моделями: (L)ЛСП+VERB; (L)ЛСП+VERB+(R)ЛСП¹ и (L)ЛСП+VERB+(R)ЛСП¹+(R)ЛСП², где (L)ЛСП — левосторонняя, а (R)ЛСП¹ и (R)ЛСП² — правосторонняя сочетаемость глаголов-конверсивов.

(L)ЛСП+VERB

1.11. *He's assigned five agents in Memphis and three in Washington, and he said they'll spend whatever it takes to get* [3].

1.12. *'What is it that you have to sell?'* said Edith [1].

(L)ЛСП+VERB+(R)ЛСП¹

1.13. *"We're checking the tapes now. It'll take about an hour. We've got so damned many bugs in this city it takes six computers to find anything* [3]."

1.14. *The ticket to Cincinnati had been bought with cash, in the name of Sam Fortune* [3].

(L)ЛСП+VERB+(R)ЛСП¹+(R)ЛСП²

1.15. *They could better spend their time investigating our clients if they suspect wrongdoing* [3].

1.16. *This offer of Uncle Seneca to get him in with Waterman & Company...* [2].

Анализ семантической сочетаемости глаголов-конверсивов в структуре ТМХД определил, что модель (L)ЛСП+VERB+(R)ЛСП¹ является высокочастотной и составляет 62,4 % или 2 730 словоупотреблений. Модель (L)ЛСП+VERB+(R)ЛСП¹+(R)ЛСП² в ТМХД составляет частоту употребления 28,5 % (1 249 словоупотреблений). Наименьшую частоту употребления в структуре ТМХД составляет модель (L)ЛСП+VERB (9,1 % — 398 словоупотреблений). Анализ также продемонстрировал, что некоторые конверсивы семантически «сильнее» своих коррелятов, поскольку в большинстве случаев в контексте употребляется только одна из составляющих пары, в то время как другая остается за пределами контекста.

Глаголы-конверсивы вербализаторы концептосферы “*Finance Transaction*” реализуют в структуре тематически маркированного художественного дискурса как доминантные так и периферийные компоненты значения, что происходит в следствии «расширения» значения в неспециальном дискурсе. Конституенты дальних периферий лексико-семантических полей глаголов-конверсивов находят свою реализацию в структуре тематически маркированного художественного дискурса благодаря семантической сочетаемости финансовых конверсивов.

Список литературы:

1. Dickens C. *Dombey and Son* / C. Dickens. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.readprint.com/work-450/Dombey-and-Son-Charles-Dickens>.
2. Dreiser Th. *The Financier* / Th. Dreiser. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/d/dreiser/theodore/financier/contents.html>.
3. Grisham J. *The Firm* / J. Grisham [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://fb2lib.net.ru/read_online/72411.

**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ
КАТЕГОРИИ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ
В ДИСКУРСЕ СТОМАТОЛОГИИ**

Костенко Виктория Геннадиевна

канд. филол. наук, доцент,

*Высшее государственное учебное заведение Украины
«Украинская медицинская стоматологическая академия»,*

Украина, г. Полтава

E-mail: viktoriakostenko20@rambler.ru

Сологор Ирина Николаевна

канд. филол. наук, доцент,

*Высшее государственное учебное заведение Украины
«Украинская медицинская стоматологическая академия»,*

Украина, г. Полтава

E-mail: plantago@ukr.net

Знаменская Иванна Владиславовна

канд. филол. наук, доцент,

*Высшее государственное учебное заведение Украины
«Украинская медицинская стоматологическая академия»,*

Украина, г. Полтава

E-mail: pravograd@yandex.ua

COGNITIVE ASPECTS OF INTERDISCOURSIVITY IMPLEMENTATION IN DENTAL DISCOURSE

Victoria Kostenko

*candidate of Philological Sciences, assistant professor of Higher State Educational Institution of Ukraine “Ukrainian Medical Dental Academy”,
Ukraine, Poltava*

Irina Solohor

*candidate of Philological Sciences, assistant professor of Higher State Educational Institution of Ukraine “Ukrainian Medical Dental Academy”,
Ukraine, Poltava*

Ivanna Znamenskaya

*candidate of Philological Sciences, assistant professor of Higher State Educational Institution of Ukraine “Ukrainian Medical Dental Academy”,
Ukraine, Poltava*

АННОТАЦИЯ

Целью статьи было проанализировать когнитивные аспекты реализации категории интердискурсивности в англоязычном академическом дискурсе стоматологии. Поскольку основной единицей исследований когнитивного компонента дискурса выступает концепт, в центре внимания были лексические репрезентанты, его представляющие определенный. Дискурс стоматологии — то сложное междисциплинарное дискурсивное пространство, которое состоит из системы дискурсов нескольких отраслей знания, имеющих отношение к физиологии и патологии зубочелюстной системы, диагностике и лечению ее заболеваний и их профилактике. Тематика дискурса очерчивает его понятийную сферу, формирует и определяет его когнитивную специфику.

ABSTRACT

This paper was aimed to analyze the cognitive aspects of interdiscourse implementations in the English dental discourse. As a concept being an idea or mental image which corresponds to some distinct entity or class of entities is considered to be a principal unit of discourse cognitive layer the study was focused on the lexical markers presenting some concepts of different sciences and practices which were involved in the dental discourse. It may be concluded this discourse showing marked biomedical cognitive dominants incorporates concepts of engineering,

computer technologies, economics, law. It is the subject area that mainly determines conceptual space of a certain science of practice.

Ключевые слова: дискурс стоматологии; категория интердискурсивности; когнитивный аспект; концепт; лексические репрезентанты.

Keywords: dental discourse; interdiscursivity; cognitive aspects; concept; lexical markers.

Современное развитие экономических, культурных, образовательных связей способствует повышению значимости роли профессиональной коммуникации. Поэтому изучение характеристик институционального коммуникативного пространства, а также вопросов, связанных с языковой презентацией дискурсивных, лингвоментальных, когнитивных и культурных аспектов знания как целостной уникальной мегасистемы, является одним из наиболее актуальных и перспективных направлений в парадигме теории языка.

Важность стоматологии как отрасли медицины неоспорима, поскольку существует неразрывная связь между состоянием здоровья полости рта, общим здоровьем человека и качеством его жизни в обществе (причем аспекты эстетики и красоты уже давно преобладают над функциональностью). Именно поэтому в большинстве европейских стран, а также США и Канаде вопросы здоровья полости рта являются приоритетными в государственной политике здравоохранения и пребывают под пристальным вниманием правительств этих стран [10]. Тем не менее, дискурс стоматологии (ДС) остается одним из наименее изученных когнитивно-семантических феноменов.

Понимание дискурса как неотъемлемой составляющей коммуникации, выступающей ретранслятором смыслов, идей, образов, точек зрения, интерпретаций и других ментальных и виртуальных образований, обусловило развитие понятия интердискурсивности, которое обозначает «взаимодействие между различными типами дискурса, то есть интеграцию, пересечение различных отраслей знания и практики», «взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных стратегий» [6, с. 36]. При изучении профессиональных или научных дискурсов целесообразно говорить о коммуникативно детерминированной интердискурсивности, которая отображает естественный процесс интеграции знаний, обозначая переход от узкоспециализированного анализа к более широкому, всестороннему и всеохватывающему изучению различных явлений, процессов. Американские лингвисты Р. Сколлон и С. Сколлон весьма точно

подчеркнули, что «каждый из нас одновременно является членом многих различных дискурсивных систем, поскольку любая коммуникация — это коммуникация через границы, разделяющие нас на дискурсивные группы» [9, с. 9]. Таким образом, интердискурсивность в наиболее общих чертах можно представить как взаимодействие и взаимопроникновение элементов различных дискурсов с целью создания и функционирования нового типа дискурса в рамках определенного коммуникативного пространства.

Целью настоящего исследования была попытка проанализировать когнитивные аспекты реализации категории интердискурсивности англоязычного научного ДС. Поскольку дискурс существует в текстах, анализ дискурса — это прежде всего анализ текста, но текста, «погруженного в реальность», в качестве **материала** изучения были использованы тексты научных статей, представляющих оригинальные теоретические и/или экспериментальные исследования (*research papers*), и обзорных научных статей (*review articles*), опубликованных в научных журналах «British Dental Journal», “The Journal of American Dental Association”, “The Journal of Dental Research”, “International Dental Journal”, “European Journal of Dental Sciences”, “International Journal of Oral Science” за 2011—2013 гг. Эти жанры являются основными формами научного общения в указанном дискурсивном сообществе, хотя жанровая палитра письменного научного ДС весьма разнообразна и включает также традиционные статьи-выступления в журналах (*editor’s page, editorial*), научные статьи-обсуждения за круглым столом (*a round table discussion*), статьи, в которых представлен конкретный клинический опыт использования научных достижений стоматологии в диагностике и лечении различных состояний, описание реставрационных работ (*case report*), научные статьи-интервью (*interview*) и другие. Именно в этих жанрах, главным образом, реализуются стратегии ДС.

ДС представляет собой сложное дискурсивное образование институционального типа, создаваемое с целью концептуализации новых знаний, профессиональных умений и навыков в отрасли стоматологии, их обмена и передачи. В рамках, обозначенных ДС, происходит реализация когнитивных программ и моделей взаимодействия участников — ученых, врачей-стоматологов различных профилей, преподавателей — в условиях ситуации научного, профессионально ориентированного общения. Тематика изученных публикаций охватывает широкий спектр вопросов современной стоматологии: это, прежде всего, научные достижения и разработки, клиническая стоматология, вопросы экономики и организации

отрасли, стоматологическое оборудование, инструменты, материалы, использование информационных технологий, образовательные программы

Основной единицей исследований когнитивного компонента дискурса выступает концепт — «многоуровневая ментальная единица, в основе которой лежит ценностно значимая информация, воплощенная в вербальных единицах» [1, с. 9], связующее звено между языком, сознанием и культурой [4]. Каждому типу дискурсов присущи специфические концепты, которые В.И. Карасик, Н.А. Красавский и Г.Г. Слышкин называют «генеративными» (центральными для данного дискурса, лежащими в основе развертывания его смыслов и норм) [2, с. 78], Е.И. Шейгал — «дискурсообразующими» [7, с. 24]. Одними из наиболее выразительных языковых репрезентантов концепта являются лексические средства, поскольку «лексика больше, чем другие ярусы языка, обеспечивает функционирование языка как средства общения, а отображенная в лексической единице абстракция является вербально выраженным знанием внешнего мира» [5, с. 3]. Поэтому, чтобы определить присутствие того или иного концепта в ДС, мы выявляли ключевые слова — репрезентанты содержания данного концепта в языке, анализировали словарные толкования номинантов концептов, изучали лексическую сочетаемость ключевых слов, их синонимические отношения в тексте, выявляли поля лексических репрезентантов исследуемых концептов.

Поскольку стоматология — это отрасль *знания* и ДС выстраивается как дискурс знания, то ключевые концепты научной концептосферы, такие как «истина», «наука», «знание», «исследование», «метод», «доказательство», «эксперимент», являются центральными для исследуемого дискурса: *The aim of the study reported in this paper was to investigate two factors which may have influenced the observed level of care: [...]*. Именно эти концепты определяют специфику научного познания как особого способа концептуализации действительности.

Стоматология как раздел *медицины* естественным образом оперирует ее понятиями, поэтому концепты «здоровье», «болезнь», «норма», «патология», «диагностика», «лечение», «профилактика», «пациент» будут системообразующими и для ДС: *The maintenance of traumatized teeth requires not only excellent emergency treatment but also appropriate long-term follow-up, and the knowledge and skills of the dentists involved are critical to the future dental health of the patients.*

Развитие стоматологической науки и ее практические достижения в области реставрации зубных рядов, устранении челюстно-

лицевых дефектов тесно связаны с достижениями целого ряда инженерно-технических дисциплин. Это взаимодействие привнесло в ДС такие концепты, как «материал», «технология», «конструкция», «проект», «технические характеристики», «испытание», «техно-экономическое обоснование»: *Electric handpiece motors are designed to generate up to 40, 000 rpm of rotation at the level of the bur. The Tempcap has an all-metal construction, and it contains two or three retentive pin projections.*

Сейчас невозможно представить большинство диагностических методик и хирургических процедур в стоматологии без использования компьютерных технологий, которые совершили поистине революционный переворот в медицине. Например, использование дентальных видеокамер с программным обеспечением Vem Image, Acu Cam, Vista Cam, Telescam DMD даже при рутинном осмотре позволяет увидеть труднодоступные фрагменты зуба и пародонта, что способствует выявлению патологии в ранней ее стадии, увеличить или уменьшить размеры и контрастность изображений, сохранить всю информацию в базе данных. Использование программ, которые помогают рассчитать параметры различных по своей сложности ортопедических конструкций, зубных имплантатов, а также производить огромное количество прицельно точных манипуляций, в значительной степени благоприятствовало тому, что за последние 10—15 лет стоматологическое лечение стало одним из наиболее высокотехнологичных и прогнозируемых и сейчас демонстрирует едва ли не самые высокие показатели успешности в медицине. Таким образом, внедрение компьютерных технологий нашло отражение в ДС в виде концептов «аппаратное обеспечение», «программное обеспечение», «цифровое оборудование»: *Lab-on-a-chip technologies my help develop innovative chairside diagnostic tests to identify oral fluid biomarkers associated with oral / systemic diseases. Most dental practices already have PM software — a survey conducted in 2010 by the California Health Care Foundation found that 93 % of respondents use it.*

По мнению социолога М. Бари, медицина и как практика, и как теоретическое знание опосредована социальными отношениями [8]. В равной степени это касается и стоматологии, поэтому ДС как социокультурное явление не может быть абсолютно нейтральным и объективным: он включает в себя и отражает ключевые аспекты современных социально-экономических процессов, различные культурные сдвиги. Так, экономическая экспансия обусловила появление в ДС таких концептов отрасли экономики, как «деньги», «стоимость», «экономическая целесообразность», «рентабельность», «рынок»,

«производство»: *Many practices have a patient structure that demands an economical treatment strategy with less demanding restoration types.* Кроме того, с экономической точки зрения здоровье населения считается существенной предпосылкой экономического роста нации [3; 10]. Поэтому здравоохранение вообще имеет огромное стратегическое значение для развития общества, а формирование у населения разумного и бережного отношения к своему здоровью, в том числе и стоматологическому, является экономически выгодным: *However, if a patient misses a series of longer appointments there may be more serious consequences for the dentist and the patient, among which there is a serious financial loss. A cost-benefit and cost-effectiveness analysis regarding this preventive dental program was performed.* Это позволяет прийти к заключению, что здоровье в постиндустриальном обществе рассматривается как важная социально значимая ценность и неотделимая составляющая благополучия/процветания личности и государства, что находит отражение и в ДС.

Неотъемлемыми признаками текстов академических стоматологических журналов станут лексические маркеры права, например: *Approval was obtained from the institutional review board at each study center. Parents or guardians of all children provided written informed concern before they were enrolled on the study. In conformity with resolution 196/96-CNS, both projects were approved by the relevant ethics committees.* Это можно объяснить тем, что права человека как мерило его социальной свободы являются одной из ключевых тем не только гуманитарной или узкопрофессиональной сферы, но и повседневной реальности. Поскольку стоматология не может обойтись без использования экспериментов, а некоторые виды лечения сопряжены с определенным риском, перед стоматологическим сообществом возникает необходимость полноценного урегулирования всех правовых аспектов.

Таким образом, анализ некоторых аспектов реализации категории интердискурсивности англоязычного научного ДС на когнитивном уровне дает основание считать его полем дискурсивных пересечений, которое, имея выраженную биомедицинскую доминанту, отражает взаимодействие концептов дискурса экономики, права, компьютерных технологий, инженерно-технического знания. Именно тематика дискурса очерчивает его понятийную сферу, формирует и определяет его когнитивную специфику. Вследствие интеграции в иной, создаваемый дискурс, один и тот же концепт, помимо некоего инварианта содержания, будет наполняться содержанием, специфичным для концептосферы той или иной науки. Чем сложнее дискурс

по своей тематике, по своему жанровому разнообразию, в своих стратегиях, тем большее количество других дискурсов он может интегрировать.

Исходя из вышесказанного, ДС следует рассматривать как сложное междисциплинарное дискурсивное пространство, которое состоит из системы дискурсов нескольких отраслей знания, имеющих отношение к физиологии и патологии зубочелюстной системы, диагностике и лечению ее заболеваний и их профилактике.

Список литературы:

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. — 390 с.
2. Карасик В.И. Лингвокультурная концептология: учебное пособие / Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. Волгоград: Парадигма, 2009. — 116 с.
3. Кириленко Е.И. Медицина как «точка влечения» в поле европейской культуры // Конструирование человека. Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. — С. 359—364.
4. Олешков М.Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / отв. ред. М.Ю. Олешков. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. — С. 68—86.
5. Сергеева Е.В. Русский религиозный философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект. / Е.В. Сергеева. Автореф. дис. ... док. филол. наук 10.0201. СПб., 2002. — 34 с.
6. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст-Дискурс-Стиль. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. — С. 23—42.
7. Шейгал Е.И. Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы междунар. научн. конф. «Коммуникация — 2002». Пятигорск: ПГЛУ, 2002. — С. 24—26.
8. Bury M.R. Social constructionism and the development of medical sociology // *Sociology of health and illness. A journal of medical sociology.* — Vol. 8. — Issue 2. — 1986. — P. 137—169.
9. Scollon R., Scollon S.W. *Intercultural communication: A discourse approach.* Blackwell Publishers, 2001. 2nd ed. — 233 p.
10. Wall T.P. *Dental Medicaid — 2012. Dental Health Care Policy Analysis Series.* Chicago: American Dental Association, Health Policy Resources Center, 2012. — 29 p.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Кузнецова Наталья Эдуардовна

*старший преподаватель кафедры иностранных языков
Московского государственного университета экономики,
статистики и информатики,
РФ, г. Москва
E-mail: sharethelight@ya.ru*

MODERN METHODS OF TEACHING ENGLISH IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Nataliya Kuznetsova

*senior Lecturer, Department of Moscow State Foreign Languages
University of Economic, Statistics and Informatics,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются различные методы обучения иностранным языкам в вузах. Особое внимание было уделено следующим методам: прямому методу, грамматико-переводному, аудиовизуальному, аудиолингвальному и коммуникативному. Делается вывод о том, что более доминирующее положение начинает занимать коммуникативный метод.

ABSTRACT

The article discusses various methods of teaching foreign languages in universities. Particular attention was paid to the following methods: the direct method, grammar-translation, audio-visual, audiolingual and communicative. It is concluded that communicative method is has started becoming most dominant.

Ключевые слова: иностранный язык; английский; методы.

Keywords: foreign language; English; methods.

В настоящее время существует немало методик для изучения иностранного языка в высших учебных заведениях. Каждый

из методов имеет определенные особенности, некоторые обладают большей популярностью и востребованностью, некоторые меньшей. В этой статье будут рассмотрены основные методики для изучения студентами английского языка.

Современные методики преподавания английского языка в высших учебных заведениях

В современном мире английский язык пользуется огромной популярностью, более того, этот язык является языком международного общения, его знают во всем мире. На сегодняшний день существует огромное множество методик для преподавания английского языка. Кроме того, регулярно разрабатываются новые, поэтому теперь каждый преподаватель может выбрать для себя оптимально подходящую методику работы.

В настоящее время при преподавании иностранного языка в высших учебных заведениях чаще всего используются классические методы. А именно:

1. Прямой метод.
2. Грамматико-переводной метод обучения.
3. Аудиовизуальный и аудиolingвальный методы.
4. Коммуникативный метод.

В этой статье мы рассмотрим каждую из приведенных методик более подробно.

Прямой метод обучения иностранному языку

Суть данной методики состоит в том, что преподаватель больше внимания уделяет изучению непосредственно разговорного языка, который используют в повседневной жизни. Разработчики этого метода посчитали, что язык-посредник, то есть язык, на котором ведется преподавание, тормозит изучение иностранного языка. Таким образом, студентов искусственно вводят в мир изучаемого ими языка.

Все занятие ведется на английском, объяснения и новые темы преподаватель также должен давать на английском языке. Используется только англоязычная литература.

При обучении английскому языку путем такого метода, роль преподавателя в успешном усвоении знаний студентами является ключевой. То есть речь его должна быть абсолютно четкой и правильной, произношение должно быть идеальным, так как обучаемые постоянно будут повторять именно за преподавателем. Идеальным вариантом для прямого метода обучения будет сделать преподавателем носителя английского языка [4, с. 147].

Грамматико-переводной метод

Грамматико-переводной метод является основным в современной системе образования. Это классический метод, которые используется уже не одно десятилетие. Такая его распространенность обусловлена и тем, что большая часть преподавателей сами обучались при помощи такого метода.

Цель грамматико-переводного метода — научиться читать и переводить при помощи грамматических правил.

К недостаткам данного метода можно отнести и то, что лексической части уделяется недостаточно внимания. Изучение лексики сводится к механическому заучиванию слов. Чтение и перевод выполняется в строгой форме. Кроме того, тексты, предлагаемые для чтения, обычно относятся к сложной художественной литературе, следовательно, студент изучает только литературный язык. Попав в языковую среду, ему будет очень сложно понять окружающих даже при хорошем знании литературного языка.

Аудиовизуальный и аудиолингвальный методы

Суть обоих методов состоит в передаче языка через четкие структуры, заучивание происходит при помощи аудио и видеозаписей.

Аудиовизуальный метод обучения подразумевает иллюстрирование речи соответствующими картинками, то есть студентам показывают видеоролики, художественные и документальные фильмы на английском языке. В этом случае у обучаемых работает одновременно два канала восприятия — зрительный и слуховой, в результате чего в голове студентов возникают ассоциации, что позволяет лучше запоминать язык. Целью методов является овладение живым, разговорным языком [1, с. 411].

Оба метода построены на индукции — обучение проходит от правила к примеру. Учитывая все вышесказанное, можно заметить, что для студентов вузов, которые не специализируются на изучении языков, аудиолингвальный и аудиовизуальный методы подходят только в том случае, если они используются в комплексе с другими программами обучения [6, с. 109].

Коммуникативный метод

В настоящее время все большее количество преподавателей обращаются к коммуникативному методу изучения английского языка. Объектом этого метода является сама речь, то есть такая методика в первую очередь учит общаться.

Коммуникативный метод подразумевает большую активность студентов. Задачей преподавателя в данном случае станет вовлечь в беседу всех присутствующих в аудитории. Для лучшего запоми-

наний и использования языка необходимо загрузить все каналы восприятия.

Суть коммуникативного метода заключается в создании реальных ситуаций общения. При воссоздании диалога студент имеет возможность применить на практике все полученные знания. Очень важным преимуществом коммуникативного метода можно считать то, что он обладает огромным разнообразием упражнений: здесь используются ролевые игры, диалоги, симуляция реальной коммуникации [2, с. 85].

Первое время коммуникативный метод отвергался, однако сейчас он снова занимает лидирующие позиции наряду с традиционным грамматико-переводным методом. Большинство преподавателей современных вузов отдают предпочтение именно этим двум методам, причем нередко они используются в комплексе. Прямой метод в высших учебных заведениях применяется крайне редко, отчасти это связано с отсутствием настоящих носителей языка среди преподавателей, а отчасти с тем, что уровень подготовки студентов после школы слишком низок. Аудивизуальный и аудиолингвальный методы в чистом виде не используются вовсе, однако очень многие преподаватели университетов и институтов время от времени проводят занятия, опираясь на такие методы. Это позволяет разнообразить общеобразовательную программу и заинтересовать студентов.

Список литературы:

1. Громова О.А. Аудио-визуальный метод и практика его применения. М., 1977.
2. Домашнев А.И. и др. Методика преподавания английского языка в педагогическом вузе. М., 1983.
3. Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XX вв. / Под ред. М.В. Рахманова. М., 1972.
4. Палмер Г. Устный метод обучения иностранным языкам. М., 1960.
5. Шейлз Д. Коммуникативность в обучении современным языкам. [Совет по Культурному Сотрудничеству. Проект № 12 «Изучение и преподавание современных языков для целей общения».] Совет Европы Пресс, 1995.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОВНЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Кузнецова Наталия Эдуардовна

*старший преподаватель кафедры иностранных языков
Московского государственного университета экономики,
статистики и информатики,
РФ, г. Москва
E-mail: sharethelight@ya.ru*

MODERN METHODS OF DETERMINING THE LEVEL OF ENGLISH

Nataliya Kuznetsova

*senior Lecturer, Department of Moscow State Foreign Languages
University of Economic, Statistics and Informatics,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются различные методики определения уровня английского языка, которые особенно популярны в нынешнее время. Подробно была рассмотрена европейская система уровней английского языка. Именно эта система дает более точную оценку.

ABSTRACT

The article discusses various methods for determining the level of English, which are particularly popular at present. European system of levels of English has been particularly considered. This system provides a more accurate estimation.

Ключевые слова: иностранный язык; английский; уровень английского.

Keywords: foreign language; English level.

Определение уровня английского языка обучаемого — ключевой момент в преподавании. Нередко можно услышать от человека, что он в совершенстве владеет английским языком. Понятие «в совершенстве» не может охарактеризовать знания человека, поэтому, чтобы определить реальный уровень владения языком, человека предлагают проверить при помощи различных методов.

Кроме того, определение уровня владения языком — это именно то, с чего должно начинаться обучение. Однако в настоящее время в школах и учебных заведениях этот пункт пропускают, всем ученикам, независимо от уровня подготовки, читается одинаковый курс. В высших учебных заведениях преподаватели все чаще стараются прибегнуть к методам определения уровня языка, так как это способствует гораздо более продуктивной работе со студентом, нежели проведение занятий по стандартному плану. После определения уровня знаний студентов, преподавателю будет намного проще составить правильную учебную программу, что поможет лучше научить студентов английскому языку. Существует европейская система, которая позволяет преподавателю определить уровень английского языка студентов [1, с. 97].

Европейская система уровней английского языка

Эта система была разработана с целью систематизировать данные о том, что необходимо знать человеку, стремящемуся выучить английский язык.

Особенностью данной системы является то, что в этом проекте было создана единая терминология и система единиц, которые описывают уровни владения английским языком независимо от того, в какой школе, вузе или на каких курсах язык изучается.

Для разработки системы уровней владения языком, были проведены множественные эксперименты в разных странах мира. Специальные методики оценки, на основе которых и были разработаны разделы, опробовались на студентах. После нескольких лет таких проб разработчики пришли к единому мнению о количестве уровней и о методе определения оценки владения каждым из них [2, с. 278].

Введение единой системы оценки уровня знания английского языка делает процесс выставления оценок в процессе учебы более объективным со стороны преподавателей.

Первый уровень владения английским языком — Beginner. Этот уровень присваивают тем, кто совсем не знает языка и никогда ранее его не изучал или же изучал в начальной школе.

Следующий уровень — элементарный. В свою очередь, этот уровень делят еще на два подуровня:

1. Уровень выживания — студент понимает основные выражения и фразы, может представиться или кратко рассказать о себе, может задавать вопросы и участвовать в легких диалогах, знает основные времена и бегло читает.

2. Пред средний уровень — на этом уровне студент может говорить на тему семьи, быта, путешествий, то есть темы, которые

часто встречаются в разговоре. Дойдя до этого этапа, студент уже умеет правильно строить фразы, изучает более сложные времена, ответы и вопросы становятся более длинными и четко поставленными, развернутыми. На данном уровне преподаватель дает более сложные грамматические и лексические задания, учит строить сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. На этом уровне в процессе обучения очень важна языковая практика [5, с. 354].

Третий уровень знания — самостоятельное владение языком. Делится на три подуровня:

1. Средний уровень. На этом этапе студент уже владеет более сложной лексикой. Человек может свободно общаться с носителями языка, читает и переводит длинные тексты. Данный уровень также подразумевает частичное владение сленговой речью, а иногда и научными терминами.

2. Уровень выше среднего. Данный уровень может быть присвоен студентам, которые легко находят общий язык с иностранцами, умеют общаться, понимают практически всю иностранную речь. Словарный запас таких студентов очень широк.

3. Последний уровень, выделенный системой, — уровень свободного владения языком [3, с. 112].

4. Совершенный, или продвинутый уровень. Студент, которому был присвоен этот уровень, способен воспринимать объемные тексты, видеть в них подтекст, скрытый смысл, понимать переносное значение слов. Человек легко может пользоваться английским языком в профессиональной сфере, не требует времени для подбора слов, зачастую мыслит на английском. Этот уровень необходим тем, кто стремится усовершенствовать беглость и использовать язык в профессиональной сфере. Теория на данном этапе не изучается, иногда проводятся упражнения на закрепления результата. В отличие от предыдущего уровня, здесь появляется понимание идиом, гипербол и метафор в языке. На данном уровне студент легко сможет обсуждать такие темы, как экология, промышленность, техника, юриспруденция и прочее.

5. Профессиональный уровень владения. Студент способен говорить спонтанно, речь быстрая, используются разговорные обороты. Может составить выступление или текст, опираясь на несколько письменных источников. Считается, что это уровень носителя языка. Чаще всего его можно встретить у людей, которые родились и выросли в англоязычной стране. Такое знание языка позволит пройти любые собеседования, сдать экзамены любой сложности [7, с. 57].

Определение уровня владения английским языком у студентов

Определения реального уровня знаний является залогом успешного изучения языка. В настоящее время в разных странах мира используются разные тесты для решения этой проблемы. Дело в том, что личная оценка студентом своего уровня не всегда будет объективной, в некоторых случаях студенты, сознательно или нет, присваивают себя более высокий уровень. В этом случае студент не сможет нормально обучаться, так как часть теории и практики отсутствует. Бывает и наоборот, люди присваивают себе более низкий уровень, вследствие чего теряют время на изучение одних и тех же правил и слов.

В настоящее время большинство преподавателей используют метод определения уровня CEFR:

1. KET (Key English test) — тест показывает элементарный уровень владения студентом английским языком.

2. Тест PET (Preliminary English Test) и экзамен BEC (Business English Certificate) Preliminary предназначены для определения пред среднего уровня знаний.

3. Тесты FCE (First Certificate in English), сданные на оценку В/С, PET Level 3, BULATS (Business Language Testing Service), BEC Vantage, TOEIC (Test of English for International Communication), IELTS (International English Language Testing System), сданные на 4,5—5,5 балла, и TOEFL (Test of English as a Foreign Language), сданные высокие баллы — 80—85, предназначены для определения среднего уровня знания языка.

4. Владение уровня языка выше среднего показывает тестирование FCE, сданное на оценку А/В, BEC (Business English Certificate)Vantage или Higher, TOEFL на 100 баллов и IELTS на 5,5—6,5 баллов.

5. Академический экзамен CAE (Cambridge Advanced English), а также IELTS на 7 и TOEFL покажет продвинутый уровень знания. Кстати, сдавая такой экзамен, студент легко сможет поступить в вузы Великобритании и Америки [4, с. 287].

Для перехода с одного уровня на другой студент также должен пройти выше перечисленное тестирование и набрать определенное количество баллов [8, с. 411].

Список литературы:

1. Бертю А.С. (ред.) (1996) «Приобретение де ООН. Бюллетень».
2. Гринберга И., Мартинсоне Дж., Вейсберг А. (1997). Страсбург, Совет Европы.

3. Денес Р.В. и Пинсон Е.Н. (1993) Цепь речи: физика и биология разговорного языка. 2-й. изд. Нью-Йорк, Фримен.
4. Олдерсон Дж.С. (2000) Оценка чтения. Серия Кембридж. Оценка английского языка (ред. Дж.С. Олдерсон и Л.Ф. Бахман). Кембридж.
5. Потье Б, округ Колумбия (1967) Современные языки и мир сегодня. Новые языки в Европе. Страсбург, AIDELEA в сотрудничестве с Советом Европы.
6. Рид Дж. (2000) Оценка словарного запаса. (Кембридж серии языка оценке, ред. Дж.С. Олдерсон и Л.Ф. Бахман). Кембридж, КУБ.
7. Сальгадо Х.А.Ф., Ромеро Н.М. & Могуха М.П. (1993). Страсбург, Совет Европы.
8. Юла Г. (1997) Решение коммуникационных задач Справочные материалы.

МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ БРИТАНСКОГО АНГЛИЙСКОГО

Кузнецова Наталия Эдуардовна

*старший преподаватель кафедры иностранных языков
Московского государственного университета экономики,
статистики и информатики,
РФ, г. Москва
E-mail: sharethelight@ya.ru*

MODERN METHODS OF STUDYING BRITISH ENGLISH

Nataliya Kuznetsova

*senior Lecturer, Department of Moscow State Foreign Languages
University of Economic, Statistics and Informatics,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются различные методы изучения британского английского языка, которые сейчас особенно актуальны. Были рассмотрены не только классический и коммуникативный метод изучения британского английского, но и другие. Для успешного

овладения британским английским целесообразно использовать комплекс методов.

ABSTRACT

The article discusses various methods of studying British English which are especially relevant now. Not only classic and communicative method of learning British English were considered, but also others. To successfully master British English it is advisable to use a range of methods.

Ключевые слова: британский английский; уровень.

Keywords: British English; level.

В первую очередь стоит отметить, что будущие студенты на должны поддаваться на заманчивые общения быстро и качественно выучить английский язык по новой методике. Существует ряд проверенных опытным путем методов, которые доказали свою эффективность.

Если говорить в общем, то существует две основных парадигмы, части которой и называются методами изучения британского языка. Однако называть эти части парадигмы методами не совсем правильно, так как это скорее средства определенного типа изучения британского английского языка.

Первая парадигма — академическая — содержит в себе такие средства:

1. Ограничение вариативности.
2. Соблюдение языковой нормы.
3. Не допускаются ошибки в грамматике или лексике.
4. Структурное усвоение материала.

К академической парадигме можно отнести такие методы изучения, как грамматико-переводной, классический метод изучения.

Вторая парадигма, натуралистическая, содержит в себе такие средства:

1. Возможность допускать ошибки.
2. Множество вариантов обучения.
3. Соблюдение речевых норм.
4. Функциональное усвоение материала.

К данной парадигме относятся такие методы изучения британского языка, как прямой и коммуникативный.

Какие современные методы изучения британского английского наиболее эффективны?

Рассмотрим наиболее распространенные методы изучения, которые дают наилучший эффект.

Классический метод изучения

В Советском Союзе изучение английского языка велось скорее для общего развития, так как за границу граждане попасть не могли. Тексты в учебниках для студентов были сплошь о коммунизме и социализме, а героями повествования становились колхозники и ударники труда. Следовательно, пройдя курс такого английского языка, студент мог свободно говорить только на вышеперечисленные темы.

И тогда и сейчас основным методом для изучения британского английского языка был классический метод. В соответствии с ним, основной акцент делается на изучение правил грамматики. Это четко структурированная методика, в которой существует система определенных грамматических формул. Именно на них и основывается возможность свободного оперирования предложениями.

Суть методики состоит в том, что под каждое правило подбирается несколько однотипных упражнений и предложений для наглядной демонстрации правила. Обычно обучение ведется на родном языке студентов, а наиболее распространенное задание — перевод текстов.

Недостатком методики можно назвать то, что она заставляет студентов следовать одной структуре занятий, а искусственно созданные упражнения не могут сформировать понимание языка.

Первым учебником, который существенно отличался от других советских книг по английскому, стал двухтомник Натальи Бонк. В учебнике не была представлена какая-то новая методика обучения, он был составлен по грамматико-переводному, классическому методу. Однако особенностью постулата стало новое построение занятий. Авторы двухтомника составили немного другую структуру занятий, предложили множество разнообразных упражнений на знание грамматики и лексики, что сделало процесс обучения более интересным, а результаты — более эффективными. Курс изучения языка по учебнику Бонк рассчитан на 2 года регулярных занятий, так как традиционный метод изучения всегда считался долгим путем к свободному владению английским [1, с. 24—47].

Коммуникативная методика

Другой распространенный метод — коммуникативная методика изучения британского языка. Этот метод появился позже, но сегодня является одним из наиболее популярных. Предпосылкой для создания подобного метода стала психологическая методика Лозанова, который

смог доказать, что применяя некоторые психические приемы, можно изучить английский язык за 24 дня. Разработкой такой системы занялись Галина Китайгородская и Игорь Шехтер. Изначально коммуникативный метод подразумевал изучение только фонетической и лексической части языка, грамматику не изучали вовсе. Акцент делался на разговорную часть, участие в диалогах. Позже на занятиях все же появилась грамматика, но изучение ее занимало всего пару занятий за весь семестр [3, с. 381].

Современный коммуникативный метод изучения британского языка подразумевает собой создание ситуаций, наиболее близких к реальной жизни. Самостоятельно выучить язык с помощью данного метода нельзя, так как здесь самая важная роль отводится преподавателю, задачей которого является интересное проведение занятий, а также вовлечение в них всех студентов в аудитории.

Коммуникативный метод подразумевает, что в процессе обучения будет звучать только британский английский язык. Все объяснения ведутся на английском. Многие преподаватели уже перешли на обучение студентов с помощью такого метода. Однако и данная методика не лишена недостатков. Это, в первую очередь, плохое знание грамматики. Кроме того, существенным недостатком коммуникативного метода можно считать и зачастую неправильную речь студентов, так как строя фразы и предложения, они опираются не на правила грамматики, а на интуицию [5, с. 226].

Аудиолингвальный и аудиовизуальный методы

С развитием техники в образовательную сферу пришли такие методы, как аудиовизуальный и аудиолингвальный. Оба они подразумевают обучение при помощи аудионосителей и видеозаписей на английском языке. Такая методика очень однообразна, так как все занятия проходят по одинаковому плану. Кроме того, этот метод не дает полного понимания языка, здесь студент может изучить только лексическую часть. Именно поэтому данные методы не имеют такой популярности, как предыдущие, однако они нередко используются в качестве элементов других методик. То есть преподаватели проводят единичные занятия в соответствии с аудио методами [2, с. 357].

Другие методы изучения языка

Помимо перечисленных, существует и несколько менее распространенных методов для изучения британского языка. Это метод молчания, метод погружения, метод реагирования, а также более современные методики – изучение языка с героями фильмов, при помощи литературы, видеороликов и песен.

Метод молчания подразумевает собой необычные занятия, так как преподаватель общается со студентами преимущественно при помощи карточек, обозначающих слово или звук. Эта методика хороша только на первых этапах изучения, впоследствии она использоваться не будет.

Метод реагирования — здесь преподавание ведется наоборот, молчит студент, а не преподаватель. То есть преподаватель может называть предметы или глаголы, а студент должен молча выполнять задания.

Метод погружения — наиболее творческий метод изучения английского британского языка. Здесь студент должен придумать себе персонажа, его историю жизни, имя, деятельность. Общение ведется от имени вымышленного лица. Это психологический метод, он позволяет снять барьер незнания и дискомфорта при обучении.

Все эти методы имеют право на существование в образовательной сфере, но ни один из них не в состоянии научить хорошему владению британским языком. Они охватывают только некоторые составляющие языка в целом, поэтому не дадут ни полного понимания, ни полного владения. Однако каждый из методов очень хорош в качестве одноразового занятия, так как разнообразие всегда хорошо влияет на интерес студентов. Поэтому использовать элементы вышеперечисленных методик рекомендуется всем преподавателям, независимо от выбранного ими основного метода работы.

Список литературы:

1. Бонк Н.А., Котий Г.А., Лукьянова Н.А. Учебник английского в двух частях. М., 2001.
2. Громова О.А. Аудио-визуальный метод и практика его применения. М., 1977.
3. Китайгородская Г.А. Английская речь. М., 2000.
4. Лapidус Б.А., Томас Дж. Гарза, Breakthrough! American English for Speakers of Russian, МГЛУ и Техасский университет, изд. ACCELS, 1999.
5. Шейлз Д. Коммуникативность в обучении современным языкам. [Совет по Культурному Сотрудничеству. Проект № 12 «Изучение и преподавание современных языков для целей общения».] Совет Европы Пресс, 1995.

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ
ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
В РАССКАЗАХ А. КОНАН ДОЙЛЯ
О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ**

Петер Ирина Георгиевна

*преподаватель кафедры лингвистики,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет),
филиал в г. Озёрске Челябинской области,
РФ, г. Озёрск
E-mail: irpeter@mail.ru*

Федорова Мария Сергеевна

*студент 5 курса кафедры лингвистики,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет),
филиал в г. Озёрске Челябинской области,
РФ, г. Озёрск
E-mail: mary_rabbit@bk.ru*

SEMANTIC REPRESENTATION OF MOTION VERBS IN THE STORIES BY CONAN DOYLE ABOUT SHERLOCK HOLMES

Peter Irina

*lecturer of the department of linguistics of Federal State Budget
Educational Establishment of Higher Professional Education
“South-Ural State University” (National Research University),
branch in Ozersk, Chelaybinsk region,
Russia, Ozersk*

Fedorova Maria

*student of the 5th course year of the linguistics department,
Federal State Budget Educational Establishment of Higher Professional
Education “South-Ural State University” (National Research University),
branch in Ozersk, Chelaybinsk region,
Russia, Ozersk*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена описанию семантических классов английских глаголов движения в рассказах Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе. Наиболее представленным в названном тексте является класс «Движение в соотношении с объектом». Глаголы данного класса помогают автору описать конкретную ситуацию в динамике, способствуют развитию детективной интриги, делают рассказ ярким и запоминающимся.

ABSTRACT

This article describes the semantic classes of Russian verbs of motion in the stories of Arthur Conan Doyle's Sherlock Holmes. Most text shown in the named class is "Movement in relation to the object." Verbs of this class helps authors describe the specific situation in the dynamics contribute to the development of detective intrigue, make the story vivid and memorable.

Ключевые слова: семантика; глагол; движение; класс; группа; сема.

Keywords: semantics; verb; motion; class; group; seme.

Глаголы движения неоднократно служили объектом научных исследований. Мы имеем в виду, например, работы С.П. Правед-

никова, З.Г. Шайхисламовой, М.В. Ерзенкиной, О.Ю. Потаниной и других.

Глаголы движения — это система, имеющая набор специфических свойств семантического характера. Данная статья посвящена описанию семантических классов глаголов движения в английском языке [1].

Материалом нашего исследования послужила авторская картотека, насчитывающая 28 английских глаголов движения в 1178 употреблениях, собранная методом сплошной выборки из рассказов Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе: «Скандал в Богемии», «Союз рыжих», «Установление личности», «Тайна Боскомской долины», «Пять зернышек апельсина», «Человек с рассеченной губой», «Голубой карбункул», «Пестрая лента», «Палец инженера», «Знатный холостяк», «Берилловая диадема», «Медные буки».

Проведенный анализ материала нашей картотеки позволил разделить английские глаголы движения на четыре семантических класса («Соотношение с объектом», «Направление движения», «Качество и способ движения», «Соотношение со средой»), каждый из которых содержит свои группы.

В детективных рассказах Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе наиболее представленным является семантический класс «Движение в соотношении с объектом» (696 употреблений, 59 % от собранного материала). Анализ картотеки позволил выделить две семантические группы: 1) «Движение относительно неподвижного объекта»; 2) «Движение относительно движущегося объекта».

Среди единиц первой группы выделяются две подгруппы. К первой из них относятся глаголы с семой 'удаление от объекта': ***to step from, to depart, to pass.***

“She watched us with a sardonic eye as we ***stepped from*** the brougham” -Она смотрела на нас с усмешкой, пока мы ***выходили*** из экипажа (Arthur Conan Doyle “A Scandal in Bohemia” — Артур Конан Дойль «Скандал в Богемии»).

В данном предложении глагол ***«stepped from — выходили»*** указывает на то, что главные герои Холмс и Ватсон постепенно удалялись от экипажа.

“I sent John, the coachman, to watch you, ran upstairs, got into my walking-clothes, as I call them, and came down just as you ***departed***” — Я послала кучера Джона следить за вами, затем побежала наверх, надела свой так называемый костюм для прогулок и спустилась вниз

в тот момент, когда вы **уходили** (Arthur Conan Doyle “A Scandal in Bohemia” — Артур Конан Дойль «Скандал в Богемии»).

В приведенной цитате употреблен глагол движения «**departed** — **уходили**» с целью указания на то, что Шерлок Холмс покидал дом Ирэн Адлер.

Ко второй подгруппе относятся глаголы с семой 'достижение объекта': **to come, to reach, to get**.

“I started from home before six, reached Leatherhead at twenty past, and **came** in by the first train to Waterloo” — Я покинула дом около шести часов, добралась до Лестерхед за двадцать минут и **приехала** первым поездом в Ватерлоо (Arthur Conan Doyle “The Speckled Band” — Артур Конан Дойль «Пестрая лента»).

В приведенном примере употреблен глагол «**came** — **приехала**» для указания того, что героиня Элен Стоунер достигает объекта (вокзала).

Ко второй группе семантического класса «Движение в соотношении с объектом» можно отнести глаголы с семой 'следование за объектом': **to run for, to follow**.

“I was just balancing whether I should **run for** it, or whether I should perch behind her landau when a cab came through the street” — Только я начал думать, следует ли мне **бежать за** ней или зацепиться за ландо, как вдруг на улице показался кэб (Arthur Conan Doyle “A Scandal in Bohemia” — А. Конан Дойль «Скандал в Богемии»).

В данном предложении глагол «**run for** — **бежать за**» показывает, что главный герой Шерлок Холмс мог бы преследовать Ирэн Адлер бегом, но ему помешали.

Второй класс «Направление движения» представлен 372 употреблением глаголов движения (31 % от собранного материала). Глаголы данного класса представлены тремя семантическими группами: 1) «Однонаправленное движение»; 2) «Двунаправленное движение»; 3) «Многонаправленное движение».

Проведенный анализ глаголов первой семантической группы позволил выделить две подгруппы. Среди сем глаголов первой подгруппы выделяется сема 'движение по вертикали': **to fall, to sit, to rise**.

“I ran to her and threw my arms round her, but at that moment her knees seemed to give way and she **fell to** the ground” — Я подбежала к ней и обняла, но в этот момент ее ноги подкосились и она **упала** наземь (Arthur Conan Doyle “The Speckled Band” — Артур Конан Дойль «Пестрая лента»).

Глагол *«fell to — упала»* указывает на движение тела героини Джулии по вертикальному направлению вниз к земле.

Единицы второй подгруппы объединены семой 'движение по горизонтали': *to run, to drive*.

“As he *ran* he jerked his hands up and down, waggled his head, and writhed his face into the most extraordinary contortions” — Пока он *бежал*, он то и дело размахивал руками, вертел головой, а его лицо искажалось от гримас (Arthur Conan Doyle “The Beryl Coronet” — Артур Конан Дойль «Берилловая диадема»).

В приведенной цитате употреблен глагол *«ran — бежал»* с целью указания на то, что герой Александр Холдер двигался (бегом) по горизонтальному направлению к дому Шерлока Холмса.

Во второй семантической группе глаголы движения объединены семой 'изменение направления движения': *to walk, to turn, to return*.

“We had *walked* several times up and down the lawn, neither Miss Stoner nor myself liking to break in upon his thoughts before he roused himself from his reverie” — Мы *расхаживали взад и вперед* некоторое время, и ни я, ни Мисс Стоунер не прерывали ход его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости (Arthur Conan Doyle “The Speckled Band” — Артур Конан Дойль «Пестрая лента»).

В данной цитате автор использует глагол *«расхаживали»* с наречиями *«взад», «вперед»*, чтобы показать изменение направления движения героев Ватсона и Мисс Стоунер, которые двигались то вперед, то назад.

К третьей семантической группе мы отнесли единицы с семой 'движение по кругу': *to walk round*.

“I *walked round* it and examined it closely from every point of view, but without noting anything else of interest” — Я *обошел* его и изучил каждый уголок, но ничего интересного не обнаружил (Arthur Conan Doyle “A Scandal in Bohemia” — Артур Конан Дойль «Скандал в Богемии»).

В приведенной цитате глагол движения *«walked — обошел»* указывает на то, что Шерлок Холмс двигался вокруг сарая.

Третий класс глаголов движения «Качество и способ движения» по данным анализа картотеки включает 80 употреблениями (7 % от собранного материала) глаголов движения. Проведенный анализ показал, что он представлен двумя семантическими группами: 1) «Темп перемещения»; 2) «Затраченные усилия».

В первой группе выделяются две подгруппы. Глаголы движения первой из них объединяет сема 'быстрое движение': *to dash, to rush*.

“Holmes *dashed* into the crowd to protect the lady; but just as he reached her he gave a cry and dropped to the ground, with the blood running freely down his face” — Холмс *пинулся* в толпу, чтобы защитить даму, но, приблизившись к ней, он вскрикнул и упал наземь, а по его лицу стекала кровь (Arthur Conan Doyle “A Scandal in Bohemia” — Артур Конан Дойль «Скандал в Богемии»).

Использованный глагол «*dashed - пинулся*» показывает, что главный герой быстро/молниеносно устремился в толпу.

Употребленные единицы второй подгруппы объединены семой 'медленное движение': *to lounge, to wander*.

“I then *lounge*d down the street and found, as I expected, that there was a mews in a lane which runs down by one wall of the garden” — Затем я *нобрел* вдоль улицы, и, как я и ожидал, в переулке, примыкающем к стене сада, была конюшня (Arthur Conan Doyle “A Scandal in Bohemia” — Артур Конан Дойль «Скандал в Богемии»).

В данном случае «*lounge — nobрел*» — глагол, указывающий на то, что главный герой двигался медленно, без спешки.

Во второй семантической группе класса «Качество и способ движения» мы выделили две подгруппы. Глаголы движения первой из них объединяет сема 'легко совершаемое движение': *to slip out, to jump*.

“I *slipped out*, put on my things, and followed him” (Я *выскользнула* (из столовой), оделась и пошла за ним (Arthur Conan Doyle “The Noble Bachelor” — Артур Конан Дойль «Знатный Холостяк»).

Глагол движения «*slipped out — выскользнула*» указывает на то, что движение совершилось с легкостью, без труда.

Сема единиц второй подгруппы — 'движение, совершаемое с трудом': *to stagger*.

“Our visitor *staggered* to his feet and clutched the mantelpiece with his right hand” — Наш гость *с трудом поднялся* на ноги и ухватился правой рукой за каминную полку (Arthur Conan Doyle “The Blue Carbuncle” — Артур Конан Дойль «Голубой карбункул»).

В данном примере глагол «*staggered — поднялся*» употреблен с существительным «*с трудом*», что показывает, что герой Райдер двигался медленно, затрачивая большие усилия, чтобы подняться на ноги.

Самый малочисленный класс глаголов движения «Соотношение со средой» составляет 30 употреблений (3 % картотеки). Материал картотеки показал, что в данном классе выделяются две групповые семы: 1) 'движение по земле': *to walk, to drive*; 2) 'движение по воде': *to swim*.

“Holmes *walked* slowly up and down the ill-trimmed lawn and examined with deep attention the outsides of the windows” — Холмс медленно *расхаживал* по неочищенной лужайке и внимательно изучал окна (Arthur Conan Doyle “The Speckled Band” — Артур Конан Дойль «Пестрая лента»).

Глагол «*walked - расхаживал*» в приведенной цитате обозначает движение (пешком) главного героя по земле.

“I shall *drive* out in the park at five as usual” — Я *поеду* в парк в пять часов, как обычно (Arthur Conan Doyle “A Scandal in Bohemia” — Артур Конан Дойль «Скандал в Богемии»).

В отличие от глагола «*walked — расхаживал*» из приведенной выше цитаты, глагол «*drive — поеду*» указывает на движение героини Ирэн Адлер в экипаже, но также по земле.

“He would seize the coat, then, and be in the act of throwing it out, when it would occur to him that it would *swim* and not sink” — Он берет пальто, но перед тем, как его выкинуть, ему в голову приходит мысль, что он *поплывет*, а не утонет.

(Arthur Conan Doyle “The Man with the Twisted Lip” — Артур Конан Дойль «Человек с рассеченной губой»).

В данном случае глагол «*swim — поплывет*» применен автором с целью указания на движение предмета по воде.

Таким образом, в детективных рассказах Артура Конан Дойля из четырех выше представленных семантических классов наиболее представленным является класс «Движение в соотношении с объектом» (696 употреблений, 59 % от собранного материала). Глаголы данного класса придают тексту яркую стилистическую окраску, помогают автору более четко и выразительно описать ситуацию, что позволяет рассказам произвести положительное впечатление на читателя и надолго запечатлеться в его памяти.

Список литературы:

1. Аверина М.А. Семантическая организация глаголов движения в зеркале перевода (на материале рассказа Артура Конан Дойля «Скандал в Богемии») / М.А. Аверина, М.С. Федорова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2013. — № 24. — С. 19—24.
2. Ерзенкина М.В. Система семантических признаков глаголов движения с германскими корнями в английском языке/ М.В. Ерзенкина: Вестник ТГУ, — выпуск 1(69) — 2009. — С. 41—45.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ КАУЗАЛЬНОСТИ В ВИДЕОВЕРБАЛЬНЫХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ

Христофорова Наталья Игоревна

*канд. филол. наук, доцент кафедры И-05 «Иностранные языки»,
факультет иностранных языков
Московского авиационного института,
РФ, г. Москва*

E-mail: n_khristoforova@mail.ru

REPRESENTATION OF CAUSALITY CATEGORY IN VIDEO-VERBAL POPULAR SCIENTIFIC TEXTS

Khristoforova Natalia Igorevna

*candidate of Philological Sciences, lecturer of I-05 "Foreign languages",
Foreign Languages Department of Moscow Aviation Institute,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Категория каузальности является одной из основных категорий, присутствующих в видеовербальном научно-популярном тексте. Независимо от места публикации текста (газета, журнал или энциклопедия), данная категория находит выражение как в его вербальной, так и невербальной составляющих и способствует повышению эффективности воздействия на читателя в направлении, желательном для автора текста. Она является как средством формирования оценки читателем предложенной ему информации, так и средством побуждения читателя к выполнению каких-либо действий.

ABSTRACT

Causality category is one of the main categories preset in video-verbal popular scientific texts. Regardless of text publication place (newspaper, magazine or encyclopaedia), this category finds expression as in its verbal as in non-verbal component and provides rising efficiency of influence on reader in the way desirable by the text author. It is also both a means of reader's appraisal formation of the given information and a means of reader's provocation to some activity.

Ключевые слова: научно-популярный текст; каузальность.

Keywords: popular scientific text; causality.

Исследование отношений каузальности в языке интересно в связи с тем, что в языковой структуре причинно-следственные конструкции репрезентируют наиболее важную и распространённую функционально-семантическую категорию, отражающую взаимосвязь и обусловленность процессов и явлений объективной действительности.

В настоящее время среди исследователей не существует единого мнения по поводу того, что представляет собой функционально-семантическая категория каузальности, что находит выражение в двух её трактовках — узкой и широкой.

В рамках узкой трактовки каузальность — это выражение глаголом воздействия на лицо или предмет, в результате которого ими совершается действие или изменяется состояние [см. 6; 1]. Широкая трактовка этого явления основывается на понимании каузальности как выражения причинно-следственных отношений между двумя состояниями [7].

Каузальные отношения устанавливаются между двумя пропозициями — каузативом (причиной) и консекутивом (следствием), которым на экстралингвистическом уровне соответствуют определённые типовые ситуации, трактуемые как событие [5].

Следовательно, в первую очередь содержание понятия «каузальность» должны составить такие типичные для него признаки, как причинность (каузативность) и следственность (консекутивность).

Каузативность в таком случае предстаёт как процесс причинения или вызывания какого-либо признака со стороны активного субъекта.

Консекутивность выражает зависимость, обусловленность появления данного признака действием активного субъекта.

Итак, значимая категориальная ситуация каузальности предполагает связь двух фактов (предметов, событий, явлений) и осознание этой связи наблюдателем, то есть автором текста, привлекающим к ней внимание читателя.

Ситуация, в которой задействуются перечисленные компоненты, становится значимой при том условии, что связь двух фактов оценивается наблюдателем как информационная: важным оказывается не просто наличие двух фактов и связь между ними, а то, что для наблюдателя один факт сигнализирует о другом в силу известной наблюдателю связи между ними. В значимой ситуации один факт нужен для того, чтобы настроить сознание наблюдателя на другой [4], что и наблюдается в научно-популярном тексте,

создаваемом автором с целью привлечь внимание читателя к какому-либо единичному факту или явлению или целой группе фактов или явлений.

Каузативные конструкции отражают «ситуации, в которых одно лицо...побуждает другое лицо выполнить определённые действия или каузирует изменение в мнении, настроении, намерениях слушающего» [2, с. 302], а при чтении текста — читателя. Специфика данных конструкций заключается в том, что все актаны текста выполняют двойственную функцию: автор текста выступает как каузатор какого-либо действия (кроме того, в тексте выражается его позиция по отношению к каузируемому действию), адресат текста (читатель) является автором каузируемого действия, а содержание текста указывает на каузируемое поведение читателя. Таким образом, глаголы, указывающие на обстоятельства причины, должны иметь достаточно широкую семантическую палитру — от просьбы до приговора, однако, следует учесть, что задача автора научно-популярного текста состоит в изложении научно-технической информации в доступной форме. При этом обязательно должно происходить формирование позиции читателя по отношению к этой информации таким образом, чтобы читатель воспринял предложенную ему точку зрения как свою собственную, а для этого необходимо каузировать поведение читателя в достаточно «мягкой» форме — как совет или пожелание. Кроме того, следует отметить, что формирование автором позиции читателя происходит чаще всего с помощью каузации психического состояния, с помощью высказывания предположений, о правильности которых предлагается судить читателю:

Was fraßen die Mammuts und anderen großen Pflanzenfresser der Eiszeit? Die Antwort auf diese Frage lautete bisher schlicht: Gras. Denn Gräser dominieren auch heute noch die Steppen und Tundren des hohen Nordens. Aber das Bild einer grasreichen "Mammutsteppe" ist ein Mythos, wie ein internationales Forscherteam jetzt belegt. Ihre DNA-Analysen fossiler Pflanzenreste belegen: Vor und während der Eiszeit wuchsen vorwiegend krautige Blütenpflanzen auf den Ebenen des Nordens, darunter Wegerich, Schafgarbe und Beifuß. Gräser waren dagegen eher Mangelware [12].

Wenn Vogelschwärme über den Himmel ziehen, scheint es, als hätte eines der Tiere das Kommando. Doch in Wahrheit organisiert der Schwarm sich selbst [9].

Delfine, so scheint es, sind kluge Gesellen. Doch erst seit wenigen Jahren werden die Fähigkeiten der Tiere systematisch untersucht. Das ist

nicht einfach, denn die Intelligenz eines Lebewesens ist immer von dessen Lebensumgebung abhängig, und diese unterscheidet sich bei Delfinen deutlich von der menschlichen. Dennoch können Wissenschaftler aus dem Verhalten, der Lernfähigkeit und auch der Anatomie des Gehirns Rückschlüsse auf die kognitiven Fähigkeiten ziehen.

Die Resultate sind so verblüffend, dass Luis Herman, Professor an der University of Hawaii in Manoa, der über Jahrzehnte mit Delfinen gearbeitet hat, sie als „Cousins der Menschenaffen“ bezeichnet. Andere Forscher wie Diana Reiss und der Philosoph Thomas White, Direktor des Center for Ethics and Business an der Loyola Marymount University in Los Angeles, sind von der hohen Intelligenz der Meeresbewohner so überzeugt, dass sie sogar darüber nachdenken, ihnen den Status von Personen zuzuschreiben — und sie damit in gewissem Sinne auf eine Stufe mit dem Menschen zu heben [10].

Кроме того, точка зрения читателя формируется и путём приглашения его к размышлению после прочтения текста. Часто такие «приглашения» присутствуют в конце текста, их можно рассматривать в качестве подведения итога изложенной информации и косвенного указания на то, что проблема, рассмотренная в тексте, остаётся ещё до конца не решённой:

Wir sehen das Zentrum unserer Milchstrasse als Momentaufnahme eines Vorgangs, der sich vermutlich etwa alle Milliarden Jahre wiederholt.

Aber auch diese Momentaufnahme eines Vorgangs enthüllt Details, die wir in entfernten Galaxienkernen nie werden beobachten können [14]

Von den charmanten Samtpfoten lassen sich viele Menschen das offenbar bereitwillig gefallen: Über acht Millionen Miezzen bevölkern die deutschen Haushalte. Damit ist die Katze das häufigste Haustier, weit vor den etwa fünf Millionen Hunden. Allerdings: Die genannten Verhaltensstudien scheinen die Einschätzung mancher Menschen zu bestätigen, dass Katzen nutzlos und berechnend sind. Ist der Stubentiger am Ende nur ein Schmarotzer? „Keineswegs“, sagt Dennis Turner. „Die Katze ist für viele Menschen eine wichtige Quelle der Lebensqualität.“ Sie lindert Stress und nützt damit sogar nachweislich der Gesundheit. Aspekte einer uns verwandten Intelligenz in ihr zu entdecken, ist Teil der Faszination, die von diesem erstaunlichen Lebewesen ausgeht [13].

Stadler und seine Mitstreiter sind davon überzeugt, dass viele mögliche Anwendungen für Peptid-Chips noch gar nicht verwirklicht wurden, weil deren Einsatz bislang zu teuer war. Ihre Vision ist es, dass Kliniken eines Tages nur noch einen Chip aus der Schublade ziehen müssen, wenn ein Patient zum Beispiel krank von einer Reise in die Tropen zurückkommt. „Dann könnte man aus einem Tropfen Blut Hunderte

verschiedener Tropenkrankheiten gleichzeitig überprüfen, weil für jede Krankheit entsprechende Peptid-Marker auf dem Chip sind“, ist Stadlers Vision. Doch bis dahin sei noch viel Forschungsarbeit nötig. Sein Kollege Ralf Bischoff fürchtet, dass solche Szenarien Angst vor dem gläsernen Patienten schüren könnten. Doch diese Bedenken teilt Stadler nicht. Bei der DNA-Technologie sei das verständlich, weil dabei das potenzielle Krankheitsrisiko eines Patienten erkennbar sei. Vor dem Einsatz von Peptid-Chips dagegen sei der Patient ja bereits krank – und es gehe darum, möglichst genau zu erkennen, was ihm fehlt. „Es gibt viele Menschen, die aufgrund fehlerhafter Diagnosen nicht richtig therapiert werden“, sagt Stadler. „Wir wollen mit unserer Technologie dazu beitragen, dass Diagnosen sicher sind.“ [11].

Для каузации психологического состояния читателя и приглашения его к дальнейшим размышлениям по обозначенной в тексте проблеме автор научно-популярного текста может задействовать глаголы следующей семантики:

1. совета, рекомендации — raten, empfehlen, beraten;
2. каузации психического состояния — staunen, bedauern, streiten, hoffen, klagen;
3. приглашения — auffordern, einladen, rufen, herausfordern;
4. допущения — annehmen, vermuten;
5. просьбы — bitten, sich wenden, anfragen;
6. совета, рекомендации — raten, empfehlen, beraten;
7. предложения — vorschlagen, anbieten, vorlegen;
8. предостережения — warnen.

Исследователь Неद्याлков [3, с. 178] пишет о высокой частотности употребления служебного глагола «lassen» как средства каузирования, однако, в ходе настоящего исследования было выявлено ограниченное количество случаев такого употребления данного глагола. Низкая степень употребления глагола «lassen» в научно-популярных текстах указывает на стоящую перед авторами текстов данного типа задачу скрытого, имплицитного формирования мнения читателя таким образом, чтобы читатель считал, что оно появилось у него без какого-либо воздействия со стороны. Кроме того, выявленные случаи употребления указанного глагола относятся не непосредственно к читателю, а к действующим лицам или предметам рассмотрения текста:

Diese aggressiven Substanzen (freie Radikale) schädigen unter anderem die Substanz DNA und die Blutgefäße, sie fördern die Entstehung von Krebs und lassen den Körper altern [15].

Daraus lässt sich aus physikalischen Gründen schliessen, dass Haftungs- oder Reibungskräfte der Unterlage für das Wendemanöver des Kreisels nötig sind [15].

При рассмотрении различных типов видеовербальных научно-популярных текстов было выявлено, что наибольшим разнообразием проявлений категории каузальности обладают статьи специализированного научно-популярного журнала “Bild der Wissenschaft”, наименьшим — статьи энциклопедии Meyers neues Lexicon”и “Meyers Grosses Universallexicon”. Средней степенью проявления каузальности обладают газетные видеовербальные научно-популярные тексты.

Данные утверждения могут рассмотрены на примере видеовербальных научно-популярных текстов из разных изданий.

Рассмотрим текст “Der Kosmos — ein einziges Labor” [16], опубликованный под рубрикой “UMWELT-WISSENSCHAFT-TECHNIK”, рассказывающий об исследовании свойств материи. Приглашение читателя к чтению и, одновременно, рекомендация по формированию собственной точки зрения каузируются автором сначала при помощи двух цветных иллюстраций, расположенных перед вербальной частью текста: на них изображена репродукция всемирно известного портрета красавицы Моны Лизы Джоконды работы Леонардо да Винчи — первый раз так, как её видят зрители уже на протяжении нескольких столетий, а второй раз — в новом, необычном ракурсе, каком именно, явствует из достаточно экспрессивной подписи, в которой используется различный шрифт:

EINE SCHÖNHEIT ist Mona Lisa nicht mehr, wenn sie durch eine Gravitationslinse gesehen wird.

Присутствует здесь и пояснение, также провоцирующее в читателе потребность в получении информации:

Mit freundlicher Genehmigung von L. da Vinci und X. Bartelmann. — над этими изображениями работали двое — художник и физик. Невольно возникает вопрос: «Почему это физику понадобилось заниматься этим портретом?»

К чтению текста «приглашают» подзаголовок текста и заголовки подразделов, выполненные шрифтом, отличным от основной части текста:

“Vom Urknall zur Milchstrasse: Das Universum gibt Auskunft über Eigenschaften der Materie/Ersatz für teure Beschleuniger”; Blinkende Sterne; Energiegiganten; Materie, die nicht leuchtet; Einsteins Brille.

В нижней части текста расположена схема с пояснениями и следующей подписью:

GALAXIENHAUFEN dienen als natürliche Teleskope für weit entfernte Objekte.

В первой части подписи происходит постановка проблемы, приглашение читателя к размышлению, обсуждению, формированию собственной точки зрения. Вторая часть подписи представляет собой конкретизацию ситуации — какой именно аспект этого явления рассматривается в тексте.

В тексте присутствуют случаи каузации с семантикой психического состояния удивления, что объясняется предметом рассмотрения — пульсарами, знания о которых доступны ограниченному кругу специалистов:

20 Jahre lang beobachteten John Taylor und Russel Hulse den Binärpulsar, wofür sie 1993 mit dem Physik-Nobelpreis belohnt wurden. In dieser Zeit konnten sie unter anderem messen, wie sich die Bahnperiode durch relativistische Effekte verkürzt: 76 millionstel Sekunden pro Jahr, was genau den theoretischen Vorhersagen entspricht. Dieses sehr genaue Ergebnis war der erste Hinweis auf Gravitationswellen, die Einstein bereits vorhergesagt hatte.

Текст завершает рекомендация посетить сайты в интернете, где можно получить дальнейшую информацию по проблеме, рассматриваемой в тексте — каузируется не только возможность дальнейшего размышления над изложенной информацией, но и стремление к получению дополнительной информации, причём даётся пояснение, где можно найти информацию специально по рассмотренному в тексте вопросу:

Informationen zur Kosmologie:

www.mpa-garching.mpg.de

www.mpa-garching.mpg.de/~msb

(insbesondere Gravitationslinsen).

При рассмотрении видеовербальных научно-популярных энциклопедических текстов были выявлены случаи каузации с семантикой предложения и рекомендации. При этом информация с семантикой рекомендации помещается после основного текста статьи — указывается источник информации, на основе которой написана статья. В основной части текста присутствует каузация с семантикой предложения — читателю предлагается изучить изложенную в тексте информацию (прочитать текст). При этом рекомендации к прочтению текстов выражаются как вербальными, так и невербальными средствами. В рамках категории каузальности автором текста выявляются условия изменения точки зрения читателя на рассмат-

риваемую в тексте проблему и происходит побуждение читателя к совершенно им каких-либо действий.

Список литературы:

1. Басс Э.М. Парадигматические и синтагматические связи каузальных глаголов (на материале научной прозы)//Иностранные языки для научных работников. Теория и практика преподавания. М., 1978. — С. 167—185.
2. Межкатегориальные связи в грамматике. Отв. ред. А.В. Бондарко. РАН. Институт лингвистических исследований. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 1996, — с. 302.
3. Недялков В.П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Ленинград, Наука, 1971, — с. 178.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие. М., Высшая школа, 1988, — с. 14.
5. Полуян И.В. Каузальная модель прост. предл., АКД. М., 1971, — с. 5.
6. Почепцов Г.Г. Синтагматика английского слова. Киев, 1976.
7. Сильницкий Г.Г. Семантические и валентностные классы английских каузативн. глаголов: Автор. д. д-ра филол. наук. Л., 1974.
8. Халина Н.В. Трансцендентный детерминизм как форма языкового самоосуществления человека: языковой материализм и языковой реализм, или физический и трансцендентный типы детерминизма//Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998, — с. 174.
9. Haddock, Eitan (Fotos) und Mattioli, Sandro (Text) Die unbekanntenen Flugobjekte. Bild der Wissenschaft. 2009. Ausgabe 3. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.bild-der-wissenschaft.de/bdw/bdwlive/heftarchiv/index2.php?object_id=31777238 (дата обращения: 15.03.2009 г.).
10. Krämer, Tanja. Sie rufen sich beim Namen. Bild der Wissenschaft. 2010. Ausgabe 12. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.bild-der-wissenschaft.de/bdw/bdwlive/heftarchiv/index2.php?object_id=32453034 (дата обращения: 28.12.2010 г.).
11. Markus Strehlitz. Doktor Chip. Bild der Wissenschaft. 2010. Ausgabe 12. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.bild-der-wissenschaft.de/bdw/bdwlive/heftarchiv/index2.php?object_id=32406280 (дата обращения: 28.12.2010 г.).
12. Podbregar, Nadja. Mythos Mammutsteppe// Bild der Wissenschaft. 2014. Ausgabe 2. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.wissenschaft.de/erde-weltall/palaeontologie/-/journal_content/56/12054/2900768/Mythos-Mammutsteppe/ (дата обращения: 05.02.2014 г.).

13. Vieweg, Martin. Die charmante Strategin. Bild der Wissenschaft. 2010. Ausgabe 12. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.bild-der-wissenschaft.de/bdw/bdwlive/heftarchiv/index2.php?object_id=32454443 (дата обращения: 28.12.2010 г.).
14. Bild der Wissenschaft 1997. № 11.
15. Bild der Wissenschaft 1998. № 8.
16. Sueddeutsche Zeitung 1999.12.10.

2.3. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XI—XII ВЕКОВ

Баялиева Гульмира Жарылкасыновна

*канд. филол. наук, доцент кафедры казахского языка, литературы
и журналистики Кызылординского государственного университета
имени Коркыт Ата,
Республика Казахстан, г. Кызылорда
E-mail: Aidyn42@mail.ru*

LITERARY LANGUAGE OF TURKIC ANCIENT MANUSCRIPTS OF XI—XII CENTURIES

Bayalievа Gulmira Zharylkasynovna

*candidate of philology, associate professor of the department
of the Kazakh language, literature and journalism
of Korkyt Ata Kyzylorda state university,
Republic of Kazakhstan, Kyzylorda*

АННОТАЦИЯ

В статье автор рассматривает вопросы, связанные с процессом распада единого тюркского языка и формирования самостоятельных языков отдельных тюркских народов, вопросы развития тюркских языков в период с X по XV века. Значительное внимание уделяется анализу языка памятников письменности указанного периода, рассматриваются разные точки зрения учёных по вопросу о том, на основе какого диалекта сформировался язык караханидского государства. Автор предлагает свою точку зрения по данному вопросу.

ABSTRACT

The article touches upon the issues related to the process of disintegration of a common Turkic language and the formation of the independent languages of some Turkic peoples, the issues of Turkic languages development in the period from X until XV centuries. The author emphasizes on the analysis of ancient manuscripts language of the period

mentioned above, as well as she considers the points of view of the scientists on the issue, on the basis of which dialect the language of Karakhanid state was formed. The author proposes her own point of view on this problem.

Ключевые слова: тюркские народы; тюркский язык; Караханиды; тюркская письменность; памятники письменности; дастан; ответвления; варианты.

Keywords: Turkic peoples; Turkic language; Karakhanids; Turkic writing; ancient manuscripts; dastan; branches and variants.

X—XI века в истории тюркских народов отмечены значительными общественными событиями: в этот период каждое из племен, входивших в состав тюркского народа, начало формироваться как самостоятельный народ, приобретать независимость.

Этот процесс привел к распаду единого тюркского языка и формированию отдельных, самостоятельных языков, чему способствовали следующие факторы: уровень социального развития народов, географическое расположение, самостоятельность языков, религиозные убеждения и др.

Можно выделить два периода в истории развития тюркских языков с X по XV века: 1) период Караханидов (X—XII вв.) и 2) период монгольский (XIII—XV вв.).

В период с V—VII по X—XII века быт и культура тюркских народов были связаны с караханидским государством. В период правления династии Караханидов произошло развитие языка и литературы народов, населявших территорию Средней Азии и Казахстана: на основе языков кыпчаков, огузов, карлуков и уйгуров сформировалась тюркская письменность на основе арабской графики, появились памятники письменности.

В X веке на территории Жетысу проживали племена огузов, оказывавших давление на соседние племена. Первые упоминания о племени карлуков встречаются в документах, датируемых V веком. Карлуки занимали очень обширную территорию: от Шаша (Ташкента) до Балхаша и Иссыккуля.

Возможно, по причине проживания на большой территории они имели два центра: один из них — город Баласагун, второй — Кашгар. Карлуки разговаривали на различных диалектах тюркского языка. Позже из племени карлуков, входивших в состав караханидского государства, выделилось племя шигили.

Шигили вели кочевой образ жизни на территории вокруг Тараза и Иссык-Куля. По свидетельству М. Кашгари, шигили разговаривали на тюркском языке. В зависимости от места проживания они были разделены на три группы: 1) шигили, проживающие в городе Кум недалеко от Барсагана; 2) шигили, проживающие в небольших городах в окрестностях Тараза; 3) шигили, выбравшие местом проживания Кашгарию [1, с. 36].

Третье племя, входившее в состав караханидского государства, — ягмалы. Это одно из племен, которому удалось сохранить свой язык. Они вели кочевой образ жизни на территории от Иссык-Куля до Кашгарии, основное место проживания — Восточный Туркестан.

Большую роль в истории тюркских народов сыграли огузы, сосредоточившиеся на земле Жетысу. В IX—X веках огузы начали объединяться на территории Западного Казахстана и устанавливать свое первое государство. Например, узбекские языковеды придерживаются следующей точки зрения: узбеки, проживающие в населенных пунктах Созак, Сайрам, Карамурт Шымкентской области, разговаривают на огузском диалекте узбекского языка и являются потомками древних огузских племен [2, с. 99].

Самым ценным и значительным по объему памятником письменности эпохи Караханидов является труд Жусипа Баласугуни «Кутадгу білік», написанный в жанре дидактического дастана (высокохудожественного поэтического произведения). Поэт создал названное произведение в Кашгарии в 1069—1070 годы. До наших дней дошли три варианта дастана, и все они получили мировую известность.

С точки зрения языкового сходства близким к трудам Жусупа Баласугуни и Махмуда Кашгари является дастан А. Йугунеки «Хитабул хакайык». В языке названных произведений наблюдаются как сходства, так и различия. Дастан является первым художественным произведением, написанным на литературном тюркском языке.

«Тюркский язык» — это общее наименование. Существуют различные точки зрения относительно того, о каком из конкретных тюркских языков идет речь. Согласно точке зрения С.Е. Малова речь идет о древнем уйгурском языке; по мнению А. Наджиба, это карлукско-уйгурский язык; с точки зрения А.М. Щербака — карлукский язык, с точки зрения Г.Ф. Благова — карлук-кыпшакский язык, а по мнению А. Валидова — караханидский язык [3, с. 89].

По мнению казахских исследователей, Жусуп Баласугуни создал свой дастан на литературном языке, понятном всем племенам Караханидского государства, населявшим необъятные территории от Кашгарии до Амударьи [4, с. 78].

Следовательно, можно считать, что памятники письменности, датируемые XI—XV веками, написаны на общем для всех тюркских племен языке. Единый язык в зависимости от территории его распространения, от исторического периода имел свои особенности.

Итак, мы можем утверждать, что древний тюркский язык имел несколько ответвлений или вариантов. Например, огузско-кыпшакский, древний туркменский, узбекский и другие литературные языки являются различными вариантами древнего тюркского языка, сформированного на территории Поволжья, Средней Азии и Казахстана. Диалекты этого языка — языки отдельных тюркских народов.

Вопрос в том, какой из диалектов стал основой для литературного языка Караханидского государства? По нашему мнению, это язык племен аргу, шыгыл. Данная точка зрения основана на материалах словаря М. Кашгари, в котором рядом с каждым словом наряду с его лексическим значением автор указывал, к какому племени оно относится, и отмечал, что в языке других племен оно не встречается. Слова, часто употребляемые в литературном языке Караханидского государства, принадлежат языкам племен аргу и шыгыл. Фонетические и грамматические признаки языков племен аргу и шыгыл отмечены также в достаточном количестве в трудах «Кутадгу білік» и «Хибатул хакайык».

Эти доказательства дают нам основание утверждать, что литературные произведения караханидского государства созданы на основе варианта древнего тюркского языка племен аргу и шыгыл.

Выявление общих черт и отличительных признаков языка каждого памятника письменности — задача будущих исследований в этом направлении.

В результате успешного решения поставленной задачи будет установлена взаимосвязь современных тюркских языков с памятниками письменности, созданными на древнем тюркском языке.

Список литературы:

1. Кашгари М. Дивани лугат – ит турк. 1 Т. — 36 с.
2. Кайдаров А., Оразов М. Введение в тюркологию. Алматы, 1985. — 99 с.
3. Келимбетов Н. Древняя литература. Алматы, 1991. — 78 с.
4. Советская тюркология. Баку, — 1970, — № 4. — 89 с.

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ГЕНДЕРНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЯХ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА

Карбина Мария Сергеевна

*преподаватель, ассистент кафедры немецкой филологии
Кубанского государственного университета,
РФ, г. Краснодар
E-mail: maria-karebina@yandex.ru*

Карбина Ольга Петровна

*канд. филол. наук, доцент кафедры естественных и гуманитарных
наук филиала Южного федерального университета в г. Геленджике,
РФ, г. Геленджик
E-mail: karebina@yandex.ru*

TOWARDS LANGUAGE GENDER STRATIFICATION IN PROFESSIONAL NOMINATIONS OF SPORT DISCOURSE

Maria Karebina

*teacher, assistant of the Department of German Philology,
Kuban State University,
Russia, Krasnodar*

Olga Karebina

*candidate of Philological Sciences, associate professor
of the Department of Natural Sciences and Humanities,
Gelendzhik branch of Southern Federal University,
Russia, Gelendzhik*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с образованием наименований лиц женского и мужского пола по спортивным дисциплинам, которыми они занимаются. Актуальность темы обусловлена тем, что интерес к спорту в современном мире, несомненно, возрос в последние годы, в том числе и в связи с подготовкой к Олимпийским Играм-2014. Влияние спорта на различные сферы

социума вызывает потребность в языковом осмыслении этой сферы деятельности. Явление гендерной стратификации в языке также составляет перспективу исследований.

ABSTRACT

The article examines the problems connected with composing names for females and males according to sport disciplines which they do. The topic is relevant due to the fact that interest in sport in the modern world has undoubtedly increased in the last years, and specifically in connection with the preparation for the 2014 Olympic Games. Sport influence on different spheres of society drives the need for a language understanding of this sphere. The phenomenon of gender stratification in language is also a prospect for research.

Ключевые слова: спортивный дискурс; профессиональная номинация; гендерная стратификация; Гендер мейнстриминг.

Keywords: sport discourse; professional nomination; gender stratification; gender mainstreaming.

Как известно, гендер является сложным социокультурным явлением, которое аккумулирует сформировавшиеся в социуме различия в ролях, ментальных и эмоциональных характеристиках и речевом поведении мужчин и женщин.

Лингвистические исследования последних лет показывают, что гендер, значим, прежде всего, как конвенциональный феномен и как дискурсивный фактор переменной интенсивности. По мнению А.В. Кирилиной, особенно важно то, «какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности, в каких коммуникативных ситуациях и типах дискурса и с какой интенсивностью совершается конструирование, какие экстра- и интралингвистические факторы воздействуют на этот процесс» [6, с. 12].

Уже в начале XIX-го века тема английского языкового влияния в немецком спортивном дискурсе была обусловлена экстралингвистическим фактором моды на некоторые виды спорта, пришедшие в Германию из Англии и обозначающиеся вначале английскими терминами [5]. Профессиональные спортивные наименования лиц женского/мужского пола и категории рода связаны с проблемой референции, и гендер выступает как фактор референциальной вариативности значения. Характерной особенностью английских существительных общего рода, обозначающих статус или профессию, является то, что, теоретически относясь к лицам обоего пола, они, как правило, не используются, когда речь идет только о женщинах.

Гендерные параметры референции подобных существительных, по определению Е.С. Гриценко «чувствительны» к адресанту, адресату и предмету речи [1, с. 14].

При изучении вербализации антропологических смыслов в концепте спортивных игр установлено, что субъектов игрового процесса характеризуют игровые роли, строго распределенные между ними: есть игрок, тренер, судья, арбитры [8]. Эти лексемы обладают категорией только мужского рода, номинируя при этом лиц обоего пола. Для обозначения лиц противоположного пола подобной спортивной профессии добавляют: «игрок **женской** сборной», «**женщина**-судья», «**женщина**-тренер» и т. п. В разговорной речи имеют место такие морфологически созданные конструкции, как «тренерша», «арбитрша», режущие слух и несущие негативную экспрессию. Подобные тенденции нельзя игнорировать, поскольку разговорная речь является первичной формой речевой деятельности вообще и с исторической точки зрения значительно превосходит все прочие формы речевой интеракции [10, с. 176].

В данном случае можно говорить о *языковой гендерной стратификации*, которая является, в нашем понимании, *неравным распределением или тотальным отсутствием вежливо-уважительного семантического наполнения номинации, обозначающей лицо женской спортивной профессии*. Такая стратификация есть отражение в языке гендерной стратификации, которая имеет в разных словарях всего два общепринятых значения. В Словаре-справочнике по социальной работе гендерная стратификация — это «неравное распределение материальных благ, власти и привилегий между мужчинами и женщинами» [2]. Большой толковый социологический словарь, Тезаурус терминологии гендерных исследований, Современный англо-русский словарь по экономике, финансам и бизнесу характеризуют гендерную стратификацию как «процесс, посредством которого гендер становится основой социальной стратификации, а воспринятые различия между гендерами — систематически оцениваемыми и оцененными. Подобная стратификация нередко искажалась, и ее часто подчиняли социально-классовой или этнической стратификации. Но ее значение особенно в качестве системы, отражающей, что люди женского пола оцениваются и вознаграждаются ниже мужского, выделялось социологами, испытывающими влияние феминизма» [3, 4, 9].

Феминистское движение женщин против гендерной стратификации за равноправие (“*Gleichstellung*”), в том числе и в спорте, получило название “*Gender Mainstreaming*”. Английское заимство-

вание, аналогичное немецкому “Integration der Geschlechter”, “Gleichstellungspolitik” и русскому «Интеграция полов», «Политика равноправия», номинирует движение, охватившее многие сферы социокультурной жизни. Нередко Mainstreaming, как и все новое, мало изученное, подвергается резкой критике и нападкам со стороны журналистов, озабоченных поисками сенсации. Например, на сайте Анны Кисличенко приводится, вероятно, её же статья «Гендер-мейнстриминг как эффективный способ разрушения человеческого общества», подписанная «Катерина Беккер. Перевод с венгерского» и подхваченная в Интернете другими авторами:

«Слово "гендер" в 70-х использовали как лингвистическое понятие для обозначения пола. Радикальные феминистки, международные гомосексуальные и лесбийские организации стали популяризировать теорию, что социальный пол не зависит от биологического. Нет двух полов, их минимум — шесть в зависимости от сексуальной ориентации...Гендерный прорыв произошел на Всемирной конференции женщин в Пекине в 1995 году благодаря представителям феминисток и лесбиянок. Они знали, что изменения в обществе невозможны без изменения языка. Им удалось добиться, чтобы в официальных документах слово пол заменили на гендер...» [7].

В своей статье мы не ставим задачу полемики с подобными заявлениями, но считаем необходимым подчеркнуть важный для нашего исследования пункт программы этого движения. Особое внимание Gender Mainstreaming акцентирует на занятиях практически всеми видами спорта и фитнесом, сводя гендерную стратификацию лишь к различному дизайну, цвету и качеству спортивных костюмов, что, в итоге должно примирить представителей обоих полов, позволив каждому выбрать подходящую модель [12].

Известно, что женщины Германии с 1987 года получили официальное право указывать название своих профессий при помощи суффикса -in, благодаря чему номинации получили категорию женского рода, а субъекты спортивного игрового процесса — половой признак. Например: “Volleyballerin”, “Richterin”, “Trainerin”, “Fussballspielerin”. Вместе с тем П. Шлобински отмечает тенденцию нарастающего интереса общественности к женскому спорту, в частности к женскому футболу, отмечая при этом единственный недостаток этого вида спорта — его гендерный фактор: “Als nachteilig ist der geschlechtsspezifische Faktor zu werten, allerdings rückt der Frauenfußball zunehmend in das Interesse der Öffentlichkeit” [11, с. 54].

Окрепшее в новых социально-исторических условиях движение феминисток в Германии, наряду с его значительной ролью

в общественно-политической жизни страны, изменило гендерную стратификацию, что повлияло на возникновение в немецком языке новых слов, обозначающих женские профессии (в том числе и спортивные), и привело к появлению новых тенденций в развитии немецкого спортивного дискурса.

Краткий обзор научных работ, посвященных проблемам гендера, и проведенное исследование позволяют сделать следующие выводы:

1. Лексикон естественного языка, его номинативная система являются одним из важнейших объектов гендерных исследований, и в процессе подобных исследований нельзя игнорировать экстралингвистическую обусловленность возникновения ряда номинаций, особенно для обозначения лиц женского пола, а также тот факт, что гендер оказывается значимым параметром процесса номинации.

2. Лексико-семантическая группа, включающая в себя наименования женских спортивных профессий, является одним из наиболее динамичных, постоянно изменяющихся фрагментов словарного состава, который в некоторых случаях подвергается языковой гендерной стратификации, рассматриваемой в статье как неравное распределение или тотальное отсутствие вежливо-уважительного семантического наполнения номинации, обозначающей лицо женской спортивной профессии.

Список литературы:

1. Гриценко Е.С. Гендер в семантике слова // Гендер: Язык, Культура, Коммуникация: мат-лы III Междунар. конф. (Москва, 27—28 нояб. 2003 г.). М.: МГЛУ, 2003. — С. 12—13.
2. Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе. СПб.: Питер, 2008. — 368 с.
3. Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь: русско-английский, англо-русский / Дэвид Джери, Джулия Джери. М.: Вече АСТ 1999. — 543 с
4. Денисова А.А. Тезаурус терминологии гендерных исследований. М.: Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты, 2003. — 256 с.
5. Каребина М.С. Экстралингвистический фактор функционирования англицизмов в немецком спортивном дискурсе // Германистика в современном научном пространстве: традиции и новые аспекты германских и славянских языков. Краснодар: Куб.ГУ, 2013. — С. 225—230.
6. Кирилина А.В. Некоторые итоги гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: Язык, Культура, Коммуникация: мат-лы III Междунар. конф. (Москва, 27—28 нояб.2003г.). М.:МГЛУ, 2003. — С. 13—14.

7. Кисличенко А. Гендер-мейнстриминг как эффективный способ разрушения человеческого общества [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http:// annatubten.livejournal.com/242365.html](http://annatubten.livejournal.com/242365.html); <http://www.maybe.ru/>(дата обращения 18.02.04).
8. Шарикова Л.А. Вербализация антропологических смыслов в концепте „Spiel“ // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: мат-лы Междунар. школы-семинара (V Березинские чтения). Вып. 15. М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. — С. 212—216.
9. Эскин Л.Н., Федина А.М., Бутник В.В., Фаградянц И.В. Современный англо-русский словарь по экономике, финансам и бизнесу. М.: Вече, 2007. — 832 с.
10. Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik: Eine Einführung. Tübingen, 1991 (цит. Филипов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: СПб.ГУ, 2003. — С. 232).
11. Schlobinski P. Sportberichterstattung. Zur Inszenierung von Sportereignissen in den Massenmedien // Der Deutschunterricht. Seelze : Friedrich Verlag GmbH, 2002. Н. 2. S. 54 (цит. Голодов А.Г. Негативная экспрессия в отраслевом варианте разговорного немецкого языка (на материале языка футбола): монография. Рязань, 2012. — С. 22).
12. Was ist Gender Mainstreaming? [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gendermainstreaming.at/> (дата обращения 13.02.04).

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ТРАНСПОРТНОЙ ТЕМАТИКИ)

Коротаева Ирина Эдуардовна

канд. филол. наук, заведующий кафедрой И-05 «Иностранные языки»

Факультета иностранных языков

Московского авиационного института (МАИ),

РФ, г. Москва

E-mail: irinakorotaeva@mail.ru

**PROBLEMS OF DEFINING
AND STRUCTURING LEXICO-SEMANTIC FIELDS
(ON THE MATERIAL
OF TRANSPORT RELATED LEXIS)**

Irina Korotaeva

*candidate of Philology, Head of the Chair of Foreign Languages (№ 05),
Faculty of Foreign Languages, Moscow Aviation Institute (MAI),
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ лексико-семантических полей с позиций традиционной структурной лингвистики в сочетании с подходами когнитивной лингвистики. Исследование выполнено на материале лексики транспортной тематики. Выделяются основные признаки лексико-семантического поля «Транспорт». Особое внимание уделяется особенностям поля в американском варианте английского языка. Отмечается необходимость изучения семантических полей для развития лингвистической компетенции.

ABSTRACT

In the article there is made an analysis of lexico-semantic fields from a perspective of traditional structural linguistics along with cognitive linguistics approaches. The research is conducted on the material of transport related lexis. Main features of the lexico-semantic field “Transport” have been defined. Special attention is given to the field peculiarities in American variant of the English language. The necessity of studying semantic fields for the development of linguistic competence has been pointed out.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; структурная лингвистика; когнитивная лингвистика; полевая структура; семантический признак; ядро и периферия.

Keywords: lexico-semantic field; structural linguistics; cognitive linguistics; field structure; semantic feature; core and periphery.

Возникновение понятия «семантическое поле» связано с возрождением в 20—30-е годы XX-го века учения В. Гумбольдта о «внутренней форме языка», с научной дискуссией о «внутреннем содержании» языка как основном предмете лингвистического исследования. Различные исследователи давали своё понимание «семантического поля» (СП). Так, например, Й. Трир определял этот

термин как «понятийную сферу», «круг понятий», «понятийное поле». Л. Вейсгербер подразумевал под СП «часть содержания языка»; В. Порциг — «сущностные связи значений»; Г. Ибсен — группу слов, объединённых смысловой и грамматической общностью. Несмотря на различия в определениях СП, их объединяет общность целей, поставленных перед семасиологическим исследованием — «познать возможно более полно и во всех связях» «внутреннюю форму языка» как его единственное содержание [6, с. 30—31].

Современная лингвистическая наука базируется на когнитивно-дискурсивной парадигме, в рамках которой используются методы когнитивной лингвистики в сочетании с подходами традиционной структурной лингвистики [2, с. 16]. С точки зрения когнитивного направления, познание действительности разворачивается в определённом культурном контексте и обусловлено историческими и социокультурными факторами. Для более полной обработки информации, упорядочения её в ментальном лексиконе, сохранения её в памяти и обеспечения извлечения из неё нужных данных используется *полевой подход*.

Проблемами выделения лексико-семантических полей (ЛСП), их структурирования и определения внешних связей занимались многие учёные (З.Н. Вердиева, Ю.Н. Караулов, А.М. Кузнецов, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева, Г.С. Щур и др.). Под *полем* принято понимать совокупность слов, имеющих в структуре значения общий семантический компонент. Распределение лексики по *семантическим полям* сводится к разбиению множества слов на подмножества. Понимание полевой структуры некоторыми авторами (А.Г. Адмони, И.П. Ивановой, Г.Г. Почепцовым) коррелирует с представлениями об адаптивных системах и нечётких множествах. Теория нечётких множеств (множеств с размытыми границами или «пушистых» множеств) представляет собой математическое обоснование лингвистического понятия поля. Эти множества имеют периферийные элементы, одновременно являющиеся периферийными элементами соседних с ними множеств.

С точки зрения когнитивной науки существует соответствие между понятиями «семантическое поле», «ассоциативные связи» и «фрейм» [3, с. 187]. При рассмотрении слова как центральной единицы внутреннего лексикона отмечается особая важность знания о принадлежности слова определённому *семантическому полю*, о его включённости в определённые *фреймы*, т. е. в описание каких-либо стереотипных ситуаций. Важной особенностью лексикона считается его упорядоченность, так как только упорядоченная,

систематизированная и организованная определённым образом информация легче запоминается и легче извлекается из памяти в случае необходимости [4, с. 99, 103—104].

Одним из основных свойств *полевого структурирования* является раскрытие связи между языком и действительностью, выявление особенностей языкового сознания, раскрытие его национально-специфических черт. ЛСП — это «частичка («кусочек») действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной микросистемы»; «совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определённую область знания» [1, с. 334].

Семантическое поле характеризуется наличием общего (интегрального) и частных (дифференциальных) семантических признаков [7, с. 380]. Общий семантический признак объединяет единицы поля и выражается лексемой с обобщённым значением. Так, например, признак «перемещение в пространстве» в семантическом поле глаголов движения: *drive / ехать*; *sail, swim / плыть*; *fly / лететь*; *hover / парить*; *take off / взлетать*; *dive / пикировать*; *run / быстро перемещаться, ехать, ходить, курсировать, плавать (о поездах, судах)* и т. д. По частным признакам единицы поля отличаются друг от друга, например: *speed / скорость (передвижения)*; *means / способ (передвижения)*; *area / среда (передвижения)*. Интегральные семантические признаки в определённых условиях могут выступать как дифференциальные.

О взаимосвязи ЛСП в пределах всего словаря свидетельствует принадлежность многозначного слова к различным семантическим полям. Приведём примеры:

1. Слово *driver* [9, с. 390] в значении “*a person who drives / шофёр, водитель*” относится к ЛСП «Транспорт», а в значении “*a long-handled wooden or metal stick used for hitting the ball in golf / длинная клюшка (для гольфа)*” — к ЛСП «Спорт».

2. Лексическая единица *passenger* [9, с. 964] в значении “*a person, not the driver, traveling in a public or private vehicle / пассажир*» также принадлежит к ЛСП «Транспорт». Но это слово может быть отнесено и к полю, включающему черты характера людей, так как в британском варианте английского (BrE) языка у неё имеется ещё одно значение — “*a member of a team or other group who does not do his or her share of the group’s work / пассивный, уклоняющийся от работы и ответственности член команды (организации и т. д.)*».

3. Слово «wing» [9, с. 1504]

- в значениях «*the side part of a car that covers the wheels / крыло автомобиля*» и «*one of the large flat structures that stand out from each side of a plane and support it in flight / крыло самолёта*» относится к ЛСП «Транспорт»;
- в значении «*a movable limb which a bird or insect uses for flying / крыло птицы, насекомого*» — к ЛСП «Животный мир»;
- в значении «*the position or player on the far right or left of the field / фланг; крайний нападающий (в футболе)*» — к ЛСП «Спорт»;
- в значении «*a group within a political party, whose members have aims or opinions that are different from those of the main body of the organization / крыло (политической партии)*» — к ЛСП «Политическая система».

Анализируя ЛСП «Транспорт», можно заключить, что оно является совокупностью элементов, связанных между собой семантической общностью и единой функцией в языке, т.е. лексических единиц, служащих обозначением предметов и явлений, относящихся к теме транспорта, и на этом основании объединённых в соответствующее ЛСП. Кроме того, можно выделить следующие признаки этого поля:

1. Структура поля может быть представлена в виде более мелких составных частей: микрополей, лексико-семантических групп и т.д. В ЛСП «Транспорт» мы выделяем три основных лексико-семантических микрополя: «Водный транспорт», «Наземный транспорт», «Воздушный транспорт». Микрополе «Наземный транспорт», в свою очередь, можно подразделить на лексико-семантические группы: «Автомобильный транспорт», «Железнодорожный транспорт» и т.д. Осуществляя дальнейшее структурирование транспортной лексики, группу «Автомобильный транспорт» можно подразделить на лексико-семантические подгруппы: «Автомобиль», «Дорога» и т.д.

2. В структуре поля могут быть выделены центральные (ядро) и периферийные области. Элементы ядра обладают полным набором признаков, определяющих данное поле. Они наиболее специализированы для выполнения функций поля, наиболее частотны, мономорфемны, не являются недавними заимствованиями из других языков, например: *car (automobile), road, driver, passenger, train, rail, ship, boat, plane (airplane), pilot* и т.д. По мере приближения к периферийным областям смысловые связи в поле ослабевают. Элементы *периферии* обладают не всеми характерными для поля признаками, но могут иметь и признаки, присущие соседним полям.

С точки зрения когнитивной лингвистики лексикон рассматривается как компонент языковых знаний и языковых способностей,

который служит хранению в памяти человека знаний о названиях вещей, признаков, действий и других фрагментов мира. От ядра лексикона «расходятся волны следующих слоёв, образуемых единицами вторичной номинации самой разной структуры». Под «единицами вторичной номинации» понимаются, например, «производные и сложные слова», «устойчивые несколькословные наименования и фразеологические единицы» [4, с. 102].

Приведём примеры относящихся к периферии лексических единиц, характерных для американского варианта английского языка (AmE): *Citizens' Band Radio* (радиосвязь на общественном диапазоне, ОД-радио); *trucker talk, trucker jargon* / жаргон американских водителей грузовиков; *bus and truck theater* / «театр на колёсах». Неформальная лексика (жаргон американских водителей грузовиков), входящая в состав исследуемого поля, также относится к периферии: *doughnuts* / шны, *eyeballs* / фары, *ears* / ОД-радио, *bear* / патрульный полицмен на шоссе, *jockey* / водитель и т. д. Периферийные элементы морфологически сложны, ограничены в употреблении и дистрибуции, могут быть заимствованными словами, а также могут быть неизвестны среднему носителю языка. По мере удаления от ядра доминантные признаки ослабевают, появляются признаки факультативные.

3. Закон полевой организации системы языка проявляется в возможности наложения разных полей друг на друга, в результате чего образуются зоны переходов. Например, неформальная лексика в своём прямом значении относится к другим ЛСП. Сленгизмы и их соответствия в *Standard English*, как правило, имеют аналогичные признаки, свойства, характеристики. Так, например, фары автомобиля (сленг. *eyeballs*) похожи на глаза, а ОД-радио (сленг. *ears*) сравнивается с ушами. Заметим, что слово *bear* / медведь относится к ЛСП «Животные», *doughnut* / пончик — к ЛСП «Пища», *ear* / глаз и *eyeball* / глазное яблоко входят в состав ЛСП «Тело человека» и т. д. В данном случае имеет место наложение полей друг на друга, что позволяет говорить о модели языковой системы как о «непрерывной совокупности полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер» (по И.А. Стернину). Диффузность границ поля объясняется его «природой».

4. ЛСП отражают действительность, поэтому они непостоянны и достаточно чувствительны к изменению внешнего мира. Исторические и культурные события, происходящие в обществе, находят отражение в языке. Так, например, описанная выше неформальная лексика связана с событием в жизни общества — появлением такого

средства общения американских водителей грузовиков, как ОД-радио. Поле «Транспорт» является открытым множеством, которое реагирует на процессы дальнейшего развития системы транспорта, способно включать в себя всё новые и новые лексические единицы.

5. ЛСП «Транспорт» обладает автономностью, самостоятельностью в лексико-семантической системе языка, что проявляется в общих свойствах его элементов.

6. Поле в различных языках и вариантах одного языка (например, AmE, BrE) имеет свою специфику. Так, например:

- В AmE сформировался собственный набор лексических единиц, отличных от BrE: *hood* AmE // *bonnet* BrE, *side mirror* AmE // *wing mirror* BrE, *trunk* AmE // *boot* BrE, *antenna* AmE // *aerial* BrE, *fender* AmE // *wing* BrE, *railroad* (AmE) // *railway* (также *railway line*, *railway track*; BrE), *railroad station* (AmE) // *railway station* (BrE) и т. д.

- Для обозначения уникальных, отсутствующих в иной культуре предметов и явлений используется термин «безэквивалентная лексика». При анализе лексики, связанной с системой транспорта США, был выявлен ряд таких единиц: *drive-away company* / компания по перегону автомобилей; *drive-in bank* / банк «драйв-ин» («автобанк»); *drivetime* / «автомобильное время» (радиовещательное время с 7 до 10 и с 15 до 19 часов, когда основная масса радиослушателей-автомобилистов едет на работу и с работы); *Car no.1* / «автомобиль номер один» (автомобиль президента США; по аналогии с *First Lady* / жена президента США, хозяйка Белого Дома); *yappimobile* / «яппимобиль» (автомобиль, который предпочитают молодые люди «яппи»); *Yank tanks* / «танки янки» (историч., разг. большие американские автомобили, расходующие много бензина) и т. д.

- Фразеологические единицы отражают особенности культуры и создают особую картину мира в сознании носителей языка. Так, в США появились пословицы, связанные с автомобилем и свидетельствующие о его важности в жизни американского общества, о включённости автомобиля в систему ценностей данного языкового коллектива. Например:

Don't count your new cars before they are built.

A car in every garage and a chicken in every pot.

If you can't drive your car, park it.

You can't judge a car by its paint job.

It's the empty car that makes the most noise [9, с. 82—83].

В заключение отметим, что развитие лингвистической компетенции является важнейшей составляющей процесса обучения иностранному языку. В монографии «Общеввропейские компетенции

владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» изучение семантических полей предлагается как один из способов развития словарного запаса [5, с. 141]. Транспортная сфера и связанная с ней лексика представляет большой интерес с точки зрения изучения истории и культуры любой страны. Структурный состав ЛСП «Транспорт» достаточно объёмен и сложен по организации, поэтому при исследовании лексики транспортной тематики необходим системный подход.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энц., 1966. — 608 с.
2. Манерко Л.А. Язык современной техники: ядро и периферия: Монография / РГПУ им. С.А. Есенина. Рязань, 2000. — 140 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. — 245 с.
4. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. — 240 с.
5. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике, Страсбург. МГЛУ (русская версия), 2005. — 248 с.
6. Уфимцева А.А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике / Под ред. Р.А. Будагова, М.М. Гухман. М.: Изд. Акад. наук СССР, 1961. — С. 30—63.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 805 с.
8. Dictionary of American Proverbs (A) / Ed. by W. Mieder. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. — 710 p.
9. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman House, 1992. — 1528 p.

ПОЛИСЕМИЯ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ КАК РЕЗУЛЬТАТ КАТЕГОРИЗАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Урманова Лидия Эдуардовна

*старший преподаватель каф. Иностранных языков
Казанского Национального исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева,
РФ, Республика Татарстан, г. Казань
E-mail: urmanova.lida@mail.ru*

POLYSEMY OF THE NOMINATIVE UNITS AS A RESULT OF CATEGORIZATION OF REALITY IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Urmanova Lydia Eduardovna

*senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Kazan national research technical university named after A.N. Tupolev,
Russia, Republic of Tatarstan, Kazan*

АННОТАЦИЯ

Одной из наиболее актуальных проблем современного языкознания остается проблема полисемии номинативных единиц. Поскольку лексический состав не успевает реагировать на быстрые трансформации окружающей действительности, номинация реалий языковой картины находит свою реализацию преимущественно посредством расширения семантического ряда лексем. Использование семантико-функционального метода, когнитивной лингвистики и др. современного методологического инструментария позволяет проследить развитие многозначности как способа категоризации действительности.

ABSTRACT

One of the most urgent problems of modern linguistics is the problem of polysemy of the nominative units. The vocabulary has no time to react to the rapid transformation of surrounding reality. And the nomination of the realities of the language finds its implementation mainly through the expansion of semantic range of lexemes. The usage of semantic - functional method, methods of cognitive linguistics and other modern methodological

tools can reveal the development of polysemy as a way of categorizing of reality.

Ключевые слова: номинативные единицы; английский язык; категоризация действительности; полисемия.

Keywords: nominative units; English; categorization of reality; polysemy.

Трагические события первой половины XX столетия привели к глубоким онтологическим изменениям каждого аспекта человеческой жизнедеятельности, доказали несостоятельность ведущих принципов культурно-мировоззренческой парадигмы «прометеевского» Модерна направлять дальнейшее историческое развитие человечества. Новая эпоха, эпоха «текстуализации» (Ж. Дерида), пришедшая на смену Модерну в 60-х годах прошлого столетия, поставила в центре внимания научной мысли человека, его внутренний мир, расценивая его в качестве своеобразного текста, который обязательно имеет подтекст, привела к расцвету лингвистических наук.

Лингвистика начала XXI века активно разрабатывает направления, в которых язык рассматривается в органическом синтезе с культурологическим фоном, как этнический культурный код, занимаясь исследованиями языка с позиций выявления взаимосвязей «семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными» [10, с. 7—10]. Антропологическая парадигма исследовательской деятельности направляет научные интересы на изучение человека, который выступает «в роли субъекта, объекта и бенефицианта современных научных разработок» [14, с. 3].

В основу современного понимания языка положена дефиниция В. фон Гумбольдта, согласно которой язык представляет собой «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [5, с. 304], на пересечении этих миров и формируется человек как личность, как «текст», всегда имеющий глубокий подтекст.

Речевая деятельность человека всегда опирается на его знания о языковом видении мира. Дуалистическая природа языковой картины мира выражается в репрезентации внеязыковых отношений, с одной стороны, и — в воплощении результата восприятия этих отношений, — с другой.

В процессе исторического развития язык наследует свой материал и структуру от предшествующих эпох, однако, динамические изменения всех аспектов жизнедеятельности, появление новых реалий

ставят перед ним новые задачи. С целью реализации номинативной функции в подобных условиях человек либо создает неологизмы, либо подчиняет новым задачам выражения старый материал [3, с. 6]. Феномен полисемии, таким образом, выступает неотъемлемой, фундаментальной характеристикой языка, обусловленной самой психической природой: отсутствие синонимии и полисемии вынудило бы «держать в мозгу чудовищный запас слов с отдельными названиями для любого явления, о котором нам понадобится говорить» [3, с. 8]. По мнению М.И. Задорожного, сам язык превратился бы «в бесконечный и бессистемный набор этикеток, удержать который ни одно естественное запоминающее устройство было бы не в состоянии» [6, с. 9—10].

Современных лингвистов привлекают самые различные аспекты полисемии. Детально исследованы такие аспекты, как анализ семантической структуры, выявления типов значений, образующих полисемию, соотношение с синонимией и омонимией, когнитивные обоснования развития многозначности.

Неоценимый вклад в исследования феномена полисемии и лингвистики в целом внесли такие выдающиеся ученые, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, Л.С. Выготский, И.Р. Гальперин, Е.Л. Гинзбург, В. фон Гумбольдт, М.И. Задорожный и многие другие.

Несмотря на обширные исследовательские работы, являясь отражением постоянно меняющейся реальности, полисемия языка продолжает привлекать внимание и требует дальнейшего детального изучения с позиций современного методологического инструментария: семантико-функционального метода, когнитивной лингвистики, дискурсивного анализа, прототипической прагматики отдельных аспектов многозначности. В частности, малоисследованным остается феномен полисемии как средства словообразования, анализ многозначности производной лексики как категоризация реальности и когнитивных процессов, находящихся свое отражение в языковой картине мира, что обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Одним из приоритетных направлений когнитивно-дискурсивной лингвистики начала нового тысячелетия выступает исследование языка в его органическом синтезе с этнической концептосферой. Как отмечает В.А. Маслова, «языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры» [9, с. 26]. В большинстве случаев человек имеет дело не самим миром, а его репрезентацией, симулякрами, представленными через призму этнической культуры и языка. Язык не только служит средством репрезентации внеязыковых

отношений, но и во многом создает реальность, в которой живет человек. Как полагает Э. Сепир «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [11, с. 135—169]. Аналогичные идеи высказывали В. фон Гумбольдт, П.А. Флоренский, Л. Витгенштейн, Х. Гадамер, М. Хайдеггер и другие. Вопрос относительно влияния языка на мышление по сегодняшний день остается спорным, однако, тот факт, что в рамках дискурса отражается картина реального мира, является общепризнанным.

Как отмечает Н.Н. Гончарова, «между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения» [4, с. 397]. В современной научной литературе под языковой картиной мира понимают ментально-лингвальное образование, элементами которого выступают концепты, репрезентирующиеся средствами языка и выступающие отображением этнических особенностей.

Языковая картина создается преимущественно в ходе номинативной деятельности, и наиболее ярко выраженными языковыми средствами репрезентации национальной языковой картины выступают номинативные единицы, которые, по словам А.М. Хайретдиновой, представляют собой «ключевые слова, запускающие процессы этничности в языковом этнознании индивидуума» [12, с. 4]. Номинативные единицы являются наиболее обширным классом лексики любого языка, вместе с тем в современной лингвистике отсутствует единый подход к наименьшей единицей номинации. В традиционной лингвистике под номинативной единицей понимают слово, лексему, с выделения которого начинается анализ, «от которых затем происходит переход к выделению как более кратких (морфем), так и более протяженных (словосочетаний, иногда и предложений) единиц языка» [1, с. 66]. Вместе с тем, так называемые словоцентристские концепции не учитывают того факта, что слово в принципе не может выступать комплексной единицей, одновременно реализуясь на фонетическом, лексическом, морфологическом уровнях языка и существуя одновременно в пересечениях парадигматики и синтагматики. В свою очередь, несловоцентристские концепции Ш. Балли, Л. Блумфильд и другие отрицали номинативную сущность выделенных единиц, что также представляется неоправданным.

Одним из наиболее актуальных дефиниций номинатемы может выступать определение, данное Э.В. Кузнецовой, согласно которому

номинативная единица представляет собой «знак, имеющий самостоятельное содержание, которое может быть осмыслено вне контекста, независимо от функционирования в составе предложений. Это обобщенная виртуальная единица лексической системы, главной функцией которой является номинация» [8, с. 31].

Номинативный акт, осуществляемый при помощи словообразовательных средств языка, является связующим звеном между мыслью говорящего, отображающую внеязыковые отношения, и объективирующей ее формой языковой единицы. Взаимосвязь языка и мышления прослеживается также в процессе расчленения информационных потоков в процессе коммуникативного акта и ее распределения по категориям, другими словами, в процессе категоризации мира. Сами категории представляют собой подвижные блоки, объединения, концепты, которыми мыслит человек, которые «оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» [7, с. 90]. Номинативные единицы, таким образом, принимают активное участие в процессе категоризации действительности.

Номинативные акты, как уже отмечалось, могут осуществляться путём создания неологизмов или подчинения новым задачам выражения старый материал [3, с. 6]. Полисемия, таким образом, представляет собой универсальное явление, обусловленное действием закона ассиметричного дуализма языкового знака, согласно которому и обозначающее, и обозначаемое стремятся «выйти» из рамок, назначенных им партнером: «обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [3, с. 14]. Стремление обозначаемого приводит к синонимии, а обозначаемого порождает полисемию.

М.И. Здорожний видел в полисемии реализацию принципа экономии в языке, результат категоризации деятельности мышления: «действительность — безгранична, возможности памяти ограничены» [6, с. 9]. Необходимость фиксации всего безграничного опыта человечества ограниченными средствами языка, таким образом, представляется исторически обусловленной и необходимой.

Семантическая неоднозначность, таким образом, представляет собой интерес для исследований в качестве средства категоризации действительности, моделируя адекватные структуры репрезентации и формирования представления об объекте, что позволяет рассматривать феномен в качестве «метаязыкового конструкта,

понятийной, концептуальной единицы» [2, с. 7]. Сам принцип категоризации на основе полисемантических конструкций основывается на «фамильном сходстве» [2, с. 7].

В процессе категоризации картины мира психическая реальность ассоциативно-знаковых полисемичных моделей позволяет понимать под концептуальными структурами своеобразные схемы, «функционирующие в сознании и отвечающие за процесс категоризации по своего рода образцам» [2, с. 9]. Целостность концептуальных структур особенно ярко выражается при категоризации объектов, институтов, другими словами, наиболее активное участие в процессе категоризации действительности принимает полисемия номинативных единиц.

Выходя из позиций категоризации, полисемия может быть представлена как «микросистемное образование, категория категорий, члены которой организованы между собой на основе типизированных ассоциаций» [2, с. 9], с опорой на которые могут быть выявлены механизмы взаимосвязи мышления и языка, выявлена специфика формирования концептуальных паттернов, которые ассоциативно моделируются в семантической структуре полисемичного слова.

Вместе с тем, являясь универсальным феноменом, принимающим активное участие в процессе категоризации реальности, полисемия характеризуется этническими особенностями. Например, английский язык, выступая по своей грамматической структуре аналитическим языком, лишен тех способов образования дополнительных коннотаций, которыми обладают языки синтетические. Соответственно, переосмысление первичной семантики выступает одним из наиболее продуктивных способов словообразования английского языка. Как отмечает З.А. Харитончик, количество значений полисемантов английского языка намного выше, чем у русского [13, с. 225], по мнению отдельных исследователей, число многозначных слов составляет от 40 % до 58 % в словаре П.М. Роже [3, с. 14]. Процентное соотношение многозначных слов русского языка словаря С.И. Ожегова по разным данным составляет от 37 % до 54 %.

Таким образом, можно сделать вывод, что полисемия является универсальным феноменом, обусловленным историческим развитием картины мира, вызывающим необходимость отображения в языковой картине. Переосмысление первичного семантического значения в свете появления новых реалий картины мира относится преимущественно к номинативным единицам. Расчленение и соотнесение информационных потоков по категориям на основании дифференциации семантики с учетом тех или иных фундаментальных характеристик приводит к тому, что полисемия выступает одним

из наиболее значимых средств категоризации действительности, создания целостной концептуальной картины мира языковой личности.

Список литературы:

1. Алпатов В.М. О двух подходах к выделению основных единиц языка // Вопросы языкознания. — 1982. — № 6. — с. 66—74.
2. Вяткина М.В.. Полисемия словообразовательной формы: На материале русских говоров: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.01 Кемерово, 2004 — 289 с.
3. Герви О.Ю. Виды лексической полисемии в структуре дискурса: На материале английского языка: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. М., 2001. — 242 с.
4. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2012. — № 2. — С. 396—405.
5. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; [пер. с нем. Г.В. Рамишвили]. М.: Прогресс, 1984. — 398 с.
6. Задорожный М.И. О границах полисемии и омонимии. М., 1971. — 42 с.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
8. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: учебн. пособие [для филол. фак. ун-тов] / Э.В. Кузнецова. М.: Высшая школа, 1982. — 152 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
10. Попова З.Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / Попова З.Д., Стернин И.А. // Антология концептов. Волгоград: Парадигма, — 2005. — Т. 1. — С. 7—10.
11. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, — 1960. — Вып. 1. — С. 135—169.
12. Хайретдинова А.М. Лексико-семантические параметры номинативных единиц этнолингвоинформационного пространства тюркоязычных СМИ (на материале татарского, азербайджанского и казахского языков// Автореферат кандидатской работы. Тобольск, 2012 — 25 с.
13. Харитончик З.А. Лексикология английского языка: учебное пособие / З.А. Харитончик. Минск: Вышэйшая школа, 1992. — 229 с.
14. Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности (на материале английского языка) / Е.Г. Хомякова АДД филол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. — 35 с.

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ В ФИЛОСОФСКОМ МЫШЛЕНИИ

Хамдамиан Али

*аспирант кафедры русского языка
Киевского Национального Лингвистического Университета,
Украина, г. Киев
E-mail: ali.hamdamian@gmail.com*

EPISTEMIC MODALITY AND INTERSUBJECTIVITY IN PHILOSOPHICAL THINKING

Hamdamian Ali

*graduate student of Russian language
of the Kiev National Linguistic University,
Ukraine, Kiev*

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является установление взаимоотношения эпистемической позиции автора-субъекта и интерсубъективности, как механизмов отражения мышления в философском дискурсе. Осмысление научного познания и его результатов в рамках философского дискурса позволяет установить связь между эпистемической модальностью не только как инструментом мышления, но и как механизмом восприятия и интерпретации полученной информации в пределах определенного дискурса. Эпистемическая модальность в данном ключе работает как способ объединения близких субъективных мнений в контексте интерсубъективности.

ABSTRACT

The purpose of this article is to establish a relationship of epistemic position of the author-subject and intersubjectivity as mechanisms for the integration of thinking in philosophical discourse. Comprehension of scientific knowledge and its results within the philosophical discourse allows establish the connection between epistemic modality not only as a tool of thought, but also as a mechanism of perception and interpretation of data

within a particular discourse. Epistemic modality in this key works as a way to join close subjective opinions in the context of intersubjectivity.

Ключевые слова: эпистемическая модальность; интерсубъективность; философский дискурс; научное познание; мышление.

Keywords: epistemic modality; intersubjectivity; philosophical discourse; scientific knowledge; Thought.

Эпистемическая модальность в философском дискурсе является способом выражения степени полноты и характера знаний говорящего о явлении, в семантике которой находит отражение знание говорящего о сообщаемой в высказывании информации и его отношение к ней с точки зрения ее достоверности.

Интерсубъективность широко используется в современной антропоцентрической лингвистике. Однако определения этого понятия часто различаются. В наиболее широком смысле мы используем термин интерсубъективность как установление возможных отношений между точками зрения для последующего стремления достичь согласованной позиции между ними [4, с. 5]. Суть проблемы заключается в необходимости вывести за пределы феноменологического исследования интенциональные переживания, на основе которых осмысливается окружающий мир, существование мира другого.

Интерсубъективность играет особую роль для понимания эпистемической модальности. Она создает поле, или, как говорят когнитивисты, такие как: Джордж Лакофф, Жаботинская С.А., домен познания мира, бытия, объективной действительности. В познании все начинается с интерсубъективности, то есть человек приобретает знания из интерсубъективного мира. Знания могут быть поверхностными, но чем больше человек вникает в интерсубъективные знания, тем его взгляд на проблему достовернее. Обладание широкими познаниями в той или иной области дает возможность по-новому взглянуть на решение проблемы.

В традиции классической философии сформировались объективности, субъективности и интерсубъективности. Интерсубъективность как архетип философствования концентрируется на исследовании взаимосвязи моего Я и Я другого сознания. Здесь осознается, что процесс отображения действительности в форме понятий, суждений, умозаключений обусловлены предпосылочностью, несамодостаточностью моего мышления. Моё мышление понимается как ограниченное, скажем, естественной сущностью человека,

его образовательностью, социально-исторической и культурной природой, языком [1, с. 288].

Интерсубъективность — это сфера взаимодействия мышления субъектов действия, авторов. Она связана с микросообществом в пределах поля конкретного дискурса. «В этом поле взаимодействия», — отмечает А.П. Огурцов — «происходит нейтрализация личностных установок, убеждений, предубеждений, предпочтений», т. е. на уровне дискурса интерсубъективных отношений мнения суммируются для создания объективности, или, по крайней мере, аргументации определенной мысли, в результате чего выявляется десубъективация личностной позиции. Согласованные убеждения обретают статус не проекций убеждений одной из сторон коммуникации, а проекции совместного согласованного убеждения [2, с. 239].

Философский дискурс всегда привязан к понятиям, созидающим объективности, то есть для каждого философа существует идеологическая реальность. Любой субъект-автор в разной степени придерживается какой-то идеологии, принадлежащей к философской школе, подчиняется правилам научного социума. В зависимости от этого, субъект погружается в интерсубъективный дискурс своих сторонников, т. е., скорее всего, автор находится под влиянием интерпретативного механизма своего микросообщества. Так, например, если взять две основные школы в философском дискурсе, именно идеалистов и материалистов, то восприятие и интерпретация идеалистов реализуется в пределах их интерсубъективности. На этой основе они могут развить некоторые идеалистические модели, объясняющие наблюдения, и наконец, построить идеалистическую науку о некоторых идеалистических объектах. Для группы материалистов все эти данные в основном не будут научными в той же степени, в какой они будут для группы идеалистов, так как группа материалистов не может выполнить условия интерсубъективности идеалистических факторов, которые для них неприемлемы.

Научное (эмпирическое и теоретическое) знание воплощается всегда в конкретной дискурсивной форме. Учитывая особенности методов исследования и, механизм мышления, философ в своем дискурсе обращается к исследованиям и текстам других ученых. Следовательно, субъект мышления контактирует с континуумом мышления участников, у каждого из которых присутствует свое субъективное восприятие и, естественно, мнение. Любому исследователю необходима информационная база, на основе которой он строит свою гипотезу и с помощью интерсубъективной общности аргументирует свою теорию, а способ восприятия и категоризации

данной информации является субъективным. Таким образом, intersубъективным становится знание, прошедшее объективно необходимую (исторически обусловленную) верификацию в сообществе. Тут intersубъективность пересекается с направлением постпозитивизма фаллибилизмом, согласно которому любое научное знание принципиально не является окончательным, а есть лишь промежуточной интерпретацией истины, подразумевающей последующую замену на лучшую интерпретацию. Понятие «фаллибилизм» было разработано Ч. Сандерсом Пирсом, который утверждал, что в любой данный момент времени наше знание о реальности носит частичный и предположительный характер, есть точка в континууме недоверности и неопределённости [5, с. 65].

Эпистемическая модальность как инструмент мышления определяет и связывает ход мысли автора и движение к истинности. Она является способом выражения степени полноты и характера знаний говорящего о явлении и поэтому связана с intersубъективностью следующим образом.

А. Эксплицитная intersубъективность в виде прямых и косвенных отсылок и цитат, с которой солидаризируется автор — при помощи модальных маркеров достоверности или отсутствия маркеров проблемности, недоверности:

Маркс определяет конкретное, конкретность как «единство многообразного».

Б. ИмPLICитная intersубъективность проявляющаяся в рамках эпистемических модусов достоверности, возможности, проблемной достоверности.

Модус достоверности: *И действительно, именно философия помогла Марксу четко сформулировать то обстоятельство, что человек есть единственный «субъект» исторического процесса...(1963)*

Такие слова, как: **действительно, всегда, очевидно, конечно, несомненно, безусловно, и др.**, выполняют оценочную функцию применительно к другим текстам и в то же время играют роль коммуникативной стратегии для убеждения читателя в достоверности информации.

Модус возможности: *На первый взгляд это кажется верным: если мысль противоречит фактам, то следует изменить мысль, привести ее в соответствие с «общим», непосредственно данным на поверхности явлений (1957).*

*При таком наивном толковании Гегеля кантовский дуализм и в самом деле **может** показаться верхом премудрости (1966).*

Такие слова, как: **возможно, может, кажется, полагается, считается,** свидетельствуют, что автор, считает возможным существование иной реальности, он переходит от субъективности к интерсубъективности, включая в это интерсубъективное поле и читателя, как бы предлагает читателю учитывать факты действительности в мире возможности.

Модус проблемной достоверности: *Правда, как мы видели на примере с «талерами», Кант не везде строго выдерживает это словоупотребление, причиной чему является, однако, вовсе не неряшливость (в ней Канта упрекнуть трудно), а диалектическое «коварство» тех проблем, которые он поднимает (1979).*

*Конечно, говорить о меновой стоимости как о «части» семьи, городской общины или любого другого общественного целого было бы просто нелепо, хотя односторонним («частичным») отношением данного целого она и являлась. С другой же стороны, та же меновая стоимость **оказывается** в буржуазном обществе **вовсе** не «частичным», а «всеобщим» отношением между людьми (1967).*

Такие слова, как: **хотя, с другой стороны, как известно, ведь, вовсе,** и др., как инструменты разворачивания мысли, дают возможность автору выражать свое индивидуальное, субъективное мнение, балансируя на грани достоверного общепринятого мнения и проблемного знания, заставляя читателя задуматься о данной проблеме, втягивая его в формирование модальности, навязывая, таким образом, свою позицию, разделяя с читателем ответственность за сделанный вывод.

С помощью категории интерсубъективности фиксируется общность эпистемических установок, позиций, ориентаций взаимодействующих субъектов, которая достигается либо с помощью консенсуса между ними, либо посредством нейтрализации, вытеснения, подавления ряда индивидуально-субъективных характеристик сознания коммуницирующих субъектов (их оценок, предпочтений, предубеждений и т. п.) во имя достижения согласия, взаимопонимания и, наконец, осуществления диалога. Интерсубъективность занимает срединное положение в континууме установок и позиций — между индивидуальной субъективностью и надличностной объективностью.

Механизм выведения интерсубъективного философского знания строится на интердискурсивности как источнике информации; после на ее основе происходят когнитивные процессы анализа информации: тезис, антитезис, синтез, которые являются максимально субъективными. Очевидно, что в данном случае необходимо понять, как человек рационально мыслит о полученной информации и каким

образом мысль формируется, аргументируется с помощью языка, как отражается в эпистемических модусах.

Для логического анализа дискурса очень важно понимание положения дел в интересубъективном мире в соотношении с языковыми средствами со стороны автора. Для того чтобы постигнуть погруженность автора в интересубъективные отношения и выявить их связь, необходимо полностью овладеть текстом, так как его частичный анализ, не может в полной мере отобразить переплетения авторской мысли — от интересубъективности до субъективности и наоборот. Результаты анализа статей Э.В. Ильенкова в журнале «Вопросы Философии» иллюстративно изображены в диаграмме.

Проанализированы статьи «О диалектике абстрактного и конкретного в научно-теоретическом познании» (1955 г., № 1, объемом 6668 слов), «Проблема идеала в философии» (Статья первая, 1962 г., объемом 5786 слов), «Проблема идеала в философии» (Статья вторая, 1963 г., объемом 5989 слов), «Дидактика и диалектика» (1974 г., объемом 2193 слов).

Для анализа нами выбрано 663 высказывания (достоверность — 109, возможность — 175, проблемная достоверность — 379), в которых имеются интертекстуальные фрагменты. Соотношение эпистемических модусов достоверности, возможности и проблемной достоверности, практически одинаковы по годам — снижение их уровня в статье «Дидактика и диалектика» (1974) обусловлено меньшим объемом статьи.

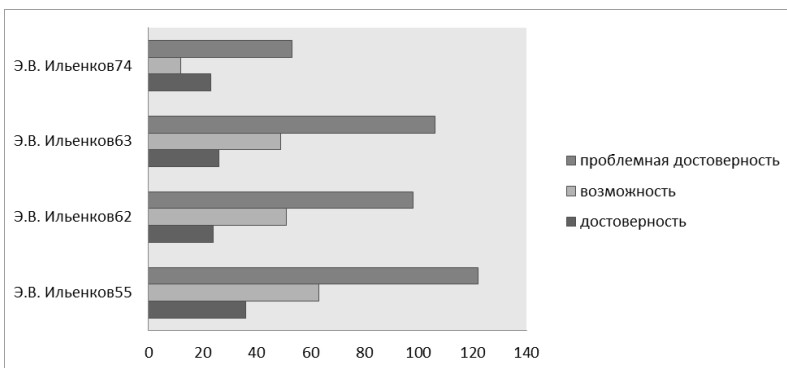

Диаграмма 1. Эпистемическая модальность в интересубъективном поле

Результаты анализа статей показывают сопряженность категории интересубъективности и эпистемической модальности.

Эпистемическая модальность выступает своеобразным «лоцманом» в интересубъективном поле философского дискурса: эпистемические маркеры корректируют инородные фрагменты в русле выстраиваемой автором концепции.

Как видим, в статьях Ильенкова доминирует проблемная достоверность и возможность не только как стиль данного автора, но и как особое свойство философского рассуждающего дискурса, что было обнаружено нами входе сопоставительного анализа текстов одного временного среза на материале журнала «Вопросы философии» № 12 — 2011 г. — 5 статей общим объемом 158 стр. [3, с. 51].

Таблица 1.

**Эпистемическая модальность философского дискурса
одного временного среза**

Номер и авторы статей*	Объем текста (по словам)	Эпистемическая Достоверность	Эпистемическая Возможность	Проблемная достоверность		
				Апелляция к читателю	Апелляция к общеизвестным	Ограничение объекта знания
1.Хоружий С.С	9037	12	38	16	6	21
2.Тараров Я.В., Иваненко Н.А.	4793	10	39	14	5	12
3.Бентем ван Й.	7197	24	31	15	4	9
4.Никольский С.Н.	6157	5	12	6	3	7
5. Лапин Н.И.	5251	8	9	5	1	7

На уровне текста интересубъективность находит объективацию в интертекстуальности, и шире, в интердискурсивности. Автору, порой приходится долго и тщательно анализировать информацию, и чем глубже и детальнее он рассуждает, категоризирует, расчленяет, тем шире смотрит на вопрос, тем достовернее становится знание. Любое обращение к чужому мнению всегда сопровождается эпистемической оценкой, пусть и не выраженной, как, например, в невключенном цитировании.

Что касается философского дискурса, то отбор мнений, их столкновение и оценка являются важнейшим механизмом манифестации эпистемического состояния автора текста, вносящего свою субъективную мысль в интердискурсивное поле философии.

Не менее важны связи эпистемической модальности и интересубъективности в процессе восприятия философского текста,

где картина усложняется сплетением интерсубъективных полей читателя и автора; и если эпистемическая позиция автора может быть описана путем дискурсивного анализа текста, то читательская оценка этой позиции требует экспериментного изучения. Предполагаем, что она зависит от степени включенности читателя в процесс научного познания. Этот аспект проблемы составляет перспективу исследования.

Эпистемические маркеры позволяют автору в различных установках регулировать и систематизировать интерсубъективные отношения, с помощью которых он аргументирует свои рассуждения. Чем больше автор употребляет эпистемические маркеры, тем больше погружен он в поле интерсубъективной общности.

Список литературы:

1. Мартынович С.Ф. Понятие философии как предмет метафилософского исследования: Ученые записки Волгоградского института экономики, социологии и права. Выпуск восьмой. Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права, 2007. — С. 114—119.
2. Огурцов А.П. Интерсубъективность как проблема философии науки философия науки. Вып. 14: М.: ИФ РАН, 2009. — 239 с.
3. Хамдамиан Али. Эпистемическая модальность в философском дискурсе: Научный Вестник кафедры ЮНЕСКО Вып. 14:К. Изд-кий центр КНЛУ2013. — 255 с.
4. Шевченко И.А. Эмпирические методы изучения лингвистического феномена: Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». — № 3 — 2012 — с. 50.
5. Шилков Ю.М.. Интерсубъективные факторы развития научного познания: Мысль. Санкт-Петербургское философское общество, Выпуск 8(2009). — С. 61—78.

Научное издание

**«В МИРЕ НАУКИ И ИСКУССТВА:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

Сборник статей по материалам
XXXIII международной научно-практической конференции

№ 2 (33)

Февраль 2014 г.

Часть I

В авторской редакции

Подписано в печать 27.02.14. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,375. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3